

A woman with long dark hair, wearing a white bikini, is posing in a kitchen. She is leaning against a dark wooden cabinet with her right hand on a metal handle. Her left leg is extended forward, and she is wearing black high-heeled shoes. The background is dark, and the lighting highlights her body.

На крючке

МЕΛΑΝΗ ΧΑΡΛΟΥ

Двадцативосьмилетняя Коко Томас знает рецепт для катастрофы: 1) Согласиться в последнюю минуту спланировать вечеринку-помолвку для избалованной принцессы мафии, прежде чем понимаешь, что ее выбор владельца ресторана — Ник Лупо, омерзительно красивый молодой шеф-повар, с популярным новым рестораном в городе, победитель реалити-шоу и твое романтическое прошлое — ничего из этого не закончится хорошо. 2) Заключить сделку с Ником, в результате которой ты соглашаешься провести с ним выходные в обмен на его услуги, при соблюдении жестких условий, что не будет никаких разговоров о прошлом, никаких вторых шансов и определенно никакого секса. 3) Нарушить все три условия в течение двадцати четырех часов и провести два восхитительных дня, вспоминая, что заставило тебя влюбиться в сексуального, эгоистичного ублюдка в первый раз, и почему это так больно, когда он разбивает твое сердце. Добавь поездку, много хорошего виски и нескончаемо полные ложки шоколадного торта, размазанного по твоему телу и слизанные с О-Мой-Бог-Прямо-Отсюда, чтобы просто признать это. Ты определенно НА КРЮЧКЕ.

1 глава

Для этого момента нужно немного виски.

Я вытащила бутылку бурбона Two James Grass Widow, которую хранила в нижнем ящике стола, и немного налила себе. Было только три часа дня, но была пятница, и во второй половине дня у меня не было клиентов, поэтому я сделала глоток для храбрости и подсчитала цифры.

Шестьдесят две тысячи долларов. Вот сколько мне нужно, если я хотела вложить двадцать процентов в дом и сделать ипотечный платеж, о котором так молилась. Черт. Я сделала еще один глоток.

Тридцать одна тысяча долларов.

Столько мне нужно, если я хотела вложить десять процентов и выплачивать каждый месяц. Прощайте латте, La Mer¹ и Laphroaig (прим. перев. марка шотландского виски).

Затем следовали затраты на завершение сделки, налоги и оплата расходов на переезд. Плюс мне придется продать свою руку, ногу, одну грудь, локоть и ягодицу, чтобы отремонтировать такое старинное здание.

Я сделала третий глоток бурбона и подперла лоб рукой.

Двадцать баксов.

Вот сколько мне нужно, чтобы купить молоток и разбить свою голову, и чувствую, это вскоре случится, если я не съеду из дома родителей. Я переехала домой восемь месяцев назад, чтобы сэкономить деньги на первоначальный взнос, но жить с родителями и ливанской бабушкой в двадцать восемь — это какой-то особый вид пыток. Они хорошие, приятные люди, но у них есть мнение на все, начиная от моего гардероба, цвета волос и до моей личной жизни, и они не стесняются его высказывать.

Твоя юбка не слишком ли короткая?

Почему твои волосы голубые на концах? В салоне случилась неприятность?

Не беспокойся, habibi (прим. перев. с арабского «любимая»). Множество девушек не

замужем. В наше время мы называли их старыми девами, но я уверена, что сейчас есть более милые названия.

Я открыла виски слишком рано сегодня.

Зажав одну сторону нижней губы между зубами, я проверила баланс своего счета. Сумасшедшие бабочки надежды запорхали в моем животе, как будто за ночь он мог увеличиться сам по себе, магическим способом.

Нет, все еще меньше пятнадцати тысяч.

Я выпустила воздух из легких, хотя даже не заметила, как задержала, мои плечи резко упали в поражении. Ни при каком условии я не могу позволить себе этот дом. И также не было никакого способа, что я смогу отказаться от идеи жить в нем. Это был мой дом, черт побери. Я поняла это в тот момент, когда вошла туда, даже несмотря на то, что там пахло кошачьей мочой.

Скрутив свои каштановые волосы с голубыми концами (это был не несчастный случай) на макушке в узел, я продела в них два карандаша и продолжила смотреть на цифры, которые написала в своем блокноте. Мой агент по недвижимости только что позвонил мне и сказал, что кто-то другой собирался сделать предложение по дому. Она сказала, что, если я хотела его, то должна действовать быстро, как будто моей проблемой была нерешительность. Я охотно хотела действовать быстро. Когда дело касалось того, чего я хотела, ждать в сторонке было не в моем стиле.

Но, что делать? Найти вторую работу? Ограбить банк? Продать яйцеклетки?

Не думайте, что я не рассматривала это.

Я сделала большой глоток выпивки и раздумывала над тем, что могла бы попросить у родителей еще семнадцать тысяч, чтобы покрыть десять процентов, что предлагал мой агент. У них было много денег, и они, вероятно, даже не попросят меня вернуть их, по крайней мере, не сразу. Но они будут думать, что их финансовая помощь будет означать право голоса в выборе дома, и я уже могла представить все споры, которые у нас будут по поводу покупки столетней, площадью в пять тысяч квадратных футов, недвижимости.

Переделать кухню? Это абсурд. Ты даже никогда не брала в руки молоток!

Двор? Не говори глупости. Ты не знаешь, как косить газон.

Для такого дома нужен мужчина.

Я выпила остатки виски и посмотрела на бутылку, серьезно рассматривая вариант налить еще, даже хотя цифры начали немного расплываться перед глазами.

— Я еду домой, — Миа просунула голову в мой кабинет и усмехнулась. — Нужно начать паковать чемоданы.

Благодарная за отвлечение, я поднялась с кресла и бросилась, чтобы обнять ее.

— Еее! Это так волнующе! Я бы хотела поехать с тобой! — во вторник Миа улетает во Францию, где через две с половиной недели она выйдет замуж. А мы с Эрин прилетим за шесть дней до свадьбы.

Миа позволила мне обнять свое стройное тело и рассмеялась, когда я не отпустила ее.

— Я тоже. Так много всего нужно сделать до восемнадцатого числа. И я бы очень хотела говорить по-французски, это бы все облегчило.

Она принялась.

— Ты пила?

Отпустив ее, я приложила одну руку ко рту.

— Немного. — Но затем я не смогла удержаться и нежно слегка потрясти ее за плечи.

— Боже, Миа. Я не могу поверить, что через две недели ты выходишь замуж за Лукаса! На вилле! В Провансе! — мы обе подпрыгнули вверх и вниз несколько раз.

— Я знаю! — она прикусила губу. — Но не сглазь, Коко. Я не хочу, чтобы в этот раз что-то пошло не так.

Миа была помолвлена уже один раз, но ее мудака жених отменил свадьбу.

— Прекрати. — Я сжала ее предплечья. — В этот раз все пройдет по плану. Все совершенно по-другому. Вы с Лукасом созданы друг для друга, эта свадьба будет самой прекрасной, которую мы когда-либо планировали, и даже все маленькие детали будут идеальными.

Миа закрыла глаза, как будто произносила быструю молитву.

— Я надеюсь, ты права.

— Так и есть, хочешь, чтобы я пошла с тобой и помогла тебе собраться?

Она покачала головой.

— Все в порядке. Я уже составила свои списки.

— Конечно же ты составила.

Она ущипнула меня за руку.

— Не смейся надо мной. Это моя свадьба. Я должна составить списки. И ты будешь управлять бизнесом одна в течение следующих двух недель. Я уверена, что тебе много чего нужно сделать.

— Да, например, заикнуться на мысли купить дом, который я не могу себе позволить.

Миа нахмурилась.

— Какой дом?

— Тот, в Индиан Вилладж. Я не могу перестать думать о нем.

— Старый? Коко, ты пьяна? Они просят более трехсот тысяч! Это много! И нужно очень много работать для этого!

Нервно я признала:

— Будет целая стройка, я знаю. Но я люблю старые дома! И когда я вошла туда, у меня появилось предчувствие. — Я вздрогнула, когда вспомнила, как переходила из комнаты в комнату с высокими потолками, скрипучими деревянными полами, окнами с решетками. Может, там были трещины в штукатурке и вонючий ковер — не говоря уже о кухне, в которой не было ремонта с 1975 года, — но там была старая газета, покрывающая разбитое стекло, и она была датирована 26 сентября, что было моим днем рождения. Это точно был знак.

— Предчувствие? — спросила Миа с сомнением, ее верхняя губа немного скрутилась.

— Как будто я должна жить там. Как будто он ждет меня. И та газета на кухне — это знак!

— Знак, что это окно было разбито с твоего двадцать первого дня рождения.

Я подняла свои руки в защитном жесте.

— Знаю, что это звучит безумно, но я чувствую связь с этим местом. Я не могу объяснить это. Я имею в виду, мы были в этом районе, глядя вообще на другой дом.

— Да, который ты можешь себе позволить.

— Я знаю, но когда я увидела этот, то влюбилась. Я думаю, это судьба. — Я приложила руки к сердцу и встала на цыпочки. — Я хочу его, Миа. И мой агент только что позвонила и сказала, что на него скоро поступит предложение. Она сказала, что лучше подготовиться действовать быстро.

— Конечно, она так сказала. Они все так говорят. — Она покачала головой. — Не позволяй ей давить на тебя. Покупка дома — это огромное вложение, и тебе нужно больше времени, чтобы подумать. Тебе нужен план.

Мои ноги вернулись на землю.

— Я должна съехать с родительского дома, Миа.

— Я понимаю это, — она пожала плечами. — ты можешь остаться со мной и Лукасом на какое-то время. У нас есть свободная комната.

Я ахнула.

— Что? Вы будете молодоженами! Ни за что. — Не только потому, что это будет грубое вторжение в их личную жизнь, а также потому, что это будет служить болезненным напоминанием, что у всех остальных людей на планете есть секс, а у меня нет, даже если это воздержание было моей идеей. Я не искала парня, чтобы выйти замуж, к огромному огорчению моей бабушки, но было бы мило встретить кого-то привлекательного, веселого и чертовски стойкого, чтобы зависать со мной.

У последних нескольких парней, с которыми я встречалась, были ужасные бывшие, дурная репутация или Эдипов комплекс². Я покончила с этим.

— Ладно, тогда с Эрин.

Я слегка выпятила подбородок вперед и уперлась носком моего красного сандалия в пол.

— Я хочу этот дом. Он нужен мне.

— Коко... — в ее голосе были предупреждающие нотки.

— Что?

— Ты не можешь позволить себе этот дом. Пообещай мне, что не сделаешь ничего опрометчивого, пока меня нет.

Мой взгляд переместился влево.

— Не сделаю. Обещаю.

— Коко!

— Что? — я наклонилась вперед и повозилась с ремешками на одном сандалиии чтобы избежать ее взгляда.

— Ты худшая лгунья в мире. Послушай меня. — Она схватила меня за руку и потянула, чтобы наши глаза были на одном уровне. — Я знаю, что такое предчувствие. Но ты не можешь купить дом, основываясь на предчувствии.

— У меня было предчувствие насчет вас с Лукасом, помнишь? — сказала я бодро. — Посмотри, во что это обернулось!

— Коко. — Ее голос был суровым, а хватка стала сильнее. — Да. У тебя очень хорошо развита интуиция. Но ты также очень импульсивна. Мы только привели наши финансы в порядок. У тебя довольно много накопленных наличных. Тебе просто нужно прекратить безумные траты.

Мои глаза снова опустились.

— У меня нет безумных трат.

Она отпустила мою руку.

— Ох. Нет? Как насчет наборов посуды за четыреста долларов, которые ты купила для всех нас в прошлом году?

Я скрестила пальцы вместе.

— Ну, это было Рождество... почти.

— И две сотни долларов на щипцы для завивки «Beachwaver»?

Я вытянула руки в защитном жесте.

— Это было ограниченное предложение в QVC! Я не могла упустить возможность!

— Эмм, уроки акробатики?

Я открыла рот, но ничего не сказала. Да, я точно ничего не могла сказать в защиту этого. Выдохнув, я покачала головой, мой дух увядал как свадебный букет недельной давности.

— Но это другое — это чувствуется по-другому!

Миа заговорила спокойным тоном.

— Послушай, после свадьбы я сяду с тобой, и мы составим список других домов, которые посмотрим, и обсудим плюсы и минусы каждого из них. — Либо она не увидела, как я сморщила нос, либо же проигнорировала это. — И если ты все еще не почувствуешь, что один из них подходит тебе, мы продолжим искать, хорошо?

Сморщившись, я пыталась смириться с тем фактом, что она была права, и я застряну в доме своих родителей еще на какое-то время. Передо мной опять замаячили бесконечные вечера разговоров и критики. Мои плечи опустились.

— Мне нужно еще выпить.

Она похлопала меня по голове.

— Что тебе нужно, так это немного поддержки. Вот как мы поступим. Все мероприятия, которые будут, пока я буду в отъезде, твои, все двадцать процентов комиссионных.

Я ахнула.

— Правда?

— Правда.

Обняв ее, я заверещала.

— Спасибо тебе! Ты самая лучшая подруга на свете! — Если повезет, я получу заказ на одну или две свадьбы в течение следующей недели. Если они будут достаточно большие, я смогу заработать, по крайней мере, десять тысяч, при условии, что я не увижу эти деньги в течение некоторого времени, но с гарантией, что они появятся, и может, я снова смогу рассматривать идею займа у родителей.

Пожалуйста, Господи. Пошли мне невесту. Милую, влюбленную, с изысканным вкусом и карманами, полными денег!

Как по команде, я услышала голос.

— Здравствуйте.

2 глава

Я отпустила Миа и, посмотрев ей за плечо, увидела невысокую молодую женщину, стоящую в дверях моего кабинета. У нее были длинные, до невозможности платинового цвета волосы, при этом идеально прямые, также на ней были узкие черные джинсы, топ с принтом зебры, а на лице было много макияжа. Плетенное золотое ожерелье располагалась в зоне декольте, а ее грудь была неестественно большой для человека ее комплекции. Крошечная белая собака выглядывала из сумки Луи Виттон, которую она носила подмышкой.

Я улыбнулась ей.

— Здравствуйте, я могу вам помочь?

— Я не знаю. Я ищу «Девин Ивентс».

Для ангела у нее был очень резкий голос. И восхитительный загар.

— Вы нашли нас. Пожалуйста, входите. — Миа протянула руку. — Я Миа Девин, а это мой партнер, Коко Томас. Я собираюсь уходить, но она хорошо позаботится о вас.

Вместо того, чтобы пожать руку Миа, девушка протянула визитку.

— Анджелина Спакетелли.

Мое сердце забилося быстрее. Даже имя было ангельским (прим. перев. на англ. имя Angelina)! Но казалось, что она больше подчеркивала свою фамилию, и мой желудок сжался, когда я поняла почему. Должно быть, она дочь Тони Спакетелли, иногда его зовут Тони Хука (прим. перев. с англ. «удар»). Официально он владеет дезинфекционной компанией, а неофициально контролирует мафию Детройта. Должно быть, Миа тоже это поняла, потому что посмотрела на меня за спиной Анджелины, и ее брови поднялись вверх.

Может, это был не мой ангел.

— Приятно познакомиться с вами. — Я взяла визитку и жестом указала на стул перед столом. — Пожалуйста, присаживайтесь. — Ее визитка была ярко-розовой с белым шрифтом. На одной стороне была изображена она с ее маленькой собакой, на головах обеих красовались диадемы, а на другой стороне было ее имя и контактная информация. Причудливый шрифт было трудно прочесть, но под именем я увидела подпись «Итальяно-американская принцесса».

Интересно. Я не знала, что такие есть.

Бутылка виски привлекала внимание со своего места на столе рядом с пустым стаканом, но я быстро засунула ее назад в ящик, прежде чем сесть.

— Что мы можем сделать для вас, Анджелина?

Опустившись в кресло, она щелкнула жвачкой и поставила сумку с собакой у своих ног.

— Для начала я хочу убедиться, что это вы проводили ту свадьбу на телевидении в прошлом году?

Я улыбнулась.

— Да, это мы. — Ранее этой весной «Девин Ивентс» была выбрана для планирования «Свадьба Года Детройта», и это был грандиозный успех. Мы получили много хороших отзывов в прессе. — Вы ищете кого-то, чтобы спланировать свадьбу?

— Еще нет. Но я хочу, чтобы вы спланировали мою вечеринку по случаю помолвки. — Она показала мне свое кольцо.

Оценивающим взглядом я осмотрела ее золотое кольцо с бриллиантом посередине, размером с яблоко.

— Вау. Поздравляю. Какого типа вечеринку вы бы хотели?

— Шумную вечеринку. — Она сделала небольшое движение двумя руками. — Для пятисот человек.

Пятьсот человек на вечеринке по случаю помолвки?

Иисус, насколько большой будет свадьба? И более важно, если я хорошо справлюсь с вечеринкой, доверит ли она мне также свадьбу? Я посмотрела на Миа, и она подняла большой палец вверх.

— Звучит весело. — Подняв глаза к потолку, я быстро сказала спасибо Господу за то, что послал мне это чудо, и положила незаполненный договор на свой лэптоп.

— Так, когда вы планируете? Позже в этом году?

— Вот в чем дело. Более короткий срок.

— Короткий срок? — Миа, которая все еще медлила в дверном проеме, выглядела слегка паникующей. «*Короткий срок*» было ее самым нелюбимым выражением.

Саму меня не заботило, насколько мало времени — мне был нужен этот заказ. Послав Миа, свою лучшую «Я разберусь с этим» улыбку, я начала выпроваживать ее из своего кабинета.

— Иди домой, детка. У тебя есть списки, помнишь? Я поговорю с тобой позже.

— Но...

— Я обо всем позабочусь. Ты как раз собиралась уходить. — Я сделала все, чтобы выставить ее за дверь.

Она улыбнулась.

— Ты права, прости. — Подняв руку и помахав на прощание, она исчезла в коридоре, и возможно, находилась в пределах хорошей слышимости, когда заговорила Анджелина.

— На следующих выходных. В субботу, четвертого августа. Она должна пройти в это время из-за телевизионщиков. Я буду участвовать в реалити-шоу.

Я могла практически услышать, как тормоза завизжали в коридоре.

Посмотрев на дверь, я ожидала, что Миа зайдет обратно в дверь и начнет спорить насчет этого, округлив глаза от паники. Я задержала дыхание.

Она не появилась.

Но мой телефон пиликнул от сообщения.

НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ.

— Вау, — убрав телефон со стола на колени, чтобы Анджелина не видела его, я выключила звук и прочистила горло. — Это очень короткий срок. А что насчет телевизионщиков? Вы уже участвуете в реалити-шоу?

— Еще нет. Но я рассматриваю шоу под названием «Итальяно-американская принцесса». Они ищут девушек для премьерного сезона. Поэтому я отправила заявку, и они решили, что я могу идеально подойти. Продюсеры собираются разведать обстановку и встретиться со мной, и я подумала, как лучше показать им мой звездный потенциал, если не устроив грандиозную вечеринку? Верно?

— Верно. — Пока она говорила, мой телефон завибрировал у меня на коленях три раза с секундой перерыва между ними.

ТЕЛЕВИЗИОНЩИКИ???

НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО!

НЕДОСТАТОЧНО ВРЕМЕНИ!

— Послушайте, я смогу заплатить больше или что угодно, — сказала Анджелина. — Я уже разослала приглашения. И я точно знаю, чего хочу, поэтому вам остается только устроить это. — Она издала звук, как будто уже сделала самую сложную часть работы, а мне просто нужно сделать пару звонков. В действительности, мне придется надорвать свою задницу, чтобы спланировать такую большую вечеринку в слишком короткий срок, потому что, полагаю, ее список точно-знаю-чего-я-хочу очень длинный, специфичный и смехотворный.

Это означало, все будет дорого.

Давай-ка, принцесса.

Мой телефон продолжал присылать оповещения о входящих сообщениях, когда я подняла тему стоимости.

— Анджелина, я бы хотела помочь вам, но такая вечеринка может обойтись очень дорого. Какой ваш бюджет?

ПЯТЬ ПРИЧИН, ПОЧЕМУ ТЫ НЕ ДОЛЖНА БРАТЬСЯ ЗА ЭТУ ВЕЧЕРИНКУ:

Она поджала свои розовые губы.

— Мне плевать, сколько это стоит. Самое важное — произвести хорошее впечатление. Очень хорошее впечатление. Незабываемое, вы меня понимаете?

1. ЕЕ ТВИТТЕР @ИСПОРЧЕННАЯИЗБАЛОВАНАЯСУЧКА

— Незабываемое, да. Ладно, тогда приблизительно. Сколько вам было бы комфортно потратить?

— Я не знаю. — Она пожала плечами. — Может, пятьдесят тысяч? Сто? Я понятия не имею, сколько стоит это дерьмо, но мой отец сказал, что заплатит столько, сколько я захочу.

2. ЖУТКИЕ ДЛИННЫЕ НОГТИ С ФРАНЦУЗСКИМ МАНИКЮРОМ НОГАХ+БЛЕДНО-РОЗОВЫЕ ГУБЫ С ТЕМНОЙ ПОДВОДКОЙ= ПЛОХОЙ ВКУС

Я моргнула. Дважды. Я верно расслышала? Пятьдесят-сто тысяч долларов? На вечеринку по случаю помолвки? Картинка того, как я смешиваю коктейли в своем больше-не-воняющем-кошачьей-мочой доме заполнила мою голову.

— Эм, за такие деньги вы можете произвести более чем хорошее впечатление.

Она улыбнулась и снова щелкнула жвачкой.

— Хорошо, потому что я хочу грандиозную вечеринку. Но она должно быть идеальной.

3. ОНА НОСИТ В СУМОЧКЕ ЖИВОТНОЕ С КОРОНОЙ НА ГОЛОВЕ.

— Грандиозную, понятно. — До тех пор пора она не ждет, что я буду носить диадему, мне совершенно плевать, что на голове у ее собаки.

— Грандиозная и идеальная. — Ее голос был слегка резким. — Вы сделаете все, что я захочу, верно?

На данный момент я испытывала дрожь сомнения. Я верила в свою способность планировать грандиозные вечеринки, но Анджелина может оказаться клиенткой, которой трудно угодить, да еще и ее вкус может оказаться чересчур для меня.

4. ОНА БУДЕТ МЕНЯТЬ СВОЕ МНЕНИЕ КАЖДЫЕ ПЯТЬ МИНУТ И ОБВИ ТЕБЯ В ТОМ, ЧТО ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ, ЧЕГО ОНА ХОЧЕТ.

Моя рука дрожала, когда я вписывала дату в контракт.

— Конечно, сделаю. — Дерьмо. Может, я должна была спросить, чего она хочет, прежде чем соглашаться, но уже было поздно. — Можем мы обговорить детали?

— Конечно.

— Место сбора?

— Легко. Дом моих родителей. Снаружи на лужайке во дворе. — Она дала мне фешенебельный адрес на Лейк Шоу Роуд, и я записала его. На самом деле это было не так далеко от места, где жили мои родители, что будет полезно. Пока все идет хорошо.

5. ВЕРОЯТНО, БАГАЖНИК МАШИНЫ ЕЕ ОТЦА ЗАПОЛНЕН ЧАСТЯМИ И ВСЕХ ПЛАНИРОВЩИКОВ МЕРОПРИЯТИЙ, КТО СДЕЛАЛ ЧТО-ТО НЕ ТАК.

На этом я выключила свой телефон и засунула в сумочку.

— Ладно. Я полагаю, двор достаточно большой для пары тентов?

Она уставилась на меня.

— Эм, да.

Конечно, он был большим. По этому адресу, вероятно, можно было установить цирк братьев Ринглинг на переднем дворе, и я не буду удивлена, если это было в списке запросов.

Схватив свой блокнот и ручку, я локтем отодвинула лэптоп в сторону и посмотрела на страницу с цифрой ипотечного кредита на нем. Сейчас она не казалось такой депрессивной. Улыбнувшись, я открыла пустую страницу и написала «Вечеринка Спакателли». — Хорошо, что еще у вас на уме?

— Я хочу фонтан из шампанского, большой танцпол, который будет освещаться снизу блестящими цветными огнями, группу и диджея, фейерверки, ледяную скульптуру меня и Лоренцо и...

— Подождите минутку, — я вытянула руку и остановила свою бешеную писанину. — Вы хотите ледяную скульптуру? В августе?

— Да. Я видела это однажды в Брайдзилле (прим. перев. История о невесте, слишком заикленной на своей свадьбе, к которой относится как к важнейшему событию в истории человечества.)

Боже, помоги мне.

— Я посмотрю, что смогу сделать. Как насчет еды?

— Ужин будет от Ciao Bella. Владелец — друг моего отца.

— Великолепно, — сказала я с облегчением. — Я часто с ними работаю. Это делает все проще для меня. Они делают десерты?

— Да, они сделают торт и кондитерские тарталетки. Мне нравится это анусовое печенье, что они делают. — Моя ручка замерла на середине слова, и я посмотрела на нее, не поднимая головы. Она сказала... анусовое печенье? Я посмотрела через свое плечо на дверь, почти ожидая увидеть камеры, снимающие нас. Это должно быть шутка. — Простите... какое печенье?

Она выглядела раздраженной.

— Анусовое или как там? Или может аннусовое? Я не знаю, как правильно сказать. Но оно правда хорошее. На вкус как лакрица.

— Ох, анисовое. — С облегчением я всосала губу между зубами, чтобы не рассмеяться, и опустила подбородок, в случае, если мои глаза выдадут меня. Гребаное анусовое печенье. Мне не терпелось рассказать Миа об этом.

Мы обговорили еще больше деталей, включая столы и стулья, цветы, бар, найм официантов и барменов, обустройство кабинок-уборных и также обсудили несколько местных групп. К моему облегчению, ничего из того, что хотела Анджелина, кроме ледяной скульптуры и фейерверков, не было невозможным, особенно с ее бюджетом. Может, нелепым, но не невозможным, особенно после того как я объяснила ей, что власти города, вероятно, не позволят ей тигров в клетках (видимо, ее жених был бешеным фанатом Детройт Тайгерс (прим. перев. бейсбольный клуб)). Я задержала дыхание, когда она вздохнула от разочарования, но эту новость восприняла нормально. Пока она была здесь, я сделала несколько звонков и договорилась с поставщиками, которых я знала и доверяла, об арендованном имуществе, а также с флористом и диджеем. Мы позвонили в агентство по поиску талантов насчет живой музыки, и связались с женщиной, ответственной за кейтеринг из Ciao Bella.

Святое дерьмо, я, возможно, на самом деле могла с этим справиться. Улыбка приподняла уголки моих губ, когда я вписала имена поставщиков в контракт. Нет, не возможно. Я абсолютно точно справлюсь с этим сама, и это будет невероятно. Грандиозно, но не обезличено. Весело, но не безвкусно. Элегантно, но не скучно. Миа будет гордиться мной, мы получим хорошую огласку, если это реалити-шоу будет пользоваться успехом, и с

предполагаемой суммой — при которой Анджелина даже не округлила глаза — у меня будет достаточно денег, чтобы внести десять процентов за дом. Я смогу даже сделать предложение на следующей неделе.

«Видишь? Перестань беспокоиться. Все это должно было произойти».

Это судьба.

И затем.

— Ох! Я почти забыла. Я хочу итальянского шеф-повара Ника Лупо, чтобы сделать бургеры в полночь, — произнесла Анджелина. — Сразу после фейерверков.

Пол резко упал на несколько метров вниз, а может, это мой желудок. Я схватилась за край стола.

— Что вы сказали?

— Я хочу этого итальянца. Вы знаете, тот, который занял первое место на реалити-шоу прошлого года о сексуальных шеф-поварах «Оближи мою тарелку»? Он отсюда, и у него есть ресторан, который называется «Бургер бар». Он там каждый вечер. Я видела его там на этой неделе.

— Да, я знаю, кто он, я просто... — не видела его с тех пор, как он сбежал из окна номера отеля в Вегасе семь лет назад, проشمгнув в окно — ...думаю, что будет сложно его заполучить.

Анджелина моргнула.

— Почему?

— Ну, потому что он, эм... — *Мой бывший. Теперь знаменитый.* Самый лучший секс, который у меня когда-либо был и самая большая ошибка, которую я когда-либо совершала. Было множество фраз, которыми я могла закончить это предложение, но наконец я продолжила: — вероятно недоступен.

— Я хочу его. — Анджелина ударила указательным пальцем по столу. Несмотря на ее бело-розовый педикюр, ее ногти на руках были выкрашены мерзким серым цветом.

— Я не думаю, что Ник Лупо участвует в частных вечеринках. — Я не говорила его имя вслух годами, и ощущение его имени на моих губах, мгновенно вернуло мощные воспоминания — вкус виски и яблочный пирог. Теплое, мускулистое тело,двигающееся рядом с моим. Хруст листьев под спиной. Теплый, влажный рот, приближающийся к моей груди, когда он заполняет меня внутри, изнывающую...

Я скрестила ноги и сжала бедра вместе. Нет.

— Это не просто частная вечеринка. Скажите ему для кого она, — сказала Анджелина. — Скажите ему, кто мой отец. Он сделает это.

Мои внутренности сбились в кучу.

— Я полагаю, что могу попытаться.

— Сделайте это, или найду того, кто сможет. — Ее голос был очень резким, и я внезапно испытала чувство, что Бог не посылал ее.

Черт.

— Я сделаю это.

Мое горло пересохло, мои слова были едва слышны.

— Что?

— Я сделаю это. — Сказала я более уверенно. — Я заполучу его.

— Вы обещаете? — Анджелина фыркнула.

— Да.

Черт. Черт. Черт.

Мы закончили и после того, как она ушла, я опустила голову на стол и билась лбом о деревянную поверхность, пока мне не стало больно.

Ник Лупо. Я должна встретиться лицом к лицу с Ником Лупо, после всего этого времени.

Даже Миа не знала всей правды о самом импульсивном решении моей жизни. Я слишком стыдилась рассказать ей.

Когда он оставил меня спящую в том номере в «Белладжио» семь лет назад, на мне было обручальное кольцо. Он надел его на мой палец ранее в ту ночь.

Он оставил свое кольцо на столике с запиской.

Это была ошибка.

3 глава

Мне нужен был план. Машинально я вытащила из сумочки телефон с намерением позвонить Миа, но как только я разблокировала экран, то увидела последнее сообщение от нее.

Миа: Пожалуйста, скажи мне, что ты отказалась от этой вечеринки.

Дерьмо. Я не могла просить ее о помощи. Более того, я собиралась солгать о заказе Спакателли. У нее и так было достаточно всего, о чем надо беспокоиться — ей надо было собрать вещи, все спланировать, а потом еще иметь дело с несколькими семьями. Их с Лукасом родители были в разводе, поэтому мысли о том, где всех разместить и посадить, вызывали у нее крапивницу. Я чувствовала себя гадко, что была не совсем честной с ней по поводу нашего общего бизнеса, но в данном случае, я просто немного уклонялась от правды, хоть я и ощущала себя немного эгоисткой. Хорошо, что мне не нужно делать это при личной встрече — Миа не шутила, что я худшая в мире лгунья. И на всякий случай, так как она могла расслышать фальшь в моем голосе, я решила написать сообщение.

Я: Не беспокойся, она согласилась передвинуть дату. Веселых сборов.

Я нажала «отправить», при этом игнорируя голоса в голове, кричащие: *Ты только что солгала своей лучшей подруге! Ты ужасный человек!*

Бросив телефон обратно в свою сумку, как будто он укусил меня, я сжала глаза и сделала несколько медленных, глубоких вдохов. Семь, если быть точной... один, за каждый год, который мы с Ником были не вместе. Годы, что я провела, горюя по нему, излечивая свое разбитое сердце, ненавидя себя за глупость, а Ника за его бездушное поведение. Годы, что я мирилась с тем фактом, что мы не подходили друг другу, что моя первая любовь не станет моей последней, независимо от того, какая это романтическая идея, и что некоторые предательства просто не могут быть прощены. Годы, что я страдала по нему.

Но это было прошлое. Давняя история.

Я могла все это отпустить, не так ли? Для пользы дела?

Сейчас я была старше. Мудрее. Я пережила чувства к нему.

Не так ли?

Черт, да, я пережила чувства к нему. Я пережила чувства к нему, и я справлюсь с этим.

Это будет моя мантра.

Я позвонила Эрин и спросила ее, встретит ли она меня в «Бургер баре» около семи. Она была более спокойной, чем я, а я нуждалась в человеке, который не позволит мне сделать что-то глупое, как например, разбить тарелку об его голову или схватить его за задницу.

— «Бургер бар»? Это не то место, которым владеет твой парень из колледжа, тот горячий шеф-повар? — Эрин не ходила в Мичиганский университет со мной и Миа, но слышала достаточно о низком, никчемном, изменяющем ублюдке Нике Лупо, чтобы быть шокированной от идеи направиться в то место, где был он.

— Да, — сказала я сквозь стиснутые зубы.

— Почему ты хочешь пойти туда?

Я рассказала ей все подробности, и она ахнула.

— Ты серьезно? И ты ответила согласием, не сказав Миа? Коко, это похоже, очень плохая идея.

— Я должна была. Миа сказала, что я могу сохранить комиссионные с любого мероприятия, которое будет заказано в ее отсутствии. А мне нужны деньги для первоначального взноса, чтобы я могла убраться из дома своих родителей. Это великолепная возможность! Откуда, черт возьми, я должна была знать, что она захочет, чтобы мой бывший парень делал гребаные бургеры на ее вечеринке? — к концу моей тирады я уже кричала, но ничего не могла с собой поделать. От мысли увидеть Ника после всего этого времени, мои внутренности скручивало в узел. Я избегала смотреть «Оближи мою тарелку» из-за страха, что снова начну страдать по нему, но я видела его фото в интернете достаточное количество раз, чтобы знать, что он до сих пор возмутительно красив. Фурункулез и облысение, которые я желала ему, так и не материализовались.

— Ладно-ладно. Я поняла это, но почему ты не расскажешь Миа правду?

— Потому что она и так паникует из-за короткого срока, что не такое уж и большое дело. Проблема совсем не в этом — проблема в нем, Эрин. Пожалуйста, скажи мне, что пойдешь со мной сегодня, чтобы поговорить с ним. — Эрин могла мило разговаривать с кем угодно и когда угодно, она, вероятно, даже смогла бы заставить его подумать, что в первую очередь это была его идея.

— Прости, я не могу. Сегодня день рождения моей мамы, и я пообещала поужинать с ней. Как насчет завтрашнего вечера?

— Нет, я должна сделать это сегодня. У меня мало времени.

— Откуда ты знаешь, что он будет там?

— На самом деле, я не знаю. Я просто надеюсь.

— Вероятно, я смогу встретиться с тобой позже, если она не заставит меня идти в кино. Напиши мне, хорошо?

— Ладно. И, пожалуйста, не говори Миа, что я солгала. Я расскажу ей правду во Франции, я обещаю.

Она согласилась сохранить это втайне, хотя я была уверена, что она думала, что это очень плохая идея. Но я буду беспокоиться насчет Миа позже. Было почти шесть вечера, что значит, у меня было достаточно времени, чтобы почистить зубы в ванной офиса, привести волосы в порядок и оценить свой внешний вид в крошечном зеркале над раковиной. Я выглядела достаточно хорошо, чтобы столкнуться с бывшим без команды поддержки? Я быстро осмотрела себя.

Волосы немного взъерошены, но в любом случае, они в порядке. Если бы я знала о сегодняшнем деле, утром я бы помыла голову, но сейчас уже поздно беспокоиться об этом.

Макияж в порядке, но губы нужно накрасить заново. Я вытащила из сумочки свою любимую помаду MAC's Russian Red, и нанесла ее, затем засунула палец в рот и высунула, чтобы избежать попадания помады на зубы.

Ты не должна делать это передо мной. Ты знаешь, что это заводит меня.

Голос Ника зазвучал в моей голове без предупреждения. В зеркале я представила, как он подходит, становясь позади меня, оборачивает одну руку вокруг моей талии и зарывается лицом в мои волосы.

Ты так хорошо пахнешь.

Прекрати, ты взъерошишь мне прическу, а мы уже опаздываем.

Мне плевать.

Это ужин в честь твоего дня рождения, и мы в доме твоих родителей.

Мне плевать.

Я задрожала, ощущая его дыхание на своей шее, одна его ладонь скользит на мой живот, его глаза смотрят в мои через зеркало, его член упирается в мою спину.

Мы опоздали той ночью. Сильно опоздали.

Желание захлестнуло меня, и я прочистила горло и потрясла голову. Прекрати это. Все это. Я смотрела на свое отражение с подозрением. Ты хочешь от него только одного, и это не включает в себя его эрекцию, просто сконцентрируйся на своей задаче.

Дыхание? Я выдохнула в свою руку и быстро понюхала, чувствуя себя как семиклассница на танцах, но осталась довольна результатом.

Теперь оценка наряда. Я была одета в платье, так как на дворе был июль, и у меня был строгий дресс-код: никаких штанов в месяцы между июнем и сентябрем. Платья не только позволяли прохладе обдувать мои ноги, но также я была уверена, что они больше всего подходят моей фигуре «песочные часы».

Сегодня на мне было одно из моих любимых платьев — подчеркивающее все изгибы, с короткими рукавами и юбкой-карандашом. На ткани был принт: крошечные красные розы на бежевом фоне, материал хорошо тянулся и был накрахмален в одно и то же время — своеобразное чудо современной техники шитья. Я любила винтажный стиль, но я буду первой, кто честно признается, что мой шкаф забит подделками, которые были более прочными, их было легче стирать и они просто были красивыми.

Я заперла дверь кабинета и спустилась по широкой лестнице в фойе отреставрированного особняка в викторианском стиле в Brush Park, в котором располагался офис «Девин Ивентс». Наши с Миа кабинеты были на втором этаже, раньше они были спальнями, а комната между ними в одно время была раздевалкой, но теперь служила двойной цели — как небольшой конференц-зал и лобби. В конце коридора была ванная комната, которую мы делили с дизайнерами интерьера, которые арендовали комнаты на другой стороне лестницы, но в это время по пятницам все здание было пустым.

Темное блестящее дерево перил и красивые отполированные лепниной потолки напомнили мне о доме моей мечты в Индиан Вилладж. Я провела рукой по атласной отделке и сфокусировала свое внимание на более важном — заполучить дом, если в ближайшие дни все пройдет хорошо, он будет моим в следующие несколько месяцев. Мои внутренности танцевали от волнения. Все, что я должна сделать, это уговорить Ника сделать мне одолжение. А он в долгу передо мной, не так ли? В очень большом долгу.

Ну и что, что после того случая я игнорировала все его попытки извиниться? Ну и что, что я развелась с ним, не сказав ни слова? Ну и что, что я отказывалась признавать его

существование на планете последние семь лет? После того что он сделал, это было моим правом.

Но я до сих пор не имела ни малейшего понятия, как подступиться к нему. Должна ли я быть дружелюбной? Разговаривать с ним как со старым приятелем? В конце концов, мы хорошо проводили время вместе. Очень хорошо. Что включало в себя полуночные поездки, лежание под одеялом под луной, брюки вокруг коленей, юбку на талии и звезды, падающие с неба за его головой, пока он шептал в мое ухо: *Ты знаешь, что я люблю тебя... не покидай меня никогда...* и его тело, вбивающееся в мое глубокими ритмичными толчками.

Я стояла двумя ногами на двух разных ступеньках, мои пальцы сжимали перила, а пальцы на ногах подогнулись в туфлях.

Ник, ты ублюдок. Ты любил меня. Я знаю это. И я любила тебя. Но этого было недостаточно. Почему этого не было достаточно?

Сглотнув комок в горле, который удивил меня, ведь я не плакала по Нику годами, и ни по какому другому мужчине с тех пор, я покинула здание, закрыв переднюю дверь, на трясущихся ногах подошла к своей машине, «Фольксваген Битл», и осторожно скользнула на водительское сиденье. В этом платье все нужно было делать очень осторожно. Осторожно — это хорошее слово для сегодняшнего дня. Я буду осторожна, чтобы не порвать свое платье, осторожна, чтобы не позволить своим эмоциям возобладать надо мной, и осторожна, чтобы не позволить прошлому оказаться в настоящем.

Или его руке оказаться на моей заднице.

Мысль проскользнула в мою голову прежде, чем я смогла что-то поделать, своего рода небольшая грязная шуточка, которую сказал бы Ник, если бы мог читать мои мысли, раньше я часто думала, что он мог. Он идеально понимал мое в-основном-шикарное-но-наполненное-развратным-смыслом чувство юмора, и я скучала по тому, как он смешил меня.

Что? Нет. Н-Е-Т. Я пережила чувства к нему, и я справлюсь с этим.

Но опасность встречи с Ником Лупо без плана игры была очевидной, и я чувствовала, что могу поддаться его чарам, если я не буду готова.

Я продумывала сценарий, пока ехала в Корктаун, где располагался «Бургер бар». Вот что мне было нужно — сценарий. Ничто нельзя оставлять на волю случая, не должно быть никакого неловкого молчания, во время которого у одного из нас возникнет соблазн вставить шутку, понятную только нам.

О боже мой. Прекрати. Это.

После напряженных раздумий я придумала пять различных подходов к встрече.

Первое — «Застенчивость», которая будет подана с пальцами сцепленными над грудью: *Ох, ты владеешь этим местом? Я не знала!*

Следующее: «Дружелюбие», сервированное легким ударом локтем в живот: *Эй, ты! Поздравляю с твоим успехом! Я хотела прийти сюда, но была так занята!*

Возможно сработает «Тоска По Прошлому», в сопровождении с небольшим похлопыванием ресниц: *Бог ты мой, помнишь ту ночь, когда я отдала тебе свою девственность в саду твоей семьи? Да, это было так мило. Уже слишком поздно попросить у тебя кое-что взамен?*

Затем «Честность», которая будет сопровождаться переступанием с ноги на ногу, и кривоватой улыбкой: *Послушай, я знаю, что между нами все закончилось довольно плохо, но дочь Тони Хука хочет, чтобы ты снабдил полуночными закусками вечеринку по случаю ее помолвки, и если ты откажешь, я умру.*

Наконец, у меня было «Отчаяние»: *Ты нужен мне. Я сделаю все, что ты захочешь, если ты сделаешь это для меня. Это скорее всего будет сопровождаться сорванными трусиками и позой 69.*

Господи помоги мне.

Несмотря на тепло ночи и тот факт, что мое окно было опущено, я дрожала. На самом деле, я даже не была уверена, каким будет ответ Ника. Он все еще думал обо мне? Раньше он не мог оторвать от меня своих рук, но это было ДО Вегаса. Я даже не могла догадываться, что он думал на тех выходных, не говоря уже о том, что чувствовал сейчас.

Я закрыла машину и закинула ключи в сумочку, мои плечи были напряжены. Мысли о прошлом взбудоражили меня — я из тех людей, которые помнят все очень ярко, помнят каждое испытанное чувство. Для меня воспоминания — это то, что я чувствую нутром, для меня все наполнено запахами, вкусами и звуками, и на протяжении нескольких лет я старалась держать их в себе. Но сегодня я чувствовала, как мои воспоминания о Нике Лупо трескались по швам, угрожая взорваться — звук его голоса, запах его кожи, вкус его поцелуя, ощущение его тела около моего, внутри меня.

Мой желудок моментально стал невесомым, и в миллионный раз я задалась вопросом, Ник на самом деле был так хорош в сексе или я так думала только потому, что он был моим первым, и в то время мне не с кем было сравнивать. Я имею в виду, насколько хорош на самом деле мог быть двадцатиднолетний парень? Возможно, мой разум преподносил мне это в особом свете: что чем дальше во времени, тем радужнее тебе это кажется. Я была уверена, что было много раз, когда в первую очередь он думал о своем удовольствии и игнорировал мои потребности.

Я просто не могла думать ни о чем.

Посмотрев в обе стороны, я пересекла Мичиган-авеню, дошла до обочины и положила руку на грудь в тщетной попытке успокоить свое быстро бьющееся сердце. Мне нужно было перестать думать о сексе с Ником, это не помогало. Мне нужно было сфокусироваться на настоящем. Придерживаться своей цели.

Сохраняй спокойствие. Хладнокровие. Бесстрастность.

Вертикальная неоновая вывеска «Бургер бар» висела справа от меня, и я заставила себя ставить одну ногу перед другой и двигаться в его направлении. Подойдя ближе, я услышала музыку, играющую внутри и ощутила запах жареного на гриле мяса и картошки-фри.

Еще пять шагов, и я буду у входа. Четыре.

Три.

Два.

Один.

Сделав глубокий вдох, я толкнула стеклянную дверь и вошла внутрь.

4 глава

Холодный поток воздуха от кондиционера обдул меня, когда я сняла свои солнцезащитные очки и огляделась вокруг, осматривая детали, как только мои глаза приспособились. Место было меньше, чем я ожидала. На полу белая плитка, с левой стороны бар и небольшие кабинки у стены с правой. Темное дерево. Желтые цвета. Доски на стенах. «Folsom Prison Blues», играющая в музыкальном автомате в углу. Я почти улыбнулась.

Ему все еще нравится Джонни Кэш.

В баре было многолюдно, каждая кабинка была заполнена, и каждое место у бара занято. Энергетика была молодежной, веселой и непритязательной. Каким-то образом атмосфера ощущалась одновременно городской и деревенской. Это место похоже на то, где ты можешь хорошо поесть и отлично провести время, посмотреть на других и показать себя. Ты можешь почувствовать себя одновременно современно и старомодно, так как на дощечках рядом с дверью была указана философия Ника о меню на основе только местных и региональных продуктов, выращенных органическим способом. Также рядом была дощечка, на которой было написано: *«Если ты расист, нацист, сексист, гомофоб или придурок — тебе вход воспрещен. В противном случае, добро пожаловать»*.

По крайней мере, там не было: «или моя бывшая жена».

Официанты передвигались быстро, держа подносы, нагруженные корзинками, которые были выстланы салфетками в голубую и белую полоску, на которых располагались огромные гамбургеры и горы ароматной картошки фри, из-за чего у меня тут же потекли слюнки. Несмотря ни на что, в моей груди расцвела гордость. «Оближи мою тарелку» было нелепым шоу — кого заботит, насколько горяч шеф, если он отлично делает свою работу? — но оно дало Нику огромный толчок. Он всегда хотел этого, свое собственное дело, чтобы все было так, как хочет он. Оглядываясь вокруг, я могла видеть, что каждая деталь здесь отражает его стиль, от дизайна меню до музыки. Когда я услышала, что позади меня открылась дверь, я сделала несколько неуверенных шагов вперед, чтобы не стоять на пути у прибывших посетителей.

— Коко Томас. Я узнаю эту задницу где угодно.

Я повернулась и обнаружила Ника Лупо, стоящего в нескольких сантиметрах от меня, так близко, что я могла увидеть крошечный шрам в форме полумесяца над бровью, как напоминание о его буйном детстве. У него были такие же густые темные волосы, хотя на висках и появилось несколько неожиданных прядей седины, и к этому широкому рту прилипла ухмылка от моего появления.

Я хотела что-нибудь сказать, но при виде его мои легкие перестали функционировать, задерживая кислород, как будто это был их последний вздох.

Черт. Почему он должен так хорошо выглядеть?

У Ника появлялись ямочки, когда он улыбался, и он был греховно сексуальный, когда пригвождал тебя взглядом, который говорил: *«К черту ужин, единственное, что я хочу съесть — это ты, и я чертовски голоден»*. Он мог перейти от мальчишеского очарования к сексуальному и требовательному за один удар сердца.

Его темные выразительные брови поднялись.

— Онемела, кексик? Это что-то новенькое. Или закончились прозвища для меня?

— Привет, — мне удалось произнести. Одно слово, но оно ощущалось как победа.

— Привет.

Когда я больше ничего не сказала, он рассмеялся.

— Ладно, пойдем. — Взяв меня за руку, он повел меня к бару, все глаза в помещении смотрели на нас. — Настало время тебе прийти сюда. Давай найдем, где тебе сесть.

Он прикасался ко мне. Он прикасался ко мне. Он прикасался ко мне. В моей голове голос повторял эту фразу снова и снова. Я серьезно недооценила, как его физическое присутствие будет влиять на меня после всего этого времени. Мою кожу покалывало от осознания, что это он, когда мое тело вспоминало безумную химию, которая у нас была, и только что проснулась после семи лет спячки.

Ник повел меня к концу бара, где был пустой стул, который я не могла видеть, находясь у двери.

— Садись здесь и дай мне посмотреть на тебя.

Я скользнула на стул, скрестила свои ноги и положила сумочку на барную стойку. Мои движения были нарочито медленными, чтобы не выдать, какой взволнованной я была.

— Спасибо тебе. — Целых два слова. Аллилуйя.

Широко расставив ноги, Ник скрестил свои мускулистые татуированные руки и покачал головой.

— Черт меня побери, если у меня не самая сексуальная бывшая жена на планете, — сказал он достаточно громко, чтобы привлечь внимание других клиентов, целенаправленно естественно. Ник любил хорошее шоу. Сразу я заметила, что еще больше голов повернулось в моем направлении. Камеры телефонов нацелены. Шепотки и взгляды. Я представила заголовки на TMZ (прим. перев. сайт со сплетнями): Раскрыт Секрет Прошлого Сексуального Шефа — Разочарованная Бывшая Жена. Я смущенно провела по своим волосам.

— Бывшая жена? — сказал парень на стуле рядом с мной, похожий на хипстера с зализанными рыжеватыми волосами и огромными пушистыми бакенбардами в стиле Авраама Линкольна. Он повернул свой стул к нам лицом и опустил свою пивную кружку в сторону Ника.

— Я не знал, что ты был женат.

— Я был, Лу, был. — Ник указал жестом на мое лицо. — Скажи мне, разве у меня не самая красивая бывшая жена? Я имею в виду, как много парней могут похвастаться этим? Подожди. — Он положил руку на мое плечо. — Подожди. Нас несколько? Сколько мужей ты собрала к этому времени?

Я улыбнулась сомкнутыми губами. Я не позволю ему спровоцировать меня.

— Только одного.

Он прикоснулся к своей груди, которая была обтянута черной футболкой «Бургер бар», рукава крепко обтягивали его бицепсы. Я заметила, что он носил серебряные часы Shinola, что на мгновение отвлекли меня, потому что я всегда возбуждалась от толстых сильных запястий Ника и его предплечий.

— Вот так-то! На мгновение я почувствовал себя неособенным! Я имею в виду, с тех пор как ты ушла от меня, у тебя было много времени... — он проверил часы. — По крайней мере, на тридцать браков таких же по времени как наш.

К черту все, он спровоцировал меня.

— Я ушла от тебя! Это ты оставил меня, помнишь? В номере в Вегасе? В нашу брачную ночь?

Брови Лу поднялись над ободком его кружки, и он смотрел на Ника, как будто ждал объяснений. Но я не дала ему и шанса защитить себя. К черту спокойствие, хладнокровие и безэмоциональность — он не спихнет это на меня.

— Или ты забыл о записке, которую оставил на тумбочке, рядом со своим кольцом? «Это была ошибка». Это тебе не кажется знакомым?

— Я извинился. Ты была той, кто подал на развод и уехал в Европу, не сказав мне, как упрямый подросток.

— Упрямый подросток! Ты извинился по смс-ке, Ник. Два слова: Прости меня. — На краткое мгновение я прижала руки к ушам и сделала глубокий вдох. Для этого было семь

лет, и я пришла сюда не ругаться. — Послушай, в любом случае, это больше не имеет значения. Да, я подала на развод и уехала в Европу, не сказав тебе. Потому что ты был прав. Женитьба была ошибкой.

Ник пожал плечами.

— На всякий случай, я не согласен. И я пытался сказать тебе это, но ты развелась со мной слишком быстро.

Я сжала руки в кулаки на коленях так сильно, что чувствовала, что мои ногти могут разрезать ладонь.

— Мы бы развелись в любом случае, Ник. Мы были молоды и глупы.

— Я был глуп. Ты была просто зла. Я не виню тебя в этом.

Я подняла голову.

— Но ты обвиняешь меня в других вещах?

Воздух между нами потрескивал от энергии. Ник сверлил меня своими глазами.

— В конце концов, это было твое решение покончить с нами.

— Ты изменял мне.

— Ты лгала мне.

— Ты первый солгал мне.

— Это было не то же самое.

— Подождите, вы, ребята, запутали меня. — Лу снова взял свое пиво и повернулся к Нику. — Давай начнем с тебя. О чем ты солгал?

— Во-первых он лгал о сексе, — я скрестила руки, раздражаясь на воспоминания. — Когда мы были первокурсниками в колледже, он сказал мне, что он девственник, как и я.

— Я должен был, или она бы не переспала со мной. — Ник подбросил руки в воздух. — Я должен был заполучить ее, Лу. Мне жаль, что солгал, но я был влюблен в нее, и должен был заполучить ее. По крайней мере, я сказал правду, когда все закончилось.

Лу кивнул, как будто он был арбитром в этом споре.

— Ладно. Какое-то дурацкое решение, но, возможно, я его понимаю, учитывая... обстоятельства. — Он сделал неопределенный жест в сторону моей груди. — А о чем лгала ты?

— Подожди минутку, какие обстоятельства? — я села выше, сощулив глаза.

— Я думаю, он имеет в виду обстоятельства, выступающие из твоей грудной клетки. — Улыбка осветила лицо Ника.

— Ноги тоже, — добавил Лу. — И лицо. Кто-нибудь говорил тебе, что ты выглядишь как молодая Лорен Бэколл³?

— Точно. — Ник покачал головой. — Мне было девятнадцать, и я был влюблен в самую красивую девушку, которую когда-либо видел. Я не мог вести себя по правилам.

Я покраснела, но гнев победил. Ник как всегда доводил меня до бешенства, а потом льстил, чтобы я простила его.

— Ох, ради всего святого. Это не оправдывает тебя.

— Ну, ты лгала о Париже. — Он повернулся к Лу. — На первом курсе она сказала мне, что ее не приняли в программу по обмену, в которую она всегда планировала вступить. Но она была такой плохой лгуньей, что я узнал правду.

— Я не хотела ехать в том же году. А у тебя не было проблем, с тем что я останусь позади в то время.

Может, потому, что ты провел большую часть того года, трахая меня сзади.

— Затем в следующем году она сказала мне, что даже не подавала заявление, еще одна очевидная ложь. Но она прокололась, и я узнал правду от ее подруги Миа.

— Потому что я не хотела уезжать от тебя, придурок. — Я злилась на Миа несколько недель из-за этого, но она сказала, что только поддалась и подтвердила убеждения Ника, когда он пообещал ей, что поощрит меня поехать. Миа думала, что я сумасшедшая, раз отказываюсь от учебы в Париже из-за парня.

— Оставить меня не было необходимым условием для разрыва отношений. Мы могли бы остаться вместе.

— Ха! — я ткнула его в грудь. — Ты изменял мне каждое лето, когда мы не были вместе. Ты думаешь, что был бы верен, когда нас бы разделял океан?

Ник приподнял подбородок.

— Я не изменял каждое лето.

Я закатила глаза.

— Два из трех. И я бьюсь об заклад, что было и на весенних каникулах, о чем я не знаю, и, возможно, на Рождество, и, вероятно, даже на день Мартина Лютера Кинга, — я повернулась к Лу и фыркнула, чувствуя превосходство. — Он не мог держать себя в руках. Никогда.

Как будто чтобы доказать мою точку зрения, Ник сжала мое бедро.

— Да ладно тебе, Коко. Два раза я поцеловал других девушек, это все. И ты расставалась со мной так часто, что иногда я даже не знал, вместе мы или нет.

Я убрала его руку.

— Потому что ты постоянно флиртовал.

— Последний год я был полностью верен тебе, я клянусь.

— Эм, ха, до тех пор, пока Миа не рассказала тебе о Париже. Затем ты пошел и трахнул кого-то другого.

Ник отвернулся, ничего не отрицая и не защищая себя, ночь его признания вернулась ко мне, как удар ножом в живот. Я кричала до хрипоты, ударила его по лицу и выставила его из своей квартиры. Затем я выбросила из окна каждый подарок, который он мне когда-либо подарил. Я вспомнила, как он наблюдал за этим, молча сидя на капоте своего грузовика в темноте.

Лу допил свое пиво.

— Ничего себе, это реально печально, ребята. Так что случилось дальше?

— Мы расстались, — сказала я, сжав зубы. — Но следующим вечером он появился у моей квартиры с бутылкой виски. — *И я не сказала нет, как должна была. Я никогда не могла отказать ему, когда он был причастен.*

Взгляд Ника встретился с моим.

— Мы снова сошлись.

Я подняла подбородок.

— Мы были пьяны, когда сделали это.

— Мы сели на поздний рейс до Вегаса.

— Сделали тату и поженились. Два идиотских решения.

Лу наблюдал за нами и мотал головой как на открытом чемпионате Франции по теннису.

— И затем?

Мы смотрели друг на друга на мгновение дольше, каждый из нас переживал боль и

удовольствие от этих безумных выходных. Что мы могли сказать? Неважно что, Ник не мог отрицать, что он был неверен той весной — акт предательства, который начал целую череду безумных событий. И наполненных виски, слезами и сексом безумств, когда я простила его, и вышла за него замуж — но затем он оставил меня в том номере отеля. Никакие извинения не могли компенсировать ту боль, и я была чертовски уверена, что не хотела слышать никаких объяснений.

Ради всего святого, почему я должна слушать, как он говорит, что не любил меня достаточно, чтобы остаться?

С помощью родителей я быстро предприняла все необходимые действия, чтобы оформить развод с ним, и уехала в Париж. Мы вдвоем решили сохранить это втайне, я даже не была уверена, что знала бабушка.

Позже в том году я сделала небольшое тату с его именем и датой нашей свадьбы на моей левой лопатке в виде летящей ласточки. На краткое мгновение я задумалась, что он сделал с большой татуировкой моего имени, написанной у него на груди.

Сейчас это не имело значения.

— И затем он ушел, — сказала я. Глубокий вдох. — Но сейчас я простила его. — Ложь соскользнула с моего языка на удивление легко, особенно для меня. Конечно, я никогда не прощу его. Разве это не написано на моем лице?

Ник наклонил голову, и я могла сказать, что он не поверил мне.

— Зачем?

— Что ты имеешь в виду под зачем? — бушевала я. — Ты попросил прощения, и я простила тебя.

— Я просил об этом тогда. Ты не захотела сделать это, а сейчас сделала. Должна быть причина, почему ты здесь после всего этого времени, — баловство вернулось в его дерзкую ухмылку в стиле Элвиса, и я почувствовала, что хочу ударить его. Но вместо этого я увидела открывающуюся возможность и приняла ее.

— Если ты хочешь знать, она есть.

— Я хочу знать.

— Я тоже, — сказал Лу, поднимая руку для бармена, чтобы принес еще одно пиво.

— Ладно. — Я сердито посмотрела на них обоих, прежде чем полностью сфокусировалась на Нике. — Мне нужно одолжение.

Его ухмылка стала шире.

— Сексуальное, я надеюсь.

— Нет. — Я села повыше, не обращая внимания на коварное приятное ощущение у себя между ног при мысли о сексуальном одолжении от Ника. — Кулинарное одолжение, на самом деле.

— Кулинарное одолжение? Хмм. Конечно, менее возбуждающе, но я заинтригован. Расскажи мне, кексик. — Он посмотрел на свои часы. — Пойдем дальше по улице выпьем в «Two James». Ты сможешь спросить об одолжении, а я смотреть на твое лицо — и может, на другие обстоятельства. Мы сможем выпить виски как в старые добрые времена и, возможно, что-то придумаем.

Ох черт. Я знала, что чувствовала по поводу «что-нибудь придумать за виски как в старые добрые времена с Ником Лупо», и это не имело ничего общего с готовкой. Смогу ли я доверять себе и придерживаться плана? Я посмотрела на его рот, первый рот, который я чувствовала на какой-либо части своего тела, что был очень сжат прямо сейчас. Как много

ночей я фантазировала об этих полных губах на моей коже? Как много фантазий начинались и заканчивались с этого рта на мне? Сколько оргазмов я подарила себе его телом, его голосом, его именем в моей голове? Слишком много, чтобы сосчитать, и я, вероятно, сделаю это сегодня снова.

Черт побери, он все-таки добрался до меня.

Мой рот открылся, и я произнесла свою мантру:

— Я переболела тобой. И я справлюсь с этим.

Ник рассмеялся, его рот был широко открыт, а голова запрокинута назад, все мое тело окутало теплом. Я и забыла, как сильно любила смешить его.

— Ах, боже. Я скучал по тебе, — сказал он, постукивая по моей ноге. — Давай. Пошли.

Я могу справиться с этим, повторяла я, хватая свою сумочку и быстро следуя к двери, чтобы у него не было соблазна сопровождать меня, положив руку мне на спину. Первая часть моей мантры слабела в моей голове.

Вызывая свою внутреннюю Миа, которая, я молилась, существовала где-то там, я составила несколько правил для себя. *Не сидеть близко, не прикасаться и не переборщить с воспоминаниями и виски.*

Когда мы достигли двери, Ник двинулся вперед, чтобы открыть ее, и я, плавно двигаясь мимо него, уловила его запах в теплом воздухе. Он был таким знакомым — мускусный и запах мужественности, но летний, как свежескошенной травы, так же с намеком на измельченные травы, что он использовал на кухне ранее. Довольно скоро я добавлю к этому виски, и эта смесь может оказаться смертельной.

Я посмотрела на него через плечо.

— Спасибо.

— С удовольствием. — Его губы изогнулись в медленную сексуальную улыбку, и я добавила еще несколько правил к списку.

Не вдыхай его запах, не смотри на его рот и абсолютно точно не целуй.

Великолепно. В этот момент мне захотелось попросить у бармена «Two James», повязку на глаза, прищепку для носа и защитную маску. И мне нужно будет сидеть на своих руках, пока мои ощущения не притупятся.

Полагаю, что повторю этот заказ.

5 глава

Чтобы отвлечься от того факта, что Ник Лупо шел возле меня, и что мы на самом деле шли куда-то вместе после всех этих лет, я начала считать шаги, которые потребовались, чтобы добраться до «Two James». Миа научила меня делать это, когда я жутко хотела что-то купить, но знала, что у меня нет денег. Я считала шаги, которые мне нужно было пройти, чтобы дойти до магазина, повернуть за угол, чтобы скрыть его из виду. Обычно это срабатывало, но сегодня эта стратегия была обречена на провал, так как объект моего желания следовал за мной. Сумки, косметика и туфли на высоких каблуках просто не делали этого.

Но я пыталась. Это считается, верно?

Двадцать девять, тридцать, тридцать один. Смотря вниз на землю, я наблюдала, как наша обувь ударяется о цемент. Черные замшевые ботинки Ника с ярко-голубыми шнурками,

казалось, двигались намного медленнее, по сравнению с моими быстрыми, беспокойными шагами, и я вспомнила, что он никогда не был человеком спешки. Это сводило меня с ума, особенно когда мы опаздывали. Мы постоянно препирались насчет этого, и один раз, когда мы ввязались в эту безумную философскую дискуссию о времени, он обвинил меня, что я смотрю на него как на песок в песочных часах. Оно кончается и ускользает.

Но время кончается, утверждала я. И оно ускользает, если ты не осторожен. Ты можешь получить его, но должен будешь сделать выбор, как провести его с пользой. Я не верила в откладывание чего-либо на следующий день, например, что нужно ждать распродажи, чтобы купить что-то, или колесить по парковке в поисках места на десять метров ближе. Я не сидела в надежде, будто что-то направит мой путь, когда я сама могла приложить к этому усилия и получить то, что хочу, и быстро.

Я обвиняла его, что он воспринимает время как океан, бесконечное и тянущееся перед нами как вечность, но это не так. Где-то на другой стороне другой берег, и более того, уровень воды, вероятно, сокращается.

Он рассмеялся и, пощекотав меня, опустил меня спиной на покрывало, которым мы пользовались на улице, чтобы пить виски и смотреть на звезды, когда мы посещали ферму его бабушки. Я не думала об этом споре годами, но его следующие слова вернулись ко мне так же ясно, каким было небо в ту ночь.

— Послушай, — сказал он, растягивая свое длинное, худое тело на мне. — Когда мы приезжаем сюда, в деревню, и я смотрю на небо, полное звезд, каким-то образом я знаю, что я, ты, время и все во вселенной будет длиться вечность. Поэтому не пытайся сказать мне что-то другое, потому что я не хочу это слышать.

Каждая клеточка в моем теле вибрировала жизнью и чувством, когда я смотрела на него. Он сказал вечность. *Он сказал вечность.*

— Вечность, ага?

Он потер свои губы со вкусом виски об мои.

— Вечность.

И затем по какой-то причине я испугалась, что он умрет молодым, потому что он был идиотом и мог быть безрассудным и глупым, каким мог быть только двадцатидвухлетний парень, и я прижала его к себе, открывая свой рот, свои ноги и свое сердце так широко, как это было возможно, как будто то, что он будет внутри меня — защитит его.

Я должна была волноваться о том, чтобы защитить себя.

Мое сердце заняло на мгновение, вспоминая, как сильно я любила его в ту ночь, как сильно мы любили друг друга. Я так хотела верить, что он мог быть прав.

Я хотела вечности.

— Мы на месте. — Ник распахнул дверь в бар, расположенный в старом гараже на Мичиган-авеню. Круговая барная стойка в дегустационном зале была занята, но один из барменов в приветствии помахал Нику и показал жестом на пустое место рядом с ним. Когда он протер бокалы и вытер стойку, я подошла и заняла место, поставив сумочку на свои колени, Ник скользнул на стул рядом со мной.

— Ник. — Бармен, очень бородатый парень в голубой рубашке, протянул Нику руку через барную стойку. — Рад видеть тебя.

— Я тебя тоже, Себастьян. Это моя подруга, Коко.

— Приятно познакомиться с тобой, Коко. — Себастьян вытянул руку, и я приняла ее.

— И мне, — сказала я. — Я большой фанат «Two James».

Он улыбнулся.

— Что я могу сделать для вас?

— Как насчет пяти шотов для дегустации? — Ник посмотрел на меня. — Ты не против поделиться?

— Конечно.

Себастьян покинул нас, и Ник повернул свой стул, чтобы быть лицом ко мне, и опустил свои сложенные руки между бедер.

— Итак.

Я быстро посмотрела на его запястья, которые, так случилось, покоились прямо рядом с его промежностью, вызывая еще одну нежелательную, но тем не менее, приятную щекотку между ног. Я сжала ноги вместе и заставила себя встретиться с ним взглядом.

— Итак.

Он ничего не сказал, просто продолжил смотреть на меня, а затем зажал свою полную нижнюю губу между зубами, как будто он хотел что-то сказать, но не был уверен, должен ли. Очень не похоже на него.

— Что? — я ерзала на своем сиденье.

— Что, что?

— Ты уставился на меня.

Он пожал плечами.

— Ничего не могу поделать с этим. Ты красива, даже красивее, чем была в моих мыслях, что не могло быть возможно.

Чувствуя, что мои щеки краснеют, я опустила взгляд на барную стойку и начала складывать салфетку, которую положил Себастьян, в еще более маленькие квадратики.

— Не надо.

— Да ладно, ты должна позволить мне немного посмотреть на себя. Прошло так много времени.

Я кивнула, отказываясь встречаться с ним взглядом, и боясь, что если сделаю это, то время каким-то образом начнет прокручиваться назад.

— Так и есть.

— Семь лет.

— Семь лет, — повторила я.

— Семь лет, два месяца, пять дней, четырнадцать часов... — он посмотрел на свои часы. — И шесть минут.

Моя челюсть отвисла, сердце сильнее забилося в груди. Он на самом деле отслеживал, сколько времени прошло с тех пор как мы не виделись?

— Подожди минутку. Ты серьезно знаешь это?

Он ухмыльнулся.

— Нет, я просто дразнюсь. Но это, вероятно, близко.

Я шлепнула его по ноге.

— Брр, я поверила тебе на секунду, ты, придурок. Боже. — Закатив глаза, я снова вернулась к салфетке, развернула ее и снова начала сворачивать.

Ник мягко рассмеялся.

— Извини, не смог удержаться. — Он сделал паузу, заерзав на месте. — Ты знаешь, я не могу определить, похоже ли, что прошло семь лет или семь часов с тех пор, когда я видел тебя последний раз. В действительности, такое ощущение, будто времени совсем не прошло.

Я задавалась вопросом, имел ли он в виду, что я не изменилась или, что его чувства ко мне не изменились, что они выбрались на поверхность — незванные и неудержимые как мои.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — сказала я, пытаюсь сохранить свой тон нейтральным. — А с другой стороны, очевидно, как много времени прошло. — Не в состоянии удержаться, чтобы не подразнить его, я вытянула руку и провела пальцем по нескольким седым волосам над его ухом. — Старичок.

— Очень смешно. — Он схватил меня за запястье, и его глаза светились, когда я изо всех сил пыталась вырвать свою руку. Мое сердце начало биться сильнее, когда я поняла, что последний раз он держал мое запястье, когда трахал меня. Я замерла. Посмотрев на мою руку, он заметил татуировку, которая проходит от внутренней стороны запястья к локтю, цитата из книги, которую я любила, когда была ребенком.

— Красивая. Новая?

— На самом деле нет. Я сделала ее в Париже. — Наши глаза встретились, и невысказанная история передавалась между нами.

— Что тут написано? — он изучал французскую надпись.

— Тут говорится: *«Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь»*. Это из «Маленького принца».

Ник снова посмотрел на тату, так нежно, что на секунду я подумала, что он поцелует ее, и я буду потерянной.

— Я сожалею.

— О чем?

— Обо всем.

Медленно он провел своим большим пальцем по этим словам, и мне показалось, что вся комната замерла, весь воздух сжался вокруг меня. Это была произвольная ласка, но она отправила мощную волну желания через мое тело и вызвала воспоминания его рук на моей чувствительной коже. *Он должен прекратить касаться меня. Я не смогу выдержать это.*

Я откинулась на спинку стула, благодарная, что он позволил мне вернуть руку. Когда я заговорила, мой голос был напряженным.

— Как я и сказала, я простила тебя.

Пауза, а затем он откинулся на спинку стула и сказал:

— А ты не собираешься извиниться?

Я сморщилась от его предложения.

— Извиниться? За что?

— За то, что так быстро развелась. Ты даже не дала мне объяснить, почему я ушел в ту ночь.

— Почему я должна была? Это было очевидно — ты не любил меня достаточно, чтобы остаться.

Скажи это вслух, прежде чем он придаст этому важное значение.

Он покачал головой.

— Это было совсем не так, Коко. Я был без ума от тебя. Веришь или нет, в то время я думал, у меня была веская причина.

Я продолжала смотреть на него с изумлением.

— Ник, ты не можешь говорить серьезно. Это решение не поддается объяснению. Никакая причина не будет достаточно весомой, чтобы оправдать то, как ты покинул меня, особенно если любил меня.

— Ты даже сейчас не позволишь мне сказать, что это было? После всего этого времени? Я колебалась, раздумывая о его желании объяснить мне и моем нежелании слушать.

— В этом есть смысл?

Он пожал плечами.

— От этого я почувствую себя лучше. Разве ты не почувствуешь себя лучше?

Это правда был хороший вопрос. Станет ли мне лучше, если он назовет «довольно весомую причину» из-за которой оставил меня? Что, если это отговорка и в конечном итоге я снова буду ненавидеть его? Или, что еще хуже, вдруг я пойму, что его причина действительно стоящая, чтобы понять его? Что, если я смогу посмотреть на все с его точки зрения? Что если я снова влюблюсь в него?

Нет. Просто... нет. И так достаточно плохо, что он все еще привлекает меня. Я не хочу повторить наше прошлое, поменять наши действия. Не имеет значения, какие у нас были причины на принятие тех решений, мы двинулись вперед. Я двинулась вперед. Мы можем быть друзьями в будущем, возможно, но ничего хорошего не выйдет, если мы вернем старые отношения. Слишком много повреждений было нанесено, слишком много времени прошло, и слишком много усилий было вложено, чтобы забыть его. Забыть вечность, что он обещал мне. Я не могла пройти через это снова.

— Я так не думаю, если ты согласишься, я бы хотела оставить прошлое в покое, ведь кто старое помянет и все такое. Начать сначала в качестве друзей.

— Друзей? — его уголки губ приподнялись. — Ты думаешь, мы можем быть друзьями.

— Я думаю, что мы определенно можем попытаться. — Нотка фальшивой надежды скользнула в моем голосе. — Ты знаешь, мы никогда на самом деле не были друзьями. Мы начали встречаться практически в первый день, когда познакомились.

— Правда. Так и есть. — Он ухмыльнулся, выглядя одновременно робко и обаятельно, как и в тот день, когда он последовал за мной на историю. Это была вторая неделя занятий, и он привлек мое внимание, когда мы вошли в лекционный зал вместе, мой пульс участился, когда он скользнул на место передо мной. Как я могла не заметить его прежде? У него ничего с собой не было — ни тетради, ни ноутбука, ни даже ручки. Но он был так очарователен с этими большими карими глазами, длинными густыми ресницами и красивым ртом, поэтому я не возражала, что он вертелся вокруг.

Хей. Я Ник.

Могу я одолжить запасную ручку? У тебя есть еще один листок?

Каким-то образом мне удалось сфокусироваться и слушать лекцию, но я провела достаточно времени, пялясь на его затылок и строча Миа сообщения, что самый сексуальный парень, которого я когда-либо видела, сидит прямо передо мной, и я правда-правда-правда хочу облизать его шею.

Когда занятие закончилось, он протянул мне назад ручку и листок бумаги.

— Вот держи. Спасибо.

В замешательстве я уставилась на листок, который был сложен пополам.

— Тебе он не нужен? Я имею в виду, разве там нет твоих записей?

Он покачал головой.

— Нет. Я ничего не записывал.

— Не записывал?

— Нет, я даже не в этом классе.

— Тогда что ты...

— Я видел, как ты идешь по кампусу и пошел за тобой. Я написал свой номер на этом листке.

Моя челюсть отвисла в неверии, я развернула листок и посмотрела на телефонный номер, прежде чем подняла взгляд на него. Студенты окружали нас, но все предметы кроме него были размытым пятном.

— Ты отсидел двухчасовую лекцию, чтобы дать мне свой номер?

Он улыбнулся.

— Если ты позвонишь мне, это будет стоить того.

Я не могла отвести свой взгляд от него.

В тот же день мы пошли выпить кофе, и я узнала, что он работает в одной из столовых. В этот вечер я потащила Миа через весь кампус на ужин, хоть и прошло всего пару часов с тех пор как я видела его, но я практически бежала туда. Когда наши взгляды встретились над тарелками, переполненными куриной запеканкой с брокколи, наши улыбки могли осветить стадион «Спартан» в полночь. Миа сказала, что никогда не видела ничего подобного.

Позже этим вечером мы поехали кататься на его грузовике и припарковались на какой-то сельской дороге. Я не потеряла свою девственность в ту ночь — я протянула еще шесть недель, — но я получила свой первый не самовызванный оргазм, благодаря терпению Нику, его мастерству и удивительно гибкому языку.

Мышцы моего лона сжались от этого воспоминания, и я была рада, что Себастьян прибыл с нашими шотами, пятью рюмками на деревянном подносе, наполненными небольшим количеством жидкости. Я слушала вполуха, когда он говорил о пяти различных спиртных напитках, пытаясь подавить желание схватить ближайший и осушить, надеясь, что это усмирит желание к Нику, что пробуждалось во мне.

Это не желание. Это просто ностальгия.

— Что бы ты хотела для начала?

— Хмм, джин, может быть? — я приняла стакан с прозрачной жидкостью и наблюдала, как он выбирает виски.

Он поднял свой бокал и улыбнулся.

— За дружбу.

— За дружбу.

Мы чокнулись и сделали по глотку, оставив достаточно, чтобы у каждого из нас был шанс попробовать их все, и следующие полчаса, мы болтали на безопасные темы, о виски, бурбоне, хлебной водке и джине. Мы поинтересовались о ближайших родственниках друг друга, посмеялись над «Оближи мою тарелку» и обсудили возрождение Коктауна (прим. перев. район в Детройте) с такими заведениями как «Two James» и «Бургер бар». С каждой пройденной минутой я чувствовала себя все более легко, как будто я и правда зависала со старым другом, а не бывшим любовником: часть этого было благодаря алкоголю, но я думала, что до тех пор, пока мы будем продолжать говорить на обыденные темы и сфокусируемся на настоящем, я смогу сохранить свое остроумие, по крайней мере, внешне. Я подняла рюмку с абсентом, что напомнило мне о Миа.

— Ох! Помнишь Миа?

— Конечно, помню.

— Она выходит замуж через две недели. За парня из Франции, который...

— Лукас, я знаю. Он владеет «Зеленый час».

Я надулась, чувствуя отнятую возможность поведать больше новостей и обиду, что он

знал о чем-то, что происходило в моей жизни. Я больше ничего не знала о его жизни, хотя прямо тогда меня осенило, что я хотела этого. *Досадно, что мы так долго не общались. Мы должны были сделать это раньше. Но я была слишком упряма.*

— Ты знаешь Лукаса?

Ник пожал плечами.

— Конечно. Он был в «Бургер баре» несколько раз, а я ходил в «Зеленые час». Кто-то представил нас. И однажды я видел там Миа.

Я замерла.

— Ты видел Миа? Она не говорила мне. — *И я возможно убью ее.*

— Ну, когда я вошел, она прошмыгнула через заднюю дверь так быстро, она скорее всего надеялась, что я не заметил ее. Мы не обменялись ни единым словом.

— Ох. — *Я люблю тебя, Миа. Самая лучшая подруга.*

— Лукас отличный парень. И я слышал в «Зеленый час» дела идут и правда хорошо.

Я отхлебнула абсент и передала его Нику.

— Он отличный парень. И он без ума от Миа. Они прекрасно подходят друг другу.

— Ничего общего с нами. — Глаза Ника заблестели на ободком рюмки.

Я грустно улыбнулась.

— Ничего общего с нами.

Он сделал небольшой глоток.

— Здорово быть друзьями.

— На самом деле, да.

— Итак, друг. — Ник поставил рюмку на поднос и подпер голову рукой. — Проси меня об одолжении.

Мой пульс застучал громко и прерывисто на несколько секунд, так что я замолчала, отхлебнув от еще одного шота с хлебной водкой

— Хорошо. — Повернув свое кресло лицом к нему, я сложила руки на коленях, сделала глубокий вдох и рассказала ему короткую версию сцены в моем офисе сегодня, в комплекте с описанием Анджелины, ее мечтах о реалити-шоу и семейных связях.

Подбородок Ника уже не опирался на руку, и он притворился шокированным.

— Подожди минутку. Ты хочешь, чтобы я обслуживал вечеринку в доме Тони Хука?

— Да.

— Я не знаю, Коко. Вероятно, сам Хоффа погребен под бассейном этого парня. (прим. перев. Джимми Хоффа — американский профсоюзный лидер, неожиданно исчезнувший при загадочных обстоятельствах.) Это может быть опасно.

— Не дразни меня, Ник. Я правда нуждаюсь в тебе.

— Хммм. Так и звучит. — Он снова откинулся на барную стойку.

— Так когда эта вечеринка?

— Вечер следующей субботы. Четырнадцатое августа.

Брови Ника поползли вверх.

— В следующую субботу? У меня могут быть большие планы на вечер следующей субботы. Свидание с сексуальной блондинкой. Может, даже с несколькими.

— Блондинки не твой тип, — ляпнула я, не подумав.

— Откуда ты знаешь, каков мой тип? Может, я изменился.

Он подшучивал надо мной, но я не была в настроении подыгрывать, пока он не согласится на эту гребаную вечеринку.

— Слушай, я знаю, что сроки сжаты, и я извиняюсь за это. Просто она пришла сегодня и без Миа, которая оставила все управление на меня, я сказала ей, что сделаю все, что она захочет, не зная, что она хочет тебя.

Он ухмыльнулся.

— Держу пари, это было очень раздражающе? Когда ты слышала мое имя? Боже, я бы очень хотел увидеть твое лицо.

— Это был небольшой шок. — призналась я.

— Что случится, если я скажу нет?

Я пожала плечами.

— В лучшем случае, я потеряю много денег и «Девин Ивентс» пострадает от дерьмовой рекламы. В худшем, я в конечном итоге окажусь рядом с Хоффа.

— Тебе нужны деньги, Коко? — его улыбка померкла, а голос потерял игривый тон.

Мгновение я колебалась, раздумывая, посвящать ли его в мои планы покупки дома. Это было своего рода личное, но опять же, если мы собираемся быть друзьями, и я попросила его о таком большом одолжении, думаю, я могу рассказать ему, почему мне так сильно нужны деньги.

— Да, но это не то, о чем ты думаешь. Я коплю на дом, и я уже нашла тот, который хочу. На него будет еще одно предложение, так что мой агент считает, что мне нужно действовать быстрее. Мне нужны деньги для первоначального взноса.

— Дом, хах? — Ник выглядел заинтересованным. — Где? В Гросс-Пойнт рядом с родителями? Я удивлен, что они еще не купили тебе дом.

— Нет, в Индиан Вилладж, на самом деле. И я не хочу, чтобы они покупали его для меня, спасибо тебе большое. — Я вздохнула и закрыла глаза на секунду, говоря себе не обращать внимание на его издевку по поводу моего далеко не бедного происхождения. — Этот дом большой и нуждается в огромном количестве работы и стоит гораздо больше, чем я могу предложить, но по каким-то причинам... — я посмотрела на него и опустила плечи. — Я должна заполучить его. Я знаю, что это не практично. Но я должна получить его. И хочу сделать это сама, без чьей-либо помощи.

Ник посмотрел на меня, играя с маленьким стаканом бурбона в руке. Через мгновение он осушил его и поставил обратно на стол.

— Я думаю, что могу помочь тебе.

Мой сердце забилося быстрее.

— Ты сможешь?

Он кивнул.

— Да. Но...

Не думая, я прыгнула со своего стула и обняла его за шею.

— Спасибо, спасибо, спасибо! — я почти не дышала от волнения, что наши тела внезапно оказались прижаты друг к другу. Должно быть, он на мгновение тоже был ошарашен, потому что у него заняло секунду, чтобы вернуть мне объятие, но в конечном итоге он обернул руки вокруг моей поясницы и раздвинул колени, чтобы мог притянуть меня ближе, так что мои бедра оказались у него между ног.

В моих ушах зазвенел голос Эрин, говорящий, что объятие — это Очень Плохая Идея, и тем не менее, я не могла оторваться от него. Особенно когда его руки скользили по моим бокам. Когда он уткнулся лицом в мои волосы и вдохнул. И также, когда я почувствовала, что его грудь упирается в мою, сильно изнывающую, я поняла, что это потому, что он тяжело

дышал. *Боже, он ощущался так хорошо. И я могла поспорить, что если бы я повернула свою голову, чтобы просто прижать к его шее, и облизала это место у него за ушком, это бы свело меня с ума, думаю, он так же был хорош на вкус.*

Что? Нет. Никакого облизывания.

Друзья не облизывают друг друга.

Где-то внутри моей головы заговорил голос здравого смысла: голос, которому полагалось говорить, что мне не нужен второй кусок тирамису или четвертая пара красных туфель. Я осознала свою хватку на Нике.

— Извини, — сказала я, снова опускаясь на свой стул. — Я немного увлеклась. Ты понятия не имеешь, что это значит для меня. — Мое сердце все еще учащенно билось, и я не могла стереть улыбку с лица.

— Ни в коем случае не жалуюсь. — Ник заерзал на своем стуле, поправляя свои джинсы, и я слегка рассмеялась, думая, что я, вероятно, только что сделала в его штанах немного теснее. — Но не слишком увлекайся, — продолжил он. — Ты не знаешь, что я попрошу взамен. Может, ты решишь, что цена слишком высока.

— Что ты имеешь в виду? Анджелине плевать, какова твоя цена, она сказала, что заплатит, сколько нужно.

— Моя цена не для нее, моя цена для тебя. — На слове «тебя», он ткнул меня в грудь.

Я скрестила руки. Это было в его стиле, по крайней мере, в стиле прежнего Ника. Очевидно, он не сильно изменился за семь лет, посидели его волосы или нет.

— Ладно, Ник. Я согласна. Какая цена?

Он наклонился вперед так, что мы были почти нос к носу, его выражение лица было как у ребенка, который только что украл печенье из банки.

— Ты проведешь со мной выходные.

6 глава

Я была так отвлечена близостью его рта, что в полной мере не поняла, что он сказал. Мой голос перешел на шепот:

— Что?

— Проведи выходные со мной.

Я отпрянула.

— Провести с тобой выходные? Ты с ума сошел? Нет!

— Почему нет? — спросил он так, будто это будет совершенно нормально провести выходные с тем, кого ты не видела с тех пор, как он бросил тебя в номере для новобрачных в «Белладжио» семь лет назад.

— Потому что это смехотворно! Я даже не могу поверить, что ты спрашиваешь меня... о том, чтобы сделать это! — я яростно жестикулировала между нами, возбужденно и нервно.

— Сделать что?

— Это.

— Я просто хочу провести с тобой время, — сказал он, выглядя словно сама невинность. — Ты единственная, кто вложил в это скрытый смысл.

Я опустила руки на колени и наклонила голову.

— Правда. Ты просишь меня провести с тобой выходные и утверждаешь, что не думаешь о сексе?

— Ну, теперь, когда ты упомянула об этом...

— Я не упоминала об этом. Я наложила вето на него. Однозначно. — Я посмотрела на стопки на нашем деревянном подносе, отчаянно пытаюсь найти хоть каплю алкоголя, которую мы упустили из виду. Абсент — единственное, что осталось, и даже если он не был моим любимым напитком, я сделала глоток совсем-не-благоразумных-размеров. И затем еще один, сморщившись, когда алкоголь обжег весь путь до моего пищевода.

— В чем проблема? — спросил он.

— В тебе. И твоих попытках затащить меня в койку после стольких лет.

— Я не пытаюсь затащить тебя в койку, Коко. Я имею в виду, я бы не вытянул тебя из нее, но у меня есть серьезное желание провести время с тобой. Послушай, — он положил свои руки на верхнюю часть моих бедер и наклонился ко мне. Какой ублюдок. — я знаю, что на самом деле ты не простила меня за то, что я оставил тебя в Вегасе. И может, ты права — может, пожениться такими молодыми была глупая идея, может, из этого так или иначе ничего не вышло бы, но уйти так, как сделал я, было неправильно, и я провел последние семь лет, чувствуя себя ужасно из-за этого. Мы проводили все время вместе, а сейчас я даже не знаю тебя. Я бы хотел снова узнать тебя. Как человека. Как друга. Это все.

Это было то, о чем я думала ранее, но все же, звучало это совершенно не правдоподобно.

— Это было бы намного убедительнее, если бы твои руки не лежали на моих бедрах.

— Но мне нравятся твои бедра.

Мой мозг изо всех сил боролся, чтобы не фокусироваться на ощущении его ладоней через ткань моего платья. У меня было странное чувство, что если я приподниму юбку, то увижу следы ожогов в виде рук на своей коже.

— Так вот как ты узнаешь всех своих друзей женщин? Приглашаешь их куда-то поехать на выходные?

— Не всех. Только одну, самую сексуальную.

— Забавно. — *Он все еще думал, что я сексуальна.* Тепло затопило мои вены. У меня начало появляться то опасное чувство, когда очень-очень хочешь чего-то и не можешь уйти, когда для тебя не имеет значение, насколько непрактичная обувь или калорийный чизкейк иди дорогой виски. Как легко, как приятно будет снова прыгнуть в его постель. Но что дальше? Могла ли я доверять себе и не влюбиться в него снова?

Ни в коем случае.

— Ответ: «нет», Ник. Мы можем выпить, сходить на кофе, посмотреть кино или что-то подобное. Это делают друзья.

Он пожал плечами.

— Но это скучно. И у меня на самом деле нет так много свободного времени. В понедельник я должен быть в ЛА, затем на какое-то время полететь в Нью-Йорк, и после этого в Чикаго.

— Ничего себе. Ты много путешествуешь. — Моя грудь немного сжалась. По какой-то причине, от мысли о том, что его не будет рядом, мое сердце болело — что, черт побери, со мной? И почему он все же прикасается ко мне? Знает ли он, как это затуманивает мои чувства?

— Да, я ищу место, чтобы открыть новый ресторан. И я все еще должен принимать участие в мероприятиях «Оближи мою тарелку». У меня контракт на еще один год.

— Ох. — Мои глаза опустились к его груди и рукам, наслаждаясь тем, как обтягивала

его футболка, и тем, как татуировки покрывали одну его руку до запястья, а другую до локтя. Мгновенно я задумалась об остальных частях его тела, сколько татуировок у него было, какие и где. Если я проведу выходные с ним, то могу узнать это.

Здравый смысл сделал последнее усилие:

Ты едва выжила в последний раз, когда он оставил тебя. Что ты будешь делать в следующий раз? Потому что это именно то, что он всегда делает — борется с беспощадным очарованием за то, что хочет, пока не получает это, и затем все портит. Он не меняется.

Но когда мой взгляд переместился к его рукам на моих бедрах, я подумала о кольце, что я надела на его палец. О том, что он надел на мой. И о нашем печальном тихом расставании, которое было таким уродливым по сравнению с нашими отношениями, которые хоть и были нестабильными, да, но также были страстными, яркими и веселыми. У нас даже не было прощальной ссоры.

Вздохнув, я накрыла его руки своими, чувствуя, что этот момент был неизбежен, независимо от того, как упорно я пыталась забыть его. Может, нам это было нужно.

Может, эти выходные были нашим шансом сблизиться, возможностью оставить прошлое позади и начать все заново, в качестве друзей.

— Ник.

— Что? Скажи «да». — Эти огромные глаза умоляли меня сдаться. А голос был низким и приятным.

— Я хочу, — я уклонялась от ответа. — Но...

— Я буду готовить для тебя.

Я застонала. От готовки Ника моя одежда могла слететь за считанные секунды.

— Ты ублюдок. Ты знаешь, как я отношусь к твоим кулинарным способностям. Это несправедливо.

Он откинулся на своем стуле, наконец убрав свои руки от меня.

— Будет весело, я обещаю. И завтра я должен поехать увидеться Нони. Ты можешь поехать со мной.

Имя вызвало улыбку на моих губах.

— Правда? Как она? — бабушка Ника была удивительной женщиной, которая пекла лучшие в мире пирожки, и никогда не проходило и пяти минут, чтобы она не спрашивала: *Ты не голодна, милая?* И всегда называла меня лесбийской подругой Ника, что означало ливанской. Если эти выходные предполагали Нони, я определенно, скажу да.

— С ней все хорошо. Завтра ее девятый день рождения, и моя семья устраивает для нее вечеринку.

— На ферме?

— На ферме.

— На ферме, где ты лишил меня девственности так же легко, как сорвал яблоко с дерева?

Его челюсть отвисла в очевидном возмущении.

— Полегче! Я упорно трудился ради этого яблока! Месяцами я подкармливал это дерево, целовал его, умасливал...

— Ты лгал этому дереву.

— Да. Я лгал дереву. — Он совсем не выглядел раскаивающимся. — Но мне не жаль, потому что это было самое восхитительное яблоко, которое было у меня за всю жизнь.

Никогда не было лучше.

Я сощурила глаза.

— Никогда не было лучше? Даже с... даже со всеми... фруктами, что ты съел с модными людьми с телевидения?

Он покачал головой.

— Никогда.

Я надула губы, потому что совсем не была уверена, могу верить ему или нет, но при этом не заботясь, лжет он или нет. А подтрунивать над ним было так естественно, так хорошо. Я скучала по той игривости, как мы дразнили друг друга, когда между нами все было хорошо.

— Ладно, Ник. Если я соглашусь, то будут кое-какие правила.

Он ухмыльнулся.

— Так ты согласишься?

— Соглашусь, — я вытянула три пальца. — На трех условиях.

— Каких?

— Первое. Никаких разговоров о прошлом. Я не хочу провести два дня, споря с тобой о том, кто был прав, а кто ошибался, кто изменял, и кто лгал, и что мы могли бы сделать по-другому. Давай оставим прошлое в покое.

— Следующее?

— Ник! — я ударила его по плечу. — Ты согласен не обсуждать прошлое?

— Иисус, ты всегда бьешь меня. Я забыл об этом. Хорошо, никаких разговоров о прошлом. Хотя там было много чего хорошего.

— Да, было, но мы должны оставить воспоминания в покое. Теперь второе. Эти выходные не должны рассматриваться как возможность второго шанса. Мы друзья, которые тусуются вместе и собираются провести Нони.

Его нижняя полная губа немного надулась, но он кивнул.

— Я смогу справиться с этим.

— И номер три, — я приковала его холодным, суровым взглядом. — Никакого. Секса.

Он рассмеялся.

— Хорошо, если ты думаешь, что мы сможем придерживаться этого.

Я снова шлепнула его по плечу.

— Боже, ты такой высокомерный. Конечно, я смогу придерживаться этого правила. Это мое правило. — *Пожалуйста, пожалуйста, Господи, помоги мне выдержать это.*

— Расслабься, Коко. Я шучу. Боже, если ты сейчас скажешь «никакого Скрэббла», то все выходные будут испорчены.

Я подняла подбородок.

— Скрэббл допустим. На самом деле, я буду наслаждаться шансом надрать твою задницу.

— Разве ты когда-нибудь надирала мне задницу в Скрэббл?

— Все время! Седые волосы повлияли на твою память или что? — я хотела потрепать его волосы, но он увернулся, снова схватив меня за запястье.

— Посмотри на себя, ты не можешь удержать своих рук от меня, — сказал он, смеясь, когда я схватила его волосы другой рукой. Он ненавидел, когда кто-то приводил его волосы в беспорядок.

— Ха! Так тебе. — Но я знала, что все выходные буду сражаться с сильным желанием

прикоснуться к нему.

— Тогда по рукам. — Он протянул свою руку, и я приняла ее, один раз крепко пожав, прежде чем отпустила. Чем меньше физического контакта между нами, тем лучше. — Но с этого момента, — продолжил он, — я диктую правила. В конце концов, это ты попросила меня об одолжении.

— Ладно, — сказала я. — Но никаких уловок.

— Я обижен, что ты даже предположила это.

Я закатила глаза.

— Это говорит парень, который пытался выдать «зиззив» за слово.

— Извини меня, это было «зиззива», и это точно было слово. Мы нашли его, помнишь?

Я подняла руку.

— Да ладно тебе. Прежде чем мы нашли его, ты даже не знал, что это тропический долгоносик или что бы это ни было, и ты добавил «а» на конце, пока я не видела.

Ник выглядел самодовольным.

— Не имеет значение. Это слово. Я выиграл.

— Ты изменщик. Изменивший однажды, изменит ни раз.

Он поднял палец и прищелкнул языком.

— Ах, ах, ах. Ты только что нарушила правило номер один: никаких разговоров о прошлом. Скоро будут номер два и три. — Он подмигнул мне. — Давай, пойдем ко мне в квартиру и испечем торт для Нони. Я позволю тебе облизать венчики, пока я буду смотреть.

— Ник, — предупредила я. — Ты обещал.

— Я помню, — его глаза блестели озорством. — Вот поэтому на твоём теле не будет никакой глазури и никто ее не слижет. Абсолютно никто.

— Ник!

Проигнорировав меня, он подозвал Себастьяна и вытащил бумажник из своего заднего кармана.

— Я должен заглянуть в ресторан, прежде чем мы уйдем. Ты голодна?

Я была возбуждена, это точно, и если он собирался продолжать флиртовать со мной, у меня будут большие проблемы. В действительности, я чувствовала головокружение. Это было из-за него или из-за того, что я выпила алкоголь, не поужинав?

— Да, я голодна. Могу я перекусить там?

— Да. У меня в меню есть бургер, который уверен, тебе понравится. Честно говоря, ты вдохновила меня на него.

— Да? Как называется? Бургер для стервы?

Он улыбнулся, когда вытащил несколько купюр из бумажника и положил их на стойку.

— Нет, он называется «Бейрут Бургер». В нем ингредиенты из ливанской кухни.

Мое сердце затрепетало.

— Правда? Ситти будет так рада.

— Как она? — Ник взял меня под руку, чтобы помочь мне встать со стула. Он также вытянул руку, чтобы взять мою сумочку, протягивая ее мне, когда мы шли к двери.

— Спасибо. — Я перекинула ее через плечо, вспоминая, как мне всегда нравились манеры Ника. Он мог флиртовать, но он всегда быстро открывал дверь, вытягивал мой стул, отдавал мне свой пиджак, когда мне было холодно. — Она такая же как всегда. Тихая и наблюдательная, но готовая порезать тебя на куски тщательно продуманной речью, при этом делая вид, что она в замешательстве насчет чего-то, когда на самом деле критикует тебя. —

Я изобразила акцент моей бабушки и тон, когда потирала слова татуировки на моей руке. — Ох, извини, милая. Я думала это грязь.

Ник рассмеялся.

— Моя мама чувствует то же самое, но никогда ничего не говорит. Просто смотрит на них, как будто они могут исчезнуть, если она достаточно сконцентрируется.

Я закатила глаза.

— Даже не проси меня говорить о матери. Эй, спасибо за напитки. Следующие с меня.

— Пожалуйста. — Он толкнул дверь для меня, и мы снова вошли в «Бургер бар». Солнце село и все больше людей выстроились перед такими местами как «Slows» и «The Sugar House». В «Бургер бар» тоже была очередь.

— Скорее всего мне не хватит места, — сказала я, когда мы вошли. Музыка казалась громче, толпа шумнее. — Это место популярно.

— Ох, думаю, я смогу усадить тебя где-нибудь. Дай мне минутку. — Он похлопал меня по плечу, прежде чем исчезнуть на кухне, и я уставилась на его задницу, когда он уходил, думая о том, что хотела бы сжать его в нескольких местах.

Я начала жевать губы. Я и правда предложила правило «никакого секса»? Может, я слишком поспешила. Может, была какая-то возможность... для манипуляций, когда хорошие друзья проводили время вместе. Мгновение спустя появился Ник с еще одним барным стулом, который поставил в конце барной стойки, бесстыдно флиртуя с женщиной, чей стул ему пришлось сдвинуть, чтобы освободить место для меня. Годы назад я была бы в ярости от того, как он заставляет другую женщину краснеть и хихикать, но сейчас мне в какой-то степени нравилось, как она ревностно осмотрела меня, после того как увидела, как бережно Ник обращался со мной, стараясь угодить.

Пока я ждала свою еду, я наблюдала за тем, как он носился по ресторану, приветствуя посетителей, фотографируясь с заискивающими женщинами и останавливаясь поболтать с людьми за столиками то тут, то там. Не было никакого сомнения, что его характер «своего парня» и дружелюбие, были частью того, что это место стало популярным. Насколько бы самоуверенным он ни был, казалось, он не позволял своему успеху вскружить себе голову. Он трудился так же упорно, как и официанты — разносил еду, наливал пиво, протирал бокалы, менял салфетки, проверял уборные. Я улыбнулась его растрепанным волосам, когда он принес мне гамбургер и картофель фри. Поставив еду на стол напротив меня, он украл картошку с моей тарелки.

— Мог бы сначала спросить, — я положила салфетку на колени.

— Просто проверяю степень готовности. Я хочу, чтобы все было идеальное для тебя, кексик.

— Хорошо. — Я подняла бургер, пытаюсь выглядеть красиво, пока он все еще стоял там за баром, наблюдая за тем, как я пробую. Но было сложно выглядеть женственной и есть большой толстый бургер, с которого капал соус — то же самое, как выглядеть грациозно, делая действительно хороший минет, — поэтому я отказалась от элегантности и сделала выбор в пользу аппетита. Я была вознаграждена взрывающимся разнообразием вкусов — я пробовала корицу, кедровые орехи и петрушку, с которыми готовила моя бабушка, и мятный огуречно-йогуртовый соус идеально подходил для этого бургера.

— И? — Ник смотрел на меня, с нетерпением ожидая моего мнения. — Что думаешь?

— Восхитительно, — сказала я, положив бургер обратно, чтобы вытереть рот. Ситти будет гордиться. Что там внутри?

— Харриса. Тебе нравится?

— Я уже влюбилась в него.

Ник ухмыльнулся, удовлетворенный собой.

— Я позволю тебе поесть. Уверена, что хочешь только воду? У нас есть действительно хорошее местное пиво.

Я кивнула.

— Уверена. — В конечном итоге мне нужно будет ехать домой, и тем более, я не была таким уж любителем пива. Но может, я упакую бутылочку чего-нибудь хорошего в свою сумку на эти выходные. Я не могла поверить, что мы с Ником поедем на ферму — я думала, что больше никогда не увижу это место.

Мгновенно я представила старое покрывало под звездами.

Боже, я скучала по подобной романтике. Я имею в виду, конечно, я не хранила целибат последние семь лет. За это время у меня было достаточное количество секса, какой-то был хороший, какой-то плохой, но ничего изумительного. И я встречалась с одним парнем приличное количество времени два года назад, но я не могла вспомнить ничего подобного из того, что делали мы с Ником — полуночное купание голышом, секс в саду, обнаженная игра в Скрэббл. И в то же время, я говорила себе, что мы были безумно романтичными, потому что были детьми — даже не вышли из стадии подростков, когда мы встретились.

Но что если это намного глубже? Что если мы должны быть вместе?

Что если эта абсурдная вечеринка Анджелины была огромной уловкой вселенной, чтобы вернуть нас на нашу орбиту?

Что если я никогда не забуду Ника, потому что не имеет значения, что я делала или с кем встречалась, каждый возможный путь просто приводил меня к нему?

Холодок прошелся по моему телу, и я хотела верить, что все дело было в кондиционере, но часть меня прекрасно все понимала. Я верила в судьбу, верила в абсолютность чего-либо. Я верила в предчувствия и знаки. Но мне было гораздо легче иметь с ними дело, когда они не были индикаторами того, что я должна позволить волку играть с ягненком.

Ладно, может, не с ягненком. Я не была полностью невинна, ведь я продолжала смотреть на его зад. Но кто мог винить меня?

Я выпила остатки своей ледяной воды через трубочку, наблюдая за тем, как Ник позирует для фото с молодой девушкой, которая затем попросила об объятии. Знакомое чувство ревности начало грызть меня изнутри, когда я увидела ее руки вокруг его талии и его руки вокруг ее плеч.

Забудь об этом. Вы только друзья, помнишь?

Верно. Друзья.

Но черт, его задница выглядела невероятно круто в этих джинсах. И я знала, как она выглядит голой. Именно этот факт, может сделать все еще сложнее. Ник не был каким-то случайным парнем, которого я встретила и была увлечена, но он был под запретом. Я знала каждый сантиметр его тела, и он знал мое. Я помнила, какое удовольствие можно получить от этого рта, этих рук, этого члена. *Черт, да, этого члена.* Мои трусики начали намочать, когда я вспомнила, как он ощущался между моих грудей, между губ и ног. Я помнила звук его голоса, когда он говорил мне, что хочет меня, любит меня, нуждается во мне. Я помнила его вздохи и стоны и тишину. Я помнила стук его сердца напротив моего, шепот его дыхания у моего лба, пульсацию его оргазма глубоко внутри меня.

Я помнила его вкус.

Поставив пустой бокал, я признала правду.

Я никогда не забывала его, я не переболела им. И я хотела попробовать его снова.

Сегодня.

7 глава

Я понимала, что одного раза будет недостаточно, и в этом была вся проблема.

Попробовать Ника один раз — это то же самое, что съесть только одну дольку чипсов Kettle brand со вкусом барбекю. Ни за что. Я пробовала их и мне нужна была целая пачка чипсов, и это было так: **ОТДАЙТЕ ЕЕ МНЕ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ КОМУ-ТО БУДЕТ БОЛЬНО.**

Вздохнув, я оторвала глаза от его тела и сделала несколько медленных вдохов, пытаюсь успокоиться.

Черт, я снова хотела его. Сильно.

Но он не должен узнать об этом.

Если мы нарушим правила, а мы нарушим правила, я бы хотела, чтобы Ник был инициатором. Я хотела, чтобы было очевидно, что это Ник не может сопротивляться мне, что он хочет меня больше. Так как он был тем, кто ушел. И моя гордость была задета.

И просто, для ясности, единственное правило, которое я хотела нарушить, — последнее. Я все еще не хотела слушать причины, по которым он покинул меня, и определенно не рассматривала это как второй шанс. Я просто хотела хорошо провести время с сексуальным парнем, который сместит меня и по счастливой случайности дарит мне лучшие оргазмы в моей жизни. К тому же он обещал готовить для меня.

Я почти кончила, думая об этом.

#

Мне нужно было поехать домой и собрать сумку, поэтому мы договорились встретиться в квартире Ника. Когда я вытащила свой телефон, чтобы вбить его адрес в картах Гугл, я заметила пропущенный звонок от Эрин. Она также написала мне сообщение:

Не думаю, что смогу встретиться с тобой сегодня. Я грязная.

Улыбнувшись, я напечатала ей ответ.

Правда? Плохая девочка. Иди найди кого-то для секса.

— Получила сообщение от своего парня? — спросил Ник. Он подошел к моей машине и встал, облокотившись на нее и скрестив руки.

— Нет. Это моя подруга Эрин. Она должна была встретиться со мной сегодня, но не смогла и автокорректор превратил ее слово «Я сожалею» в «Я грязная».

Ник улыбнулся.

— Я знаком с ней?

— Нет. Они с Миа росли вместе, но она на год младше и не ходила с нами в колледж, поэтому я не была знакома с ней до того как закончила учебу. Но мы втроем правда близки. Она умная, милая и в какой-то степени правильная, но автокорректор всегда превращает ее сообщения в непристойные мысли.

— Нет ничего плохого в непристойных мыслях.

Я посмотрела на него, приподняв бровь.

— Гм. Адрес, пожалуйста.

Как только он продиктовал, я вбила его в телефон, прежде чем разблокировала дверь машины. Когда он открыл ее, я мгновение колебалась, но прежде чем сесть в нее, отчасти надеясь, что он обнимет меня или просто чмокнет в щеку. Когда он не сделал этого, я пыталась не показать своего разочарования.

— Ну, спасибо за ужин, — сказала я бодро, садясь на водительское сиденье. — И за то, что проводил меня.

— Всегда пожалуйста. Уверена, что нормально доберешься?

— Да. — Мое опьянение уже полностью прошло, и я все больше нервничала, потому что хотела поцеловать его. Я закрыла дверь, завела машину и опустила окно.

— Я буду там через час или около того. Мне просто нужно собрать сумку и сказать родителям о своих планах. — Смущенная я объяснила. — Я живу с ними, чтобы накопить деньги.

Он ухмыльнулся.

— Ооо. Они позволят тебе ночевать в доме парня? Лучше не говори, что это я.

— Очень смешно, — я начала закрывать окно.

— Эй, — сказал он, постучав по стеклу.

— Да?

— У тебя есть парень?

Я пронзительно посмотрела на него.

— Если бы был, я бы не проводила выходные с тобой. Я верная.

Его лицо исказила гримаса.

— Ауч. Ты сказала не говорить о прошлом.

— Ладно, хорошо. Как насчет тебя? Девушка?

— Несколько. Я упоминал, что они присоединятся к нам?

Нахмурившись, я начала давать задний ход и отъезжать, но все еще видела в зеркало заднего вида, как он смеется.

На самом деле Ник был прав насчет моих родителей.

Они не были его большими фанатами, и не потому, что у него не было денег, как он всегда думал. Он нравился им и тогда, просто они не были чересчур эмоциональными и нежными людьми. Но затем случился Вегас. С момента, как они узнали о женитьбе и об утреннем эпизоде после нее, я была рада, что когда вернулась, их не было дома. А сейчас я правда не хотела объяснять, почему я проводила выходные с парнем, который разбил мое сердце — не то чтобы я знала почему — поэтому я решила просто оставить записку. Это было проще, чем лгать им в лицо.

Наверху дверь комнаты моей бабушки была закрыта, и я на цыпочках прошла мимо нее по коридору к моей спальне над гаражом. Из-под кровати я достала небольшой винтажный чемодан, который Миа нашла для меня на блошином рынке. Он был желтым с тремя коричневыми полосками, прямоугольный и жесткий, тот тип, что люди обклеивают туристическими наклейками. На этом было только две — одна Cunard line (прим.перев. британская компания трансатлантических и круизных маршрутов океанских лайнеров), а другая из отеля «Пьер» в Париже.

На всякий случай я сложила два сарафана, комбинезон, купальник, пижаму, которая была удобной и симпатичной, но не слишком сексуальной, и пару шлепок. Я упаковала шорты для бега, спортивный лифчик и топ, так же как кроссовки, вспоминая как хорошо

было бегать по грязным дорогам вокруг фермы. Последним я сложила нижнее белье, тщательно выбирая такое, что было девчачьим и даже немного скромным. Никаких стрингов или трусиков с прорезью, это уж точно. В любом случае я предпочитала ретро-стиль в виде шортиков и соответствующих лифчиков, которые хорошо обхватывали и поддерживали там, где нужно, подчеркивая мои изгибы. Если они были из атласа и кружева, то пусть так и будет. Я хотела быть готовой нарушить правило «никакого секса» и не выглядеть так, будто планировала это.

Я побросала свои туалетные принадлежности и фен, и засунула противозачаточные в боковой отдел, когда моя бабушка заговорила за дверь.

— Ты куда-то собираешься? — она была в халате и тапочках, ее пронизательные черные глаза всматривались в содержимое чемодана.

Я быстро захлопнула крышку и щелкнула застёжки. Видела ли она таблетки? Мое сердце бешено колотилось, когда я пыталась придать своему голосу нормальное звучание. Мне было двадцать восемь, и меня не должно было заботить, что моя бабушка знала, что я принимаю противозачаточные, но меня это беспокоило.

— Ты напугала меня, Ситти. Да, я кое-куда собираюсь с Эрин на выходные. — На самом деле Ситти любила Ника, но почти ничего не сказала, когда узнала о нашем разрыве — за тяжелым вздохом последовало: «Ну, ты все еще молода. Ты сможешь найти кого-то другого». (Чего она больше никогда не говорила, кстати). Но если я расскажу ей, что буду с Ником на этих выходных, она расскажет родителям, а это не та ситуация, с которой я бы хотела иметь дело. Конечно, они не могли указывать мне, что делать. Несмотря на их стремления обращаться со мной как с ребенком, я была взрослая, чтобы принимать собственные решения, но я жила под их крышей на данный момент, что давало им возможность делать мою жизнь невыносимой.

— Куда ты собираешься с Эрин? — спросила Ситти.

— Куда? Эм, в ее коттедж. Я имею в виду, в коттедж ее родителей. На озере Мичиган. Они пригласили нас. На выходные. — Моя прерывистая речь была неловкой, показывая очевидную ложь, но я старалась держать голову высоко поднятой, чтобы она могла видеть мое лицо.

— Я думала, что ее родители развелись.

— Так и есть. Эм, их там не будет. Будем только мы с Эрин. Они пригласили нас воспользоваться коттеджем. Я хотела сказать, ее мама. Она владеет им. — Поднимаясь на ноги, я знала, что должна идти, прежде чем не сделаю все еще хуже. — Ну, я лучше пойду.

Ситти отошла в сторону и дала мне пройти.

— Ладно, *habibi* (прим. перев. дорогая). Ты собираешься на выходные. С Эрин. С красивым нижним бельем. Думаю, это мило.

Я перестала идти на полпути к двери и посмотрела через плечо. Ее глаза говорили мне, что я не одурачила ее, хотя она и притворилась, что поверила.

— Спасибо. Сможешь сказать маме с папой?

— Я передам им. Повеселись. Но не заработай еще один из этих шрамов.

Я закатила глаза.

— Это татуировки, Ситти. Не шрамы.

Она фыркнула.

— В чем разница?

Я почти ответила на вопрос, но поняла, что она могла вечно держать меня здесь, чтобы

я спорила с ее пожилой логикой. Ведь не было никакого способа ее переспорить.

— Ладно, никаких шрамов на этих выходных.

Я поспешила вниз по лестнице и через дверь, надеясь, что я была права.

#

По пути к Нику я позвонила Эрин. В какой-то степени я надеялась, что попаду на голосовую почту и смогу рассказать ей о своих планах в сообщении, избежав разговора, но она взяла трубку.

— Алло?

— Эй. Ты в кино?

— Да, стою в очереди, чтобы купить что-нибудь перекусить. Где ты? Ты встретила с ним?

— Да.

— И?

Я посвятила ее в свой вечер, упуская детали о мокрых трусиках, желании облизать его, а также другие отталкивающие детали, что сделали бы это Очень Плохой Идеей. Но Эрин не была глупой, и, конечно же, когда я начала говорить о том, что проведу с ним выходные, она ахнула.

— Ты же не согласилась?

— Мне пришлось! Иначе он бы не согласился на вечеринку Анджелины.

Тишина.

— Не думаю, что мне нужно говорить тебе, как это звучит.

— Я знаю, что это очень плохая идея. Я просто решила игнорировать это.

— Ох, ради всего святого. Так ты сделаешь это?

— Я сделаю это. Но мои родители думают, что я уезжаю с тобой на эти выходные. И если Миа спросит, скажи ей, что я уехала в Кливленд, повидаться со своим братом. — Иисус, все было так запутано. И от этого мой желудок сжимался.

Каким-то образом мне нужно было смириться с этой ложью — потому что у меня были проблемы поважнее, например, как удержать себя от того, чтобы не сорвать штаны с Ника в течение двух дней.

Она рассмеялась.

— Ты и правда ведешь себя как подросток. Лжешь. Сбегаешь со своим парнем.

Нахмурившись, я выехала с шоссе на Мак-Авеню и направилась в Гранд Циркус Парк.

— Он не мой парень.

— Есть какие-то шансы, что вы, ребята, снова будете вместе?

— Нет, — сказала я решительно. — Это строгое деловое соглашение. — С возможной встречей, проведенной в чем мать родила.

— Ладно, будь на связи. Я буду беспокоиться, если ничего не услышу от тебя.

— Я напишу тебе. Обещаю. Но прямо сейчас мне лучше разобраться с тем, где здесь припарковаться, поэтому кладу трубку. Передай маме мои поздравления с днем рождения.

— Передам, пока.

Я бросила телефон в сумочку, когда достигла въезда в парковку, прилегающую к жилому комплексу Ника. Офисы и торговые помещения, построенные в 1920-х годах и реконструированы в последние годы, превратились в роскошные квартиры.

Когда я искала место для парковки, то задавалась вопросом, на чем сейчас ездит Ник. В колледже он ездил на старом разваливающемся грузовике, у которого либо не горела задняя фара, либо были скрипучие тормоза, либо не опускающееся окно. Он был ржавым, помятым и не очень надежным, но Ник любил его до смерти, потому что это была его первая большая покупка на деньги, которые он заработал, работая официантом в старшей школе. Учитывая, что его доход существенно возрос, он, вероятно, водит что-то более красивое, хотя он никогда не относился к тому типу парней, что жаждет роскошных брендов и дизайнерских лейблов.

В действительности, он всегда смеялся надо мной за то, что я езжу на БМВ, которую родители купили мне на шестнадцатилетие. Он не был новым и самым красивым автомобилем среди машин моих друзей в старшей школе, поэтому я никогда не понимала, почему он так насмеялся надо мной. Или почему отказывался водить ее. Мы ездили везде на глупом старом грузовике, и на самом деле я бы не удивилась, если бы увидела это старое уродство, припаркованное где-то здесь. Я заехала на первое попавшееся пустое место и вытащила свой чемодан из багажника, думая о том, что если он ездит на чем-то, что не такое милое как мой маленький Фольксваген, я буду убеждать его, что я должна вести до фермы. Это будет весело в кабриолете.

Ник жил на двадцать третьем этаже, и я без проблем нашла его квартиру. Дверь была слегка приоткрыта, но я неловко постучала, прежде чем вошла.

— Привет?

Я услышала шаги и мгновение спустя дверь открылась нараспашку. Ник стоял в своих джинсах и белой майке, голубая клетчатая рубашка была в его руках.

— Привет, — сказал он тихо. — Ты пришла.

Пока нет, но вид твоей груди или рук может довести меня до этого в любую секунду. (прим. перев. игра слов, Ник использовал слово *come*, что можно перевести как приходить и кончить). Я убедила себя не смотреть, было ли там все еще мое имя.

— Ты думал, я надую тебя?

— Мне в голову приходила эта мысль. Но я рад, что ты здесь.

Прекрати быть таким милым, хотелось мне сказать ему. Ты слишком без рубашки, чтобы быть таким милым сейчас. У Ника не было мускулатуры как у бодибилдера, но он был накачанным и крепким, и обладал телосложением боксера. Он немного тренировался в старшей школе, и увлекался боксом просто ради удовольствия в колледже, но его время занятий спорта было ограничено, потому что он всегда должен был работать. Иногда мы бегали вместе, хотя он был быстрее меня и был гораздо более вынослив. После трех миль я была готова для охлажденной Маргариты и начос, а не для еще одного круга. Ник на самом деле наслаждался бегом, но честно говоря, если бы я не любила еду и алкоголь так сильно, я бы выбросила свои Найки в окно.

— Входи, — Ник сделал шаг в сторону, чтобы я могла войти, и закрыл за мной дверь. — Я хотел сменить рабочую футболку, поэтому оставил дверь открытой, на случай, если я буду наверху, когда ты придешь. — Он засунул руки в рукава клетчатой рубашки, но не застегнул ее.

Поставив свою сумку и чемодан на пол, я осмотрела огромное просторное двухэтажное пространство, со сверкающими деревянными полами, стенами из красного кирпича и огромными окнами во всю стену, в виде арок. Место было красивым.

Никаких диванов, кресел или столов. Только большой плазменный экран,

вмонтированный в кирпичную стену и огромной белой пушистой штукой на полу.

— Ты минималист, как я погляжу. Это... кресло-мешок? — с любопытством я подошла ближе. — Оно огромное.

— Оно изумительное.

Я искоса посмотрела на него.

— Ты не можешь позволить себе диван?

— Это намного лучше, чем диван, — фыркнул он, закатывая рукава. — Подойди, проверь.

Я была соблазнена — оно на самом деле выглядело мягким и удобным и был около двух метров в ширину — но как бы ни старалась, я не думала, что могла изящно сесть на него. Мое платье было слишком обтягивающим, мне пришлось просто упасть назад и хлопнуться на него.

— Может, позже, — сказала я, направляясь к окну, чтобы полюбоваться мерцающими огнями ночного Детройта. — Вау, этот вид невероятен. На самом деле все это место невероятно. Только нуждается в мебели.

— Спасибо. Я тоже люблю эту квартиру, просто не часто здесь бываю, поэтому много не покупаю. — Ник подошел к окну и встал рядом со мной. Мое тело ответило на его присутствие непроизвольно — в груди стало тесно, дыхание замедлилось. — На самом деле я не знаю, как долго пробуду здесь.

Я повернулась к нему.

— Ты думаешь о том, чтобы переехать?

Он посмотрел на меня, его руки были в карманах, и что-то в языке его тела говорило мне, что он держит их там по особой причине.

— Я думаю о многих вещах.

Я. То же.

Что случится, если я сделаю шаг ближе? Вытащит ли он руки из карманов? Притянет ли он меня или будет держать на расстоянии? Внезапно мне захотелось узнать.

Прежде чем я подумала — и в этом была моя проблема — я качнулась в его сторону с приоткрытыми губами.

8 глава

Ник прочистил горло и сделал шаг назад.

— Хочешь чего-нибудь выпить?

Разочарованная, я пыталась не показать это и, раскачиваясь на своих каблуках, широко улыbnулась.

— Конечно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Какого черта ты творишь? Ты ввела правила — ты должна придерживаться их.

Пока он шел на кухню, которая занимала одну сторону квартиры, я всматривалась в открытый этаж прямо над ней, к которому вела деревянная лестница без задних креплений, поэтому казалось, будто была подвешена кверху с помощью канатов. Он там спит?

Даже не думай об этом.

Подойдя к кухонному островку, я скользнула на один из трех стульев — единственное

место во всей квартире, где можно посидеть — подперла подбородок рукой и оглядела кухню. В контрасте с остальной частью его квартиры, она, казалось, была полностью укомплектована, как будто он переехал сюда со своими скатертями, кастрюлями, сковородками и набором специй.

Конечно, она была прекрасна — каменные столешницы, приборы из нержавеющей стали, стеклянная плитка. Шкафчики были из темно-коричневого дерева.

Над кухонным островком висела люстра в стиле арт-деко, с матовым янтарным стеклом.

— Мне нравится, — сказала я, указывая на нее. — Она была здесь, когда ты переехал?

— Да, была. Она осталась от оригинального здания, как мне сказали, когда продавали это место. — Повернувшись ко мне спиной, он извлек два старомодных стеклянных стакана из застекленного шкафчика.

— Это круто. — Люстра придавала нотку гламура к общему виду кухни, которая была роскошной, но в то же время ощущалась мужской. Ник выглядел идеально в ней.

— У тебя правда все складывается хорошо, Ник. Я счастлива за тебя.

— Спасибо. — Он налил немного скотча в каждый стакан. — У тебя тоже все складывается хорошо. Я слышал «Девин Ивентс» очень успешны, и ты отлична в своей работе.

— Ох? — я изогнула бровь. — И откуда ты услышал это.

Пододвинув стакан мне, он сказал небрежно:

— Лукас рассказал мне.

— Ты спрашивал Лукаса обо мне?

Он пожал плечами, как будто в этом не было ничего важного.

— Может, раз или два.

— Понимаю. — Я сделала мысленную заметку узнать у Лукаса, сколько точно раз Ник спрашивал обо мне, что он конкретно говорил, и что он сказал ему в ответ.

Ник поднял свой бокал со скотчем.

— Попробуй.

Я подняла свой и вдохнула аромат. Немного сладковатый, немного пряный. В моем рту возникла слюна. Я посмотрела на бутылку, чтобы увидеть, что это.

— Очентошен Вирджин Оак (прим.перев. Virgin переводится как девственность).

— Да, у меня есть тяга к девственности.

— Как будто я этого не знаю. — Я сделала глоток, закрыла глаза и позволила скотчу коснуться моего языка, придержала его во рту, прежде чем проглотила.

— Ммм. Восхитительно. Мне нравится.

— Я так и думал, что тебе понравится. — Он сделал еще один глоток и отвернулся, чтобы включить одну из своих двойных духовок.

Я подняла свой бокал к носу и снова вдохнула, будучи на половину раздраженной, наполовину польщенной, что он знает мои предпочтения в скотче, и даже то, что он думал, что знает. В то время как я снова делала глоток, Ник вытащил помятую черную книгу из шкафчика, все страницы выглядели так, будто их очень часто перелистывали.

— Что это?

— Старая книга рецептов Нони. Здесь рецепт торта, который она пекла на все наши дни рождения. Она отдала книгу мне несколько лет назад и взяла с меня обещание не рассказывать моим тетям и кузинам. — Из еще одного шкафчика он достал миску для

смешивания, мерную чашку, ложку и старый венчик, чем дико удивил меня.

— Разве у тебя нет той модной техники KitchenAid (прим. перев. Американский бренд бытовой техники).

— Нет. Мне нравится это. — По какой-то причине его движения вызывали всплеск похоти в моем лоне. — Так или иначе мне нужно сделать глазурь на плитке.

— Ты даже делаешь глазурь с нуля? Я впечатлена.

Он улыбнулся, когда прикреплял венчик к миксеру.

— Хорошо.

Одолеваемая любопытством, я встала со стула и подошла к Нику.

— Могу я посмотреть книгу?

— Конечно. — Он толкнул ее ко мне, и я осторожно ее открыла, чтобы не потерять какой-нибудь листочек, что был засунут спереди. Я начала осторожно перелистывать странички, осознавая тот факт, что Ник двигается позади меня, чтобы заглянуть мне через плечо, и определенно стоит ближе, чем должен стоять друг. Я могла ощущать его запах.

Жуя нижнюю губу, я пыталась сфокусироваться на рецептах, а не на близости его члена к моей попке. Другой голос, который любил говорить, когда я смотрела магазин на диване или пыталась отклонить десерт в Andiamo, сказал, *что если я слегка изогну свою спину, притворяясь, будто это просто растяжка, то я могу «случайно» потереться своей задницей о его промежность. Проверить, был ли он твердым.*

Я хотела, чтобы этот голос заткнулся и свалил, так как мне не нужно было никакого дополнительного искушения в виде возбужденного Ника. Я перевернула еще несколько страниц, улыбнувшись названию любимых блюд Нони.

— Изумительно. Некоторые из них выглядят правда старыми. — Страницы были пожелтевшими и хрупкими, рецепты тщательно написаны тонкой прописью на бумаге с течением времени окрасились брызгами и разводами. — Приготовленные с пряностями гамбургеры Китти. Пирог невесты. Соус папы Джо.

— Да. Это точно один из старых. Папа Джо был моим прадедушкой Лупо, и был свекром Нони. Он был великими поваром, управлял итальянским рестораном в центре города в течение многих лет.

Я оглянулась на него, и мой лоб почти ударился об его подбородок, так близко он стоял.

— Правда? Я никогда не знала этого. Я думала твоя семья из Бей-Сити.

— Семья Нони оттуда. Ее девичья фамилия Боско, и она вышла замуж за Лупо. Первые Лупо в этой стране жили в Детройте, рядом с Eastern Market. Они управляли рестораном. — Ник сделал еще один глоток своего виски, прежде чем сделал шаг назад от меня, чтобы достать ингредиенты из холодильника — масло, сметану, яйца.

— Правда? Какое совпадение. Или может нет — полагаю, это в твоей крови, ха? — я снова села, восхищаясь тем, с какой легкостью и уверенностью он перемещался по кухне, вспоминая, как в колледже он готовил для меня в моей квартире. Самым лучшим блюдом были яйца и бекон, которые он поджаривал в три часа ночи после нескольких хороших раундов горячего потного секса. Если есть что-то еще лучше, чем бекон после секса, мне предстоит еще узнать это.

— На самом деле история семьи Лупо очень интересная, — продолжил Ник. — Папа Джо был контрабандистом во время сухого закона. Привозил виски с Канады.

Я ахнула.

— Что, правда? Это так круто! Я не могу поверить, что ты не рассказывал мне это.

— Тогда я на самом деле не интересовался семейной историей, но сейчас мне это нравится. Мама нашла кое-какие старые фото для меня, и у меня есть распечатанные, развешанные в моем ресторане. Ты знаешь, люди даже говорят, что я похож на него. Я имею в виду, моего прадедушку. — Он открыл высоко висящий шкаф, достал муку, разрыхлитель, соду и соль.

— Да? Есть фото, которые я могу посмотреть?

Он поднес все эти ингредиенты к кухонному островку.

— Да. В моем iPad, который наверху. Я принесу его. — Он продолжал говорить, когда подходил к лестнице. — Думаю, это свадебные фото.

Я хлопнула в ладоши и побежала за ним, слишком нетерпеливая, чтобы ждать, когда он спустится.

— Я хочу посмотреть!

Ник поднимался впереди меня по лестнице, и несмотря на непрочный вид, я была рада, что она не раскачивалась или тряслась. Я последовала за ним наверх, что дало мне отличный вид на его задницу. На верху лестницы он включил свет и вытащил свой iPad из черной кожаной сумки на полу рядом с кроватью.

Пока он искал фото, я оглядела спальню. Изголовье его огромной кровати было приставлено к кирпичной стене и аккуратно заправлено белым постельным бельем. Сейчас он заправляет постель. Это изменилось в нем.

Прошло уже семь лет, Коко. Он, вероятно, созрел во многих отношениях, так же как и ты.

Но я была готова поспорить, что он все еще необыкновенен в постели.

Мое лицо покраснело. Кровь прилила к моему лону. Я скрестила руки и ноги, сжимая бедра вместе, из-за давления, что нарастало между ними.

— Ладно, подойди сюда и посмотри. Я нашел их. — Он сел на кровать, держа iPad на коленях, и я подошла и опустилась рядом с ним, стараясь не прикасаться к нему.

— О боже мой, — выдохнула я, приложив руку к сердцу. — Ты выглядишь, как он. Какое великолепное фото. Когда это было? — это была действительно свадебная фотография, черно-белая и, судя по виду, довольно старая, хотя цифровая копия казалось была восстановлена. Жених, чей широкий рот, полные губы и темные глаза были устрашающими как у Ника, носил черный смокинг, и его миниатюрная невеста стояла рядом с ним. На ней было простое, но прекрасное белое кружевное платье с высоким воротником и короткими рукавами, а вокруг тонкой талии был пояс.

— Я не уверен. Может, 1920-е? Мой дедушка был рожден около 1925 года, я думаю, поэтому они должны были быть женаты к тому времени.

— Посмотри, какая она маленькая. — Я указала на миниатюрную женщину, чья кожа была такой светлой, что казалась почти прозрачной. У нее были большие глаза и миловидное лицо в форме сердечка. Ее губы были темными, как будто на них была темно-красная помада.

Я сразу почувствовала, что мы родственные души. Она улыбалась — они оба улыбались, что казалось необычным для такого старого фото. Большую часть времени люди на старых фото выглядят довольно печальными, но можно было сказать, что эта пара была по-настоящему счастлива. Нечто подобное печали сжало мое сердце, что было нелепо. Почему я должна грустить?

— Да, она была маленькой. Ее прозвищем было Крошка. Я даже не знал ее настоящее

имя. Она умерла, когда мне было всего пару лет.

Я посмотрела на него.

— Ты не знаешь настоящего имени своей прабабушки? Это неправильно, мы должны узнать его. Я хочу узнать о ней.

Он улыбнулся, его глаза все еще были на фотографии.

— Зачем?

— Я не знаю, потому что у нее красная помада. Потому что они выглядят такими счастливыми. Потому что, думаю, что это интересно, — сказала я, когда он рассмеялся над моими причинами. Я пнула его ногу. — Ты забыл, что моя ведущая специальность — история? Я с удовольствием увлекаюсь такими вещами.

Его глаза осветились и заблестели, вперившись в мои.

— Я ничего не забыл о тебе, кексик.

Мое сердце остановилось.

Я бы хотела, чтобы он наклонился ближе, прошептал мое имя, коснулся своими губами моих... но он этого не сделал.

— Мы спросим у Нони на этих выходных, — продолжил он. — И, говоря о Нони, нам лучше испечь этот торт. Уже больше десяти часов.

Я сглотнула.

— Хорошо.

Но он не сдвинулся с места, и я тоже. Я не могла. Мышцы моего живота сжались так сильно, что было почти больно. Он смотрел на мои губы, поэтому я облизала их, позволив им приоткрыться. Я подняла подбородок вверх, слегка. *Давай, Ник. Поцелуй меня уже.*

Он улыбнулся.

— Ты точно хочешь, чтобы сейчас я тебя поцеловал.

Отстранившись, я шлепнула его по плечу.

— Не хочу!

— Ты хочешь, очень хочешь, — сказал он, смеясь, когда встал. Он бросил iPad на кровать. — Ты облизывала свои губы.

Выйдя из себя, я сжала кулаки по бокам и последовала за ним вниз по лестнице и назад на кухню. Он был таким чертовски раздражающим!

— Это не значит, что я хочу, чтобы ты поцеловал меня! Потому что я не хочу.

— Ох, нет? — он развернулся и крепко схватил меня за плечи. Его губы нависли над моими. — Тогда скажи мне не целовать тебя, — сказал он, его теплое дыхание ощущалось на моих губах. — Скажи, что это против правил. Скажи, что не хочешь этого.

О боже, о боже, о боже. Почему он играет в такие игры? Я знала, чего он добивался — он хотел меня так же сильно, как и я его, но он хотел, чтобы это была моя идея, и в итоге он не выглядел бы таким придурком. Чтобы он мог сказать, что это я нарушила правила. Что я хотела его сильнее.

Ни за что.

Либо он получит меня так, как я хотела, либо не получит совсем. Я не собиралась давать ему гребаное приглашение, не после того, что он сделал.

— Я не хочу этого. — Ложь соскользнула через стиснутые зубы.

Он сделал паузу, прежде чем отпустил меня.

— Хорошо. Потому что я тоже не хочу этого.

Прежде чем я могла остановить себя, моя рука вытянулась, и я схватила его за

промежность. Под джинсами его член был твердым, толстым и полностью эрегированным.

Я коварно улыбнулась.

— Лжец.

9 глава

Удовлетворенная его изумленным выражением лица, я убрала руку и повернулась к ингредиентам, выложенным на кухонном островке.

— Ну, давай не будем стоять просто так. Нам нужно испечь торт, помнишь?

— Коко, — он произнес мое имя так, что я задалась вопросом, злился ли он из-за того, что я сделала. Я снова повернулась к нему лицом и увидела, что его руки сжаты в кулаки. И было что-то еще кроме шока в его взгляде. Его глаза были темнее, чем секунду назад, из-за чего в некоторых частях моего тела начало покалывать. Здесь было так жарко из-за духовки?

Я упиралась в столешницу позади себя.

— Да, друг?

Ринувшись ко мне, он крепко обернул руки вокруг моей головы.

— Нет. — Затем он обрушил свой рот на мой, разжигая во мне огонь, который сжег любые сомнения и желание играть кокетку. Я обняла его руками и прижала свои губы и тело к его. Позже, мы, вероятно, будем спорить, кто это начал, но сейчас все, что мне хотелось, быть ближе к нему.

Мы целовались так, будто это был первый раз, как будто мы снова были в его грузовике, и не могли поверить, что только что познакомились, как будто нам лучше насытиться друг другом, потому что такая безумная химия, возможно, долго не продлится — уверена, она погаснет так же быстро, как вспыхнула.

Но боже, боже. Было так хорошо.

— Ник, — прошептала я в его рот, в этот невероятный, сексуальный рот, который посвятил меня во многие аспекты удовольствия, и сейчас перемещался на мое горло. Он запустил пальцы мне в волосы, из-за чего кожу головы начало покалывать, а по спине побежали мурашки. Я потянула его голубую рубашку, с нетерпением желая ощутить его кожу напротив своей, обернуть себя вокруг него, почувствовать его внутри себя.

Он опустил руки, и я стянула его рубашку по плечам, но как только она упала на пол, он сделал то же самое, опускаясь на колени передо мной. Тяжело дыша, я наблюдала за тем, как он проводит руками по моим бедрам, приподнимая платье вверх.

— Боже, это тело, — прошептал он, прислонившись лбом к моим белым кружевным трусикам. Его руки сжимали мои бедра. — Я мечтал об этом.

— Да? — мои пальцы запутались в его густых волосах.

— Да. И об этом. — Он поцеловал меня через кружево. — И об этом, — он спустил трусики к моим коленям. — И особенно об этом. — Он скользнул языком между моих бедер, и мои ноги едва не подкосились от первого поглаживания его языка.

На втором поглаживании они начали дрожать.

На третьем я уже не была уверена, что у меня есть ноги.

— Так хорошо, Ник, — захныкала я. — Не думаю, что я могу стоять.

— К черту. — Он сдернул мое нижнее белье до конца, и я вышагнула из трусиков, держась за его плечи для равновесия. Когда он выпрямился, он вытянул руку позади меня и

приподнял меня, чтобы обернуть мои ноги вокруг своих бедер, а мое платье задралось до талии. Наши рты и языки были сплетены, и я скрестила лодыжки позади него. Боже, я скучала по этому. Я скучала по всему, что связано с ним.

Он посадил меня на краешек кухонного островка, и я вцепилась в его белую майку, разрывая наш поцелуй, только чтобы стянуть ее через голову. Поначалу было так странно ощущать его кожу под своими ладонями, я хотела провести руками по его груди и ниже, затем обратно наверх. Каждый изгиб и линия его тела умоляли, чтобы к ним прикоснулись, поцеловали, облизали.

О да. Сегодня будет вечер облизывания. Мне плевать, что мы только друзья, я собираюсь облизать этого мужчину сверху донизу и по бокам. Я прослежу рисунки его тату своим языком, буду смаковать каждый его сантиметр, выпью до последней капли...

И затем я вспомнила.

Я уперлась руками в его плечи и слегка оттолкнула его от себя, чтобы посмотреть на его грудь, которая поднималась и опадала от рваного дыхания.

Я резко вдохнула.

Мое имя все еще было там.

Мое горло сжалось. Я вытянула руку и провела по нему пальцами — черные рукописные буквы на его гладкой загорелой коже. Там также были и другие незнакомые татуировки — животные, символы и слова, которые я изучу позже во всех восхитительных деталях, — но сейчас я видела только ту, что он сделал в день нашей злополучной свадьбы.

— Она все еще есть у тебя.

— Конечно.

— Но ты мог избавиться от нее, покрыть другой, или изменить во что-то другое.

— Я никогда даже не думал об этом.

Я тяжело сглотнула, чувство вины просочилось между слоями желания. Я переделала свою свадебную татуировку в то, что символизировало мою свободу. Потому что не хотела иметь постоянное напоминание о том, что мы наделали.

— Почему?

— Потому что она мне нравится, — его голос был тихим, но хриплым. — Она напоминает мне о тебе.

Я понятия не имела, что сказать. *Пошел ты, Ник. Я хотела просто секс. Не пробуждай мои чувства.*

Будто услышав мои мысли, его губы скривились в сексуальную ухмылку.

— Бьюсь об заклад, что никогда не думала, что увидишь ее снова.

От этого с слегка рассмеялась.

— Ты прав. — Я провела пальцами по его мускулистому животу, желая надолго остаться в этом моменте. — Но я рада, что увидела.

Он скользнул руками по внутренней поверхности моих бедер и коснулся пальцем моей киски, все еще влажной от его рта.

— Я тоже.

У меня перехватило дыхание от его прикосновения, и я протянула руку, чтобы расстегнуть его ремень и молнию на джинсах, и скользнула в них рукой.

Да. Вот так.

Я обернула пальцы вокруг его твердого, горячего члена, восхищаясь тем, как его тело содрогнулось, когда я начала проводить рукой вверх и вниз по его твёрдой длине. Это было

то, чего я хотела. Это было безопасно. Его рот обрушился на мой, руками он снова обхватил мою голову, держа ее ровно, пока его язык проникал между моими губами. На кончике его члена появились капельки влаги, усиливая изнывающую боль внутри меня.

Раздвинув ноги шире, я опустила его джинсы и расположила его между своих бедер, проводя его гладкой головкой по своему клитору.

Он отстранился, чтобы посмотреть на меня, в его глазах плескался вопрос.

Я понимала, о чем он спрашивал.

— Я хочу этого, Ник. Мне плевать на то, что я сказала. Я хочу этого. Я хочу тебя. Сейчас. — Я обернула обе руки вокруг его обнаженного торса и притянула его ближе, его эрекция заскользила между моими складочками, прижимаясь ко мне. — Сейчас же, — прошептала я ему в рот. — Я хочу тебя в себе прямо сейчас. — Его член дернулся.

— Черт. — Внезапно он потянулся мне за спину и провел рукой по всему столу. Все со стуком полетело на пол: мерные ложки, чашки, венчик, наши бокалы со скотчем, сахар и мука рассыпались по темному деревянному полу. Ник даже не посмотрел вниз.

Уложив меня на холодную гранитную поверхность, он раздвинул мои колени руками. Все мое тело задрожало, когда он облизал внутреннюю поверхность одного бедра, а затем второго, его руки скользнули под мои икры и приподняли их, чтобы расположить на его обнаженных плечах. И я скрестила лодыжки на задней части его шеи. Подняв голову, я увидела красную подошву своей обуви, позади его темных волос и почти потеряла контроль от этого вида. Он посмотрел мне в глаза, прежде чем опустил рот к моей киске, его язык заскользил по моей плоти, вырисовывая медленные круги на моем клиторе.

Моя голова упала на твердую поверхность, но я едва почувствовала это.

— Ммм, я скучал по этому. Ты на вкус такая же, как я помню. — От его слов и дыхания на моей коже все мое тело покрылось мурашками, и я застонала от удовольствия, пока он поглощал меня.

— Да? — выдохнула я, вся нижняя часть моего тела была напряжена, и мои руки рыскали, чтобы за что-нибудь ухватиться. Ничего не найдя на островке, я потянулась к его голове и запустила пальцы в его волосы. Мои ноги соскользнули с его плеч и болтались над его руками.

— Да. Ты гребаное совершенство. — Он расположил руки под моими ногами, чтобы притянуть меня ближе, и я ахнула, когда его язык скользнул в меня, прежде чем вернулся к небольшому комочку нервов, и слегка щелкнул по нему языком, от чего по всему моему телу будто прошел ток.

Я закрыла глаза, позволяя восхитительному напряжению увеличиться.

— О боже мой. Такое чувство, что в первый раз. В грузовике, помнишь?

— Ты шутишь? — сказал он, входя пальцем в мою скользкую влажность. — Я каждый раз дрожу на это воспоминание. — Когда я застонала, второй палец присоединился к первому, толкаясь, будто в какое-то секретное место, которое мог найти только Ник. Какое-то волшебное облегчение накатило на меня, когда осознала, что есть тот, кто знает мое тело изнутри и снаружи, кто помнит все скрытые места, которые приносят мне удовольствие. Он жадно всосал мой клитор, когда его пальцы заработали в быстром темпе, и я начала покачивать бедрами в сторону его рта, громко застонав. Иисус, прошло так много времени... на самом деле это ощущалось, как будто мой первый раз, о боже мой...

— Да! — я уперлась ладонями в столешницу. Мои внутренние мышцы сжали его пальцы, и моя голова упала в сторону, а лицо скорчилось от настолько сильного

удовольствия, что было почти больно. *О боже мой, о боже мой, о боже мой, он чертовски хорош, и я не чувствовала себя так гребаную кучу времени. Все мое тело было в огне, и я чувствовала, что скоро очень сильно кончу, прямо на этом гребаном кухонном острове, и затем он трахнет меня...*

Осознание того, что через мгновение Ник окажется во мне, наконец толкнуло меня за край, и я закричала, когда оргазм мощной волной накрыл мое тело, пульсирующее у его пальцев и языка. Я смаковала каждое ощущение с открытым ртом и задыхалась.

Как только мое тело расслабилось, Ник выпрямился.

— Не двигайся.

Прежде чем я смогла запротестовать, он промчался по кухне и вверх по лестнице. Я оперлась на локти и почти крикнула ему забыть про презервативы, потому что я на таблетках, но вместо этого прикусила свою губу. Даже когда мы были парой, мы использовали их, опасаясь того, что я могу забеременеть.

Мы занимались сексом без презерватива всего трижды, и все в одну ночь.

Нашу брачная ночь.

Мой желудок сделал сальто, когда я услышала, как Ник спускается вниз. Пол секунды спустя он появился на кухне, без рубашки, со взъерошенными волосами и выглядящий невероятно роскошно, с презервативом в руках.

— Позволь мне. — Присев, я взяла презерватив у него из рук, разорвала фольгу и за пять секунд натянула его на его член.

Казалось, будто не было всех этих лет.

Тем не менее, было ощущение, будто это был наш первый раз.

Раздвинув ноги шире, я резко вдохнула, когда он схватил меня за бедра и скользнул в меня глубоко и медленно.

— Да, — прошептала я, хватая его за плечи, когда он начал двигаться во мне, а его бедра лениво раскачивались между моих ног. — Да, вот так.

— Скажи мне, что ты думала об этом. — Голос Ника был напряженным и хриплым.

— О боже. Да. Думала. Все время.

— Да? — его пальцы вонзились в мою плоть, когда он толкался в меня, его движения были неспешными, но в устойчивом ритме. — О моем члене внутри тебя?

— Да. — Я зажмурила глаза, наслаждаясь каждым толстым и твердым сантиметром, что он погружал в меня. — Все время.

— Ты скучала по тому, как я трахаю тебя. Моему рту на тебе. Мои руках на тебе. По всем способам, которыми я доводил тебя до оргазма.

— Да, — захныкала я, буря снова начала закручиваться внутри меня.

— Скажи мне. — Он начал двигаться быстрее, сильнее и жестче погружаясь в меня. — Я хочу слышать, как ты говоришь это.

— Я скучала по тому, как ты трахал меня. — Мои пальцы ног подогнулись. — По твоему рту на мне, твоим рукам... — мои пальцы вонзились в его плечи. — По твоему члену. Я скучала по нему внутри меня. — Едва в состоянии говорить, я ахнула, когда он подхватил меня под задницу и приподнял со столешницы. — По всем способам, которыми ты доставлял мне удовольствие, — задыхалась я. Я обернула ноги вокруг его талии, наклоняя свои бедра так, чтобы принять его глубже. — По всем способам... которыми ты доставлял мне удовольствие. — Ник выругался и крепче прижал меня к своему телу, пока его член потирал мой клитор. — О боже, да, Ник, да! Не останавливайся. Не останавливайся. Не

останавливайся.

Прижавшись к нему, я уткнулась лицом в изгиб его шеи, сделав долгий вдох, когда волны второго оргазма парализовали меня удовольствием. Он застонал, когда я стала еще более влажной. Спотыкаясь обо все, что сбросил на пол, он прижал меня к двери холодильника. Вбиваясь в меня быстро и жестко, он выругался и стиснул зубы, трахая меня у этого устройства из твердой нержавеющей стали так сильно, что задрожал. Потянувшись за голову, я схватилась пальцами за верх холодильника и держалась изо всех сил — завтра моя спина точно вся будет в синяках. Мы оба застонали, когда оргазм достиг своего пика, его член увеличился и пульсировал глубоко во мне. Я сжала свои внутренние мышцы вокруг него, чувствуя каждое подергивание и дрожь в его теле.

Отчаянно цепляясь за физическую энергию между нами, а не за эмоциональную.

Отчаянно придумывая способ убедить себя, что то, что мы делали — это нормально.

Отчаянно подавляя источник романтической надежды, что начал бить ключом внутри меня.

Я не могу снова полюбить его.

Не могу.

И не люблю.

Я просто должна продолжать говорить себе это.

10 глава

Его тело все еще было неподвижным, и Ник поднял голову с моего плеча.

— Упс.

Я улыбнулась, все еще держась за холодильник.

— Упс.

— Здесь чертовски жарко. Духовка включена?

— Да. Предполагалось, что мы будем печь торт, помнишь? — я отпустила холодильник и схватилась за его плечи, когда он развернулся, чтобы снова усадить меня на стол. Миска для смешивания ударилась о шкаф, когда он случайно сбросил ее.

— О да. — Он поцеловал меня в висок. — Эта идея была лучше. Хорошо придумано.

— Это была не моя идея, мистер Давай Будем Друзьями.

Он слегка отстранился, чтобы посмотреть на меня.

— Ты тоже не хотела быть друзьями, Коко. Признай это. Друзья не трогают друг друга за причиндалы, как это делала ты.

— Пожалуйста, можем мы не спорить сейчас? Ты все еще внутри меня, ради всего святого.

Уголок его рта приподнялся.

— Извини. Хочешь назовем это влечением?

— Думаю, да. Только в этот раз.

Удивительно, но все это каким-то образом сделало меня более расслабленной, чем я была, когда ранее постучала в его дверь. Хотя я и понятия не имела, что будет с нашей «дружбой», было невероятно приятно перестать делать вид, что нас не влечет друг к другу. На самом деле, это было облегчением. И насколько бы долго мы не нарушали правило номер один и два, я была уверена, что смогу сдержать свои эмоции под контролем, хоть и

позволила моим сексуальным желаниям одержать надо мной верх. Эти выходные будут как маленький отпуск от реальности — поездка в прошлое, вот и все. Я смогу справиться с этим.

Гребаное путешествие во времени.

Насколько круто это было?

Ник показал мне, где ванная на первом этаже, и я привела себя в порядок, рассмотрев свои красные щеки и растрепанные волосы в зеркале над раковиной в форме сосуда и крана в форме водопада. Я не чувствовала вину. В конце концов, мы одинокие, благополучные и знакомы друг с другом. Это сравнимо с тем, чтобы пересмотреть любимый фильм или перечитать любимую книгу. Чистое удовольствие — ничего больше.

Когда я закончила, я поискала чемодан у двери, но его там не оказалось. Ник поднял его наверх? Я поднялась до самого верха как раз в тот момент, когда Ник спускался вниз.

— Эй. — Он помыл и расчесал волосы — тщеславная задница, но его грудь все еще была обнажена, а на щеках был румянец.

— Эй. — Теперь, когда я не была так отвлечена, я могла восхититься его новыми татуировками. Все его правое плечо и рука были покрыты чернилами, на другой руке татуировки были на бицепсе и предплечье. На левой стороне груди было набито мое имя и что-то на правой стороне грудной клетки. По большей части все это было черным. за исключением нескольких цветных пятен на правой руке.

— Мне нравятся новые татуировки.

— Спасибо. Я отнес твой чемодан наверх. Ты можешь спать там сегодня. Постельное белье чистое. Я посплю внизу, в кресле-мешке.

Я закатила глаза.

— Ник, да ладно тебе. Сейчас, когда мы нарушили правило с сексом, я думаю, что нет ничего страшного, что мы будем спать в одной кровати.

Его глаза засветились.

— Это значит, что мы сможем снова его нарушить?

Я посмотрела на него сквозь полуприкрытые веки.

— Я еще не решила, не испытывай удачу. Расстегни меня, пожалуйста. — Повернувшись, я приподняла волосы с шеи.

— Конечно. — Он медленно опустил молнию до копчика. Затем пальцем он проследил линию от основания моей шеи до застёжки бюстгалтера, из-за чего мои руки покрылись мурашками. Он оставил руку на моей коже, и я улыбнулась.

— Ты можешь расстегнуть его.

Одним ловким движением, он расстегнул бюстгалтер, и я глубоко вдохнула, когда моя грудь освободилась.

— Спасибо.

Он скользнул руками внутрь моего платья, распахивая его, чтобы обнажить лопатки.

— Ты покрыла ее.

— Что?

— Мое имя. Дату нашей свадьбы.

— Ох. — Опустив волосы, я повернулась и увидела, что он выглядит печальнее, чем должен быть. Я сглотнула. — Да.

— Могу я посмотреть?

Я колебалась.

— Наверное. Конечно. — Развернувшись, я перекинула волосы на одно плечо и замерла.

Он снова распахнул платье, нежно опустив рукава и лямки бюстгальтера по моим рукам. Я чувствовала себя обнаженной. Что было глупо, потому что он видел меня обнаженной сотни раз, может, даже тысячи. На самом деле я чувствовала себя не обнаженной. Я чувствовала себя осужденной — и приговор был: виновна.

Ник провел пальцами по двум одинаковым ласточкам, по одной на каждой лопатке.

— Они прекрасны.

— Спасибо.

Он молчал, и по какой-то причине я захотела извиниться. Извинения были на кончике моего языка, как будто я была обязана, чтобы на моем теле было место для его имени. *Я не обязана*, подумала я, и закусила губу. *Я не была обязана тогда и не обязана сейчас, и с этим нужно закругляться.*

— Не возражаешь, если я переоденусь во что-то более удобное? — я послала ему застенчивый взгляд через плечо, встревоженная тем, что увижу его задумчивым и немного с разбитым сердцем.

— А? О, нет, конечно, нет. — Он заменил свое несчастное выражение на ехидную улыбку. — Ты можешь ходить голая, если хочешь.

— Я бы предпочла пижаму.

— Пижама? — он выглядел несчастным. — Это безусловно далековато от наготы, но почувствуй себя как дома. Я пойду убираться на кухне, чтобы мы могли испечь торт, пока Нони все еще жива.

— Я спущусь через минуту, чтобы помочь.

Ник направился вниз по лестнице, а я открыла свой чемодан и села на кровать, чтобы снять сандалии. Я сняла первый, а второй держала в руке, когда услышала, что где-то на первом этаже из динамиков начинает играть песня «Jackson» в исполнении Джонни Кэш и Джун Картер. *«Мы поженились, охваченные жаром, горячее, чем мексиканский перец...»*

Рассмеявшись над чувством юмора Ника, я переоделась в свою пижаму — короткие шортики и розовую майку, отделанную черным кружевом. Я сомневалась, надевать ли бюстгальтер, так как материал был довольно тонким, но было так хорошо дышать без него, поэтому я оставила эту идею. В шкафу Ника я нашла запасную вешалку и повесила платье, игнорируя мысль провести рукой по его одежде понюхать воротник на рубашке или обшарить его ванную на предмет женских предметов. Мне должно быть плевать, приводит ли он сюда девушек, верно? Я больше не была его девушкой и не собиралась ею стать.

Вытащив резинку из косметички, я направилась в ванную и собрала волосы в хвостик. Стены были кирпичными, раковина и плитка были белыми, а все убранство с желтой окантовкой. Я проверила свое отражение в зеркале, и мои внутренности напряглись от мыслей о голом и влажном Нике в душе позади меня. Вот где он дрочил, думая обо мне?

Ради всего святого, Коко. Выбрось эти мысли из головы и убирайся отсюда, извращенка.

В последнюю секунду я не смогла сопротивляться искушению и быстро заглянула в ящики, отчего рассмеялась. Никаких розовых бритвенных станков или девчачьих дезодорантов, но у него было достаточно средств для ухода за волосами, которых могло хватить на всю жизнь. Хотя они были в основном мужскими, ну, настолько мужскими, насколько может быть гель для волос с цитрусом и имбирем.

Он очищал столешницу на кухне, но поднял голову, когда я зашла внутрь. Он надел свою майку и голубую рубашку обратно, что вероятно, было хорошо. Его голая грудь была

слишком соблазнительна.

— Ох, хорошо. Мне нравится, когда девушка печет в нижнем белье.

Я сморщила нос.

— Я не особо умею печь. Может, я просто посмотрю.

— Ни за что. Ты на моей кухне, поэтому я привлеку тебя к работе.

— Эксплуататор, — подразнила я. — У тебя есть веник? Или пылесос? — Ник поднял вещи, что сбросил на пол, но на нем по-прежнему были рассыпаны сахар и мука. — Мы разбили бокалы со скотчем?

— Веник в кладовке, вон там. — Ник посмотрел на мои босые ноги. — Я вытер скотч, но пол липкий.

— Я справлюсь. — Я нашла веник и совок и подмела пол, пока Ник мыл и сушил чашки и мерную посуду. — Мы пожертвовали таким хорошим скотчем.

— Это определенно, черт побери, того стоило.

Я улыбнулась.

— Я тоже так думаю. — Опустошив содержимое совка в мусорное ведро, я намочила бумажное полотенце, опустилась на колени и начала вытирать пол.

— Это зрелище я думал, никогда не увижу. Коко Томас на коленях моет пол на моей кухне.

Я перестала вытирать и подняла голову.

— Что ты имеешь в виду?

Он пожал плечами и разбил яйцо в миску.

— Я о том, что у тебя, вероятно, всю жизнь была горничная, чтобы делать подобные вещи.

Сев на корточки, я нахмурилась. Да, у моих родителей всегда была домработница — о чем я никогда не задумывалась, пока не встретила Ника. У всех, кого я знала, была домработница. Позже я узнала, что мама Ника убирала чужие дома, чтобы вложить деньги в семейный ресторан, когда были тяжелые времена. Но даже тогда я не понимала, почему он чувствует себя неуютно с моей семьей.

— Правда, Ник? Прямо сейчас ты начинаешь все это дерьмо заново?

— Начинаю какое дерьмо?

— Ты знаешь, о чем я. Эта старая пластинка: *Я бедный мальчик, никто меня не любит*.

— Я никогда не говорил, что ты не любила меня.

— Ты понимаешь, о чем я. Ты подразумевал, что я слишком хороша для тебя, или ты недостаточно хорош для меня, потому что я выросла... — я обдумывала, как сказать это, — В благоприятных условиях.

Ник рассмеялся и разбил второе яйцо.

— Ты выросла богатой. И ты слишком хороша для меня.

— Неважно, Ник. Ты позволял теме денег нависать между нами. Я никогда даже не думала об этом.

— Потому что тебе никогда не нужно было задумываться об этом. — Он звучал зло или расстроено? Весь этот утомительный разговор докучал мне. Раздраженная, что он портил все наше веселье, я поднялась на ноги. Какого черта ему нужно было затевать это? Я бросила бумажное полотенце в мусорное ведро и попыталась громко захлопнуть дверцу шкафа, но это был один из медленно закрывающихся механизмов, который предотвращал какой-либо шум. Как, черт побери, это раздражало.

— Хорошо. Мне никогда не приходилось задумываться о деньгах, — огрызнулась я. — Мое обучение в колледже было оплачено. Да, родители купили мне машину.

— БМВ, — добавил он, взбивая яйца вилкой.

— БМВ. — Я наблюдала за ним несколько секунд, желая, чтобы я могла оказаться на его месте. Мне хотелось что-нибудь ударить. — Почему ты делаешь это?

Его рука остановила свои движения, и он посмотрел на меня.

— Делаю что?

— Начинаешь ругаться.

— Я не начинаю ругаться, Коко. Я просто прокомментировал, что никогда не видел, как ты моешь пол.

— О, или кошу газон, или забиваю гвоздь или использую гребаную дрель. — Мои руки сжались в кулаки...

— Нет, теперь ты упоминаешь это. — Ник имел наглость выглядеть довольным. — К чему это, кексик?

Его прозвище для меня, которое я всегда любила, сейчас звучало по-детски и глупо. Как будто я была хорошеньким и сладким кондитерским изделием, покрытым розовой глазурью для дня рождения. Он думал обо мне как о беспомощной девушке, так же как и мои родители.

— Ты думаешь, что я просто принцесса. Думаешь, что я не умею работать руками.

— Это неправда. — Он отложил вилки и чашку. — Множество раз я видел, как ты работала надо мной своими волшебными ручками. Подойди сюда.

— Нет.

— Подойди сюда, упрямица. — Он притянул меня в объятия, и я не стала долго сопротивляться, позволив его длинным рукам обнять меня за талию, и положила подбородок на его твердое плечо. — Извини, что расстроил тебя. Я не должен был это говорить.

— Ты меня тоже извини. — Мой голос был приглушен его рубашкой. Я сделала глубокий вдох, втягивая его аромат, который теперь смешался с моим парфюмом на его коже. — Это на самом деле не из-за того, что ты сказал. Это из-за дома — мне придется сделать кучу работы самой, и я боюсь, что моя семья решит, что я сошла с ума, как и Миа. Не только из-за большого количества денег, а из-за того, сколько работы в доме нужно будет сделать.

— Я думаю, это замечательно. — Он сжал меня крепче. — И ты сможешь сделать все, что у тебя на уме. Я знаю, ты сможешь.

Я вздохнула.

— Ты не видел этот дом. Я боюсь просить родителей о помощи в его покупке, потому что Миа может оказаться права. Но он мне так сильно нравится.

— Покажи его мне.

— Показать его тебе? Когда?

Ник выпустил меня и потянулся за сметаной.

— Может, завтра утром? Мы можем проехать через Индиан Вилладж, прежде чем отправимся на ферму.

— Правда? — я сцепила руки вместе под подбородком.

Ник добавил столовую ложку сметаны в миску и туда же чайную ложку соды.

— Да. Как думаешь, мы сможем посмотреть внутри? Если мне придется давать тебе совет о разумности инвестиций с точки зрения времени и денег, я бы хотел увидеть все.

— Может быть. Сейчас напишу своему агенту. — Пospешив к двери, где бросила свою сумочку, я вытащила телефон и увидела, что у меня четыре сообщения: одно от Эрин, которая хотела узнать, как дела (из-за этого я улыбнулась), одно от Миа — она извинялась, что была такой резкой со мной (из-за этого я почувствовала вину), одно от поставщика, который уверял меня, что я могу получить всю садовую мебель, которую хотела (из-за этого я подумала: Боже), и одно от Анджелины, которая спрашивала, могли ли мы изменить задумку всей вечеринки на тематику «Гавайская» (из-за этого я нахмурилась в замешательстве, потому что она написала говаиской). Она хотела, чтобы я немедленно перезвонила ей, неважно во сколько.

Я застонала.

— Какие-то проблемы? — спросил Ник, заглушая грубое пение Джонни Кэша.

— Нет. Но дай мне минутку. Можем мы немного приглушить музыку?

— Конечно. — Он взял пульт и убавил громкость.

Я подошла к окну с телефоном у уха. Анджелина подняла после первого же гудка.

— Ты получила сообщение?

— Да, но, Анджелина, я правда считаю, что первая идея была лучшей для твоего мероприятия

— Но она была без тематики. А я хочу тематику.

Я начала быстро соображать.

— Конечно... Итальянская роскошь, мы сделаем передний двор твоих родителей в стиле гостиной Донателлы Верчаче.

— Хмм. Мне нравится Версаче.

— Доверься мне. Это идеально подходит тому, что мы обсуждали ранее.

— Но у Джоди Манино была тематика, и все до сих пор говорят об этом.

— Какая тема?

— Игра престолов.

О боже. Вероятно, сейчас она захочет драконов.

— Анджелина.

— Поэтому, может, тоже могу взять телевизионную тематику? Как насчет, «Ходячие мертвецы»? Это будет безумно круто, зомби и вся атрибутика! Но не для меня, конечно. Я хочу быть сексуальной, поэтому, тогда «Ходячие мертвецы» не подходят. Может, другой сериал. Или фильм.

— Анджелина.

— Или... ох! Я знаю, какая должна быть тематика: «50 оттенков серого»! Мы можем сделать хлысты, цепи и все такое. Я могу одеться как Домина. Это будет сексуально.

В моей голове начало пульсировать, и я приложила два пальца к виску.

— Анджелина!

— Да?

— Я правда думаю, что мы уже все отлично спланировали. Ты наняла меня, потому что тебе понравилась «Свадьба года», помнишь? Красивые, роскошные мероприятия, которые пестрят гламуром и сиянием, как ты — вот в чем я лучшая.

Позади меня Ник начал смеяться.

— Наверное. Но это не кажется веселым.

Я могла только представить, как Анджелина надула свои розовые губки.

— Будет весело. Я обещаю. И все будут говорить об этом месяцами — до твоей свадьбы,

которая будет еще грандиознее, красивее и веселее. Девушки будут говорить своим планировщикам мероприятий, что хотят все, что было у тебя, но даже и близко не приблизятся к твоему уровню.

— Мне нравится это.

— Хорошо. Кстати, я договорилась с Ником Лупо.

Мне пришлось отодвинуть телефон подальше от уха из-за пронзительного визга, который она издала.

— О боже мой, — сказа Ник, снова рассмеявшись.

Я повернулась и увидела, что он стоит с миксером в руке, и ждет, когда я повешу трубку, прежде чем включить его.

— Поэтому видишь, все получается именно так, как ты и планировала. Давай придерживаться этой задумки. Хорошо?

— Хорошо. Пока что, — сказала она, и я сердито посмотрела на свой телефон. — Ты правда заполучила Ника Лупо?

— Да, я на самом деле сделала это.

— Что он сказал? Это было сложно?

Черт, да, так и было. Улыбаясь, я побрела назад на кухню.

— Было немного сложно его уговорить. Ты ведь понимаешь, звезды телевидения — капризные и все такое.

Ник зарычал, вытянув руку, как будто хотел задушить меня.

— И его это довольно большое. — Обходя кухонный островок, он положил руки мне на горло, нежно сжимая его. — Такое же огромное как Эйфелева башня. Но у нас получилось договориться.

— Я не могу дождаться встречи с ним. Кого заботит, что он капризный? Он чертовски горячий.

— Он хорош.

Внезапно Ник развернул меня, обхватив мое туловище, и начал щекотать мою грудную клетку другой рукой, прямо над моей левой грудью, где он знал, я безумно боялась щекотки. Я завизжала в трубку и стала извиваться в его руках.

— Ты прекратишь? Нет, не ты, Анджелина. Но мне нужно идти, я перезвоню тебе завтра. Пока. — Я закончила звонок и потянула за локоть вокруг моей шеи. — Перестань! Из-за тебя я только что накричала на свою клиентку!

Он зарычал мне в ухо, а затем отпустил.

— Хорошо. Но она прерывала мое время с Коко. Которое ограничено.

— Твое время с Коко. — Я закатила глаза, и начала листать список контактов, чтобы найти номер своего агента. — Ладно, дай мне две секунды, я напишу моему агенту, и затем ты получишь меня обратно.

— Правду? Я получу тебя обратно?

Мой желудок ухнул вниз, когда я посмотрела на него. Он широко улыбался, но я не знала, шутит он или нет. Лучше перестраховаться.

— Да. На целых два дня. — Я снова опустила глаза на экран.

Но мой телефон дрожал.

Пока Ник делал крем из масла и сахара — может ли быть что-то на вкус лучше, чем масло и сахар, или это потому что он позволил мне облизать свой палец — я смешивала муку, разрыхлитель и тесто. Добавив яйца, он смешал полчашки какао с тем же количеством горячей воды, закатив глаза, когда я попыталась воспользоваться мерным стаканом. Затем он заставил меня добавлять ингредиенты, пока он держал миксер.

— Теперь ваниль, одну чайную ложку, пожалуйста, — сказал он, проверяя рецепт. — Далее смешай с какао. — Я добавила ингредиенты, и он рассмеялся. — Теперь здесь написано, что надо энергично взбить.

Я наклонила голову.

— А можно взбить как-то по-другому?

Когда тесто было готово, Ник погрузил лопатку в тесто и протянул ее мне.

— Хочешь попробовать?

Я обхватила лопатку ртом, и когда он начал вытаскивать ее, удержала ее своими зубами. Затем вытянула руку, чтобы забрать ее, и я слизала каждую каплю шоколадного удовольствия с синего резинового наконечника, всасывая его как фруктовый лед, проводя языком по каждому миллиметру поверхности.

Делая все это, глядя ему в глаза, и конечно же, постанывая.

— Ты убиваешь меня, — выражение его лица было трагичным.

— Ммм, как вкусно. Могу я попробовать еще немного, пожалуйста?

— Ты сможешь облизать всю гребную миску, если хочешь, но сначала позволь мне сделать торт.

Благодарно улыбнувшись, я запрыгнула на стол, в то время как он заполнил две формы для выпечки жидким тестом, засунул их в духовку и поставил таймер.

— Двадцать пять минут. — Схватив миску для смешивания, он поставил ее рядом со мной. — И я точно знаю, как проведу их.

Заглянув в миску, я была рада видеть, что там осталось много теста. Он взял лопатку, зачерпнул немного, и я подумала, что он накормит меня этим, но нет. Он размазал это по моему бедру.

И слизал.

М е д л е н н о.

От ощущения его теплого языка на моей ноге, мой желудок сжался, и я затаила дыхание.

Дальше он опустил черную кружевную лямку моей майки, полностью обнажая одну грудь, размазывая по ней тесто. Мой сосок уже был твердым, его покалывало, и когда губы Ника сомкнулись вокруг соска, всасывая шоколад, я ахнула и изогнула спину, а мои пальцы впились по краям стола. Он кружил языком по твердой горошинке, зажав ее между зубами и слегка прикусывая, прежде чем переместил рот к моей шее.

— Слезай, — тихо выдохнул он в мое ухо, обхватив одной рукой меня за талию.

Он опустил меня на пол, мои голые ступни приземлились между его. Наши рты раскрылись для долгого, страстного поцелуя, наполненного шоколадным вкусом. Одной рукой я обхватила его затылок, а другую опустила на ремень его джинсов, ощутив, что он уже твердый и толстый под моей рукой. Если до этого я не сомневалась, хотела ли я повторения, то сейчас была уверена абсолютно.

Он разорвал наш поцелуй.

— Развернись и раздвинь ноги.

Я повернулась и спустила свои шортики до лодыжек. Под ними на мне ничего не было. Наклонившись вперед, я обхватила столешницу, и, встав на цыпочки, раздвинула ноги шире. Ожидая ощутить его член между своих бедер, я была удивлена, когда почувствовала холодное тесто на своей горячей коже. Он размазал его по моей заднице и слизал, из-за чего я захихикала и застонала в восхитительной агонии. Также он размазал его между моих ног и опустил на колени, чтобы поглотить тесто, его пальцы, язык и рот дразнили и мучили меня и внутри, и снаружи.

Закрыв глаза, я двигалась ему навстречу, разрываясь между желанием кончить вот так и почувствовать, как он врывается в меня сзади.

Мое тело решило за меня, становясь все более разгоряченным и напряженным, когда я взлетала все выше.

— Ник, — ахнула я, падая вперед на локти, когда разноцветные пятна заплесали перед моими глазами. Он застонал, толкнув палец глубже, и я кончила так сильно, что ощущала это в каждой мышце — каждый сантиметр моего тела гудел от удовольствия. Мои ноги ослабли, и казалось, что он держал меня в вертикальном положении только своей рукой и языком.

— Боже, ты такая влажная. И я люблю твою задницу. — Его дыхание было горячим у меня между ног, и его пальцы скользили внутрь и обратно. — Я хочу трахнуть тебя вот так.

— Сделай это, — умоляла я.

Он поднялся на ноги, и я услышала чудесные звуки, как он расстегивает свой ремень и ширинку на джинсах. Затем он остановился.

— Черт, у меня нет...

— Мне все равно. Я на таблетках. Просто сделай это. — Я изогнула спину и посмотрела через плечо, надеясь, что мое тело выглядело соблазнительным. — Пожалуйста.

Он коснулся кончиком члена моей плоти, только слегка, чтобы помучить меня.

— Пожалуйста, что?

— Пожалуйста, трахни меня. — Я пыталась толкнуться на него, чтобы он вошел в меня глубже.

Но он удерживал меня на месте, положив руки мне на бедра, чтобы держать меня так, как было нужно ему.

— Мне нравится, как это звучит из твоего ротика, — сказал он, толкаясь глубже. — Не думаю, что прежде ты так говорила.

Я улыбнулась, выдыхая с облегчением, когда он толкнулся внутрь и вышел.

— Полагаю, что тогда я была слишком застенчивой, чтобы сказать тебе, чего я хочу. Или, может, я еще сама не знала.

— Так скажи мне сейчас.

Я оглянулась.

— Трахни меня, и не нежничай.

Он начал двигать мои бедра, его пальцы вонзились в мою плоть, когда он насаживал меня на свой член.

— Я всегда так боялся быть грубым с тобой, — сказал он, по его напряженному голосу было ясно, как он пытался удержать контроль. — Я не хотел причинить тебе боль.

— Ты не причинишь. — Но каждый раз, когда он попадал в то самое глубокое место внутри меня, я чувствовала резкую и небольшую боль, и раз или два этого было достаточно, чтобы я ахнула.

— Хорошо. Потому что с момента как увидел тебя сегодня, я думал только о том, чтобы трахнуть тебя именно так. — Он вытянул руку и сорвал резинку с моих волос, сгреб волосы в кулак и потянул мою голову на себя так сильно, что я закричала. — Скажи мне, если захочешь, чтобы я остановился, — сказал он сквозь стиснутые зубы, его бедра врезались в меня мощными толчками, из-за чего мои зубы стучали, — иначе не обещаю, что не разорву тебя на части.

— Я тоже хочу тебя, — удалось мне сказать между тяжелыми. короткими вдохами. — я хочу, чтобы ты разорвал меня на части. Я хочу, чтобы было больно.

И тогда он начал испускать проклятья, стонать и жестко трахать меня у кухонного стола так, что скорее всего на моей коже останутся синяки, — я была в шоке, когда осознала, что это правда — я хотела, чтобы он причинил мне боль. Помимо наслаждения жестким сексом, я хотела боли в его руках, чтобы ощущать острую боль глубоко в своем теле. Хотела, чтобы он повредил мое тело и заставив меня почувствовать себя не в безопасности, неуверенной, не любимой.

Этот способ был безопаснее.

Да, подумала я радостно, безумно, маниакально, когда он потянул мою голову назад. Да, когда он сильно сжал мою грудь, слишком жестко ущипнув сосок. Да, когда он отпустил мои волосы и обхватил мою шею, крепко сжимая. Да, когда мое удовольствие нарастало, и он застонал, толкая мои бедра, что они больно ударялись о гранитную поверхность, когда его рука обхватывала мое горло.

Но когда его дыхание выровнялось, он отпустил свою хватку на мне. Коснувшись своими руками моих, он поцеловал мою спину между лопатками и прижался лбом.

— Коко.

Я была разгоряченная и потная, руки были покрыты мурашками. Его голос был слишком мягким, слишком нежным. Если прямо сейчас он скажет, что любит меня, я, черт побери, убью его.

— Да?

— Мне нужно сказать тебе кое-что.

О, боже. Нет. Пожалуйста.

— Подожди, Ник. Нет.

— Что нет?

— Не говори ничего... о чем потом пожалеешь. Эти выходные будут наполнены весельем, но это просто выходные, помнишь? Я не хочу, чтобы мы увлеклись, и подумали, что это значит что-то большее. Я просто не хочу усложнять вещи, сказав что-то слишком серьезное.

Ник поднял голову.

— Иисус, Коко. Я просто хотела сказать, что мой член чертовски счастлив сейчас. Это настолько серьезно для тебя?

Моя челюсть отвисла, и я еще больше покраснела. Я только что сделала из себя посмешище.

Ник рассмеялся, когда выскользнул из меня и застегнул свои штаны.

— Я принесу тебе полотенце, хорошо? Подожди. — Усмехнувшись, он открыл ящик, вытащил полотенце для рук и намочил его в раковине.

Натянув лямку на плечо, я выпрямилась и повернулась, в надежде, что мой цвет лица был хотя бы на тон бледнее, чем красный. Ник встал на колени передо мной, проводя

полотенцем по внутренней стороне моей ноги.

— Нет, я могу сделать это сама. — Я взяла у него полотенце. — Пожалуйста, позволь мне.

— Ты уверена? — он поднял голову. — Я не возражаю.

— Я уверена. И я... — я вздохнула, на мгновение сжимая свои глаза. — Правда прости, что начала поучать тебя сейчас. Я думала, ты... не имеет значения. — Покачав головой, я быстро провела полотенцем по другой ноге, натянула свои пижамные шорты и направилась в ванную комнату. — Сейчас вернусь.

Внутри я использовала полотенце, чтобы привести себя в порядок, качая головой. Какой глупой я была? И какой самодовольной? Решив, что из-за нескольких случайных трахов он снова влюблен в меня. Он не был влюблен — он просто хорошо проводил время, как и всегда. И честно говоря, я тоже. Так много времени прошло с тех пор, как у меня был секс, особенно хороший и жесткий как этот. Когда мы с Ником были вместе, мы много занимались сексом, но сейчас я знала себя и свое тело гораздо лучше. У меня были сексуальные предпочтения, которые я бы никогда не смогла озвучить тогда, либо потому что не понимала их, либо была слишком застенчива.

Мое тело невольно задрожало, когда я вспомнила реакцию Ника на мою просьбу. Чертовски идеально. Не каждый парень любит грубый секс — я пробовала несколько раз. Один парень был настоящим эгоистом, и в конечном счете я чувствовала себя каким-то тренажером, работающим с повышенной нагрузкой, и на который капает чей-то пот. Другой парень с Эдиповым комплексом, вообще не понял, что я имела в виду.

— *Ты хочешь, чтобы я ударил тебя? Не думаю, что смогу сделать это. У меня есть кое-какая детская травма.*

Еще был другой, который побежал к своему шкафу и вернулся с поводком и ошейником, спросив, может ли взять меня на прогулку вокруг своего дома на четвереньках, прежде чем он трахнет меня. И смогу ли я полаять?

— *Эм... нет, никаких осуждений, но спасибо, нет.*

После того как сполоснула полотенце, я натянула обратно свои шорты, помыла руки и открыла дверь и услышала звук таймера на духовке. Божественный запах шоколадного торта проник в мои легкие — шоколадного торта и секса.

Неплохая комбинация для пятничного вечера.

— Ты закончил? — спросила я, когда дошла до кухни. Ранее я видела стиральную машинку и сушилку в кладовой, и поэтому скользнула туда и положила полотенце на стиральную машинку.

— Думаю, да. — Ник поставил противень на стол. — Теперь мы оставим их остывать. Сыграем в Скрэббл, пока ждем?

— Звучит как план.

Ник налил нам еще виски, вытащил Скрэббл из верхней части шкафа и переставил торты на решетку для охлаждения выпечки, прежде чем сел рядом со мной за столом.

Я открыла коробку.

— Сейчас никакого обмана, Лупо. Я буду не сводить с тебя глаз.

— Я бы хотел, чтобы ты не сводила задницы с меня. Хочешь посидеть у меня на коленях?

— Заманчиво, но нет. Ты остаешься на своем стуле, а я на своем.

Мы сыграли одну игру, выпили слишком много виски и так сильно смеялись, что у меня

заболел бок.

В какой-то момент, Ник пытался выдать «шпили-вили» за слово, но я сказала, что это не так.

— Да, это слово, — настаивал он. — Я могу использовать его в предложении. — Шпили-вили на кухне сегодня было восхитительным.

— Это все еще не слово.

— Ты знаешь, что я имел в виду?

— Да, но...

— У него есть определение, значит это слово! — Он пересадил меня со стула на свои колени. — Или, возможно, тебе нужна демонстрация этого слова. — Он скользнул рукой в мои шорты.

— Ник, ладно. Уже? Я думала, тебе нужно покрыть глазурию торты. — Но его пальцы уже делали свое волшебство, из-за чего я шире раздвинула колени, и мой позвоночник прижался к его груди.

Мы так и не покрыли глазурию торты этой ночью. И не закончили игру. И не опустошили бокалы. Вместо этого Ник решил доказать мне, насколько кресло-мешок лучше, чем диван.

И после двух часов «шпили-вили» на нем, мне пришлось согласиться.

В конечном итоге мы сделали это на лестнице, хотя мышцы моих ног были настолько утомлены, что я отчаянно желала держаться за перила. Мы рухнули на кровать, оба на свои животы.

— Это безумие, — сказала я. — У меня не было столько секса за один день с ... — дня нашей свадьбы. — Со времен колледжа.

Нас рассмеялся.

— У меня тоже.

— Прекрати, правда?

— Правда. Но мне это нравится. Может, нам стоит пожениться.

— Ха-ха, очень смешно. — И при этом совсем не смешно. Я начала вставать с кровати, но он потянул меня обратно.

— Расслабься, Коко. Я шучу.

— Я знаю, — солгала я. — Я пойду почищу зубы.

— Ох. Да, полагаю, мне нужно пойти убрать торты. Надеюсь, что они не высохнут до завтра.

— Если это так, то мы начнем сначала. — Я взъерошила его волосы, и он отпустил меня. — Мне нравится печь с тобой.

#

Я почистила зубы, выключила свет и забралась под одеяло, едва в состоянии держать глаза открытыми. Было где-то час ночи, я встала в шесть, а я ни в какой мере не была совой.

— Ты пахнешь как мятное мороженое с шоколадной стружкой, — сказала я ему сонно. Я открыла глаза и увидела, что он повернулся набок, лицом ко мне, с одной рукой под головой.

— Все еще твой любимый вкус?

— Да.

— Красный все еще твой любимый цвет?

— Да.

— Осень все еще твое любимое время года?

Я улыбнулась.

— Ты правда помнишь много фактов обо мне.

— Как я и говорил.

Мы лежали в темноте, замолчав на мгновение. Я задумалась, обнимет ли он меня, или что он скажет, если я закину на него ногу. Это не должно ничего значить, я просто чувствую близость к нему и мне нравится, что сегодня он спит рядом со мной. С ним как-то спокойно. Как забытая колыбельная, которую ты слышишь много лет спустя, мелодия, которая возвращает тебя в то время, когда ты чувствовал себя любимым и защищенным.

Он переместил свою подушку чуть ближе ко мне.

— Так мило.

— Ммхххм. — Мои глаза начали закрываться.

— Бедняжка. Ты устала.

— Ммххмм, — я уже почти заснула, когда ощутила, как его рука убирает волосы с моего лица. Секунду спустя его губы нежно коснулись моих.

— Спокойной ночи, Коко.

— Спокойной ночи.

Он продолжал поглаживать мои волосы, и мгновение спустя снова заговорил:

— Ты думала о том, как бы все вышло, если бы я не сбежал из Вегаса?

— Нет. — Я так устала, что ответила ему честно. У меня не было энергии выдумывать ложь. — Я не позволяла себе.

— Почему нет?

— Не было смысла, — пробормотала я сонно. — И от этого мне становилось грустно.

— Мне тоже, — выдохнул он, его рука все еще медленно двигалась по моим волосам. — Хотя я думал об этом все время.

12 глава

Я медленно просыпалась, чувствуя удовлетворение и счастье, хотя у меня и заняло некоторое время, чтобы понять почему. Когда я открыла глаза, в комнате было светло, но не слишком ярко, кровать была незнакомой, но не казалась чужой.

Ох, верно. Это кровать Ника.

Улыбнувшись и потянувшись, я повернулась, ожидая увидеть его спящим рядом со мной, но его здесь не оказалось. Мое лицо сникло, а сердце опустилось. Это своего рода раздражало, какой подавленной я была из-за того, что его не было рядом. Ты должна радоваться, что он не здесь... спонтанный секс на кухне — это одно, но секс в кровати, в его кровати — может быть слишком личным.

Его сторона кровати была пустой, как будто он укутал меня в одеяло, чтобы мне было тепло; я вытянула ногу на его сторону — простыни были холодными. Он проснулся уже довольно давно.

У Ника не было часов наверху, а я оставила свой телефон внизу, поэтому понятия не имела, сколько сейчас времени. Но судя по свету, который просачивался через огромные окна на первом этаже, уже утро.

Я воспользовалась уборной и спустилась вниз, странно нервничая, когда завернула за угол на кухню. Прошлая ночь была безумной, но я не сожалела ни о чем. А он? Нужно ли мне готовиться к тому, что он будет жаловаться? Или смеяться? Или вдруг это будет неловко, — что если он извинится?

Три слова засели в моей голове.

Это была ошибка.

Я вошла на кухню на трясущихся ногах.

— Доброе утро, кексик, — Ник подошел ко мне с электрическим миксером в руке и поцеловал в голову. Он был босой, в джинсах и простой белой футболке. Его волосы были чистые и влажные. — Рад, что ты встала. Мне нужно закончить делать глазурь, и я не хотел мешать тебе шумом. Вон там кофе. Чашки в шкафчике выше.

— Ладно, спасибо. — Я улыбнулась ему, радуясь, что между нами не было никаких странностей. Даже наоборот... все было легко и естественно... разве это не было еще более странно? Зажав нижнюю губу между зубами, я налила себе чашку кофе и посмотрела на часы на духовке. Почти восемь. — Я удивлена, что ты встал так рано.

— Я? Я всегда вставал рано. Я должен был оказаться на работе в пять утра.

Я отпила свой кофе, когда он подключил миксер рядом с плитой.

— Верно. Я забыла о твоей работе повара в буфете.

— Это было не очень гламурно. Но мне нужно было платить за колледж. Не все из нас могли послать счета домой папе и маме.

Напрягшись, я раздумывала над тем, чтобы сказать какую-нибудь остроту в свою защиту, но решила промолчать. Вместо этого я поднесла чашку с кофе к губам, решив вести себя по-взрослому. Я похлопала его по лопатке.

— Выглядит аппетитно, дорогой. — Миксер зажужжал, и я украдкой посмотрела на белую смесь, которую он взбивал в какой-то двухслойной кастрюле.

— Что это за штука?

— Это пароварка. Нужно смешивать глазурь над паром.

— Иисус, чтобы приготовить этот торт нужно потрудиться.

— Да. Но он того стоит.

— С хорошими вещами всегда так, — поставив кружку на островок, я подняла телефон и заметила сообщение от своего агента по недвижимости. — Ох, мы можем посмотреть дом в 10:45, — сказала я ему, повысив голос, чтобы было слышно поверх шума миксера.

— Идеально. У меня будет время покрыть торт глазурью и приготовить тебе завтрак, прежде чем уедем. Все еще любишь яйца с беконом?

— Я люблю бекон и с ним что угодно. Но не готовь много. Нам, наверное, стоит поспешить, и мне все еще нужно принять душ.

— Мне тоже.

— Правда? Выглядит так, будто ты его уже принимал. Ладно, как насчет того, что я приму душ, ты закончишь глазурь, а затем ты сможешь помыться, и мы просто перехватим рогалики по пути к дому?

— У меня есть идея получше. Я закончу с глазурью, приготовлю завтрак. Мы примем душ вместе, сэкономив время и сохранив воду, и я покрою торт глазурью, пока ты будешь сушить волосы. — Он ухмыльнулся мне через плечо. — Как это звучит?

Я рассмеялась, мой желудок сделал сальто от идеи принять душ вместе. Отличный план.

— Находчиво и в то же время с заботой об экологии. Очень впечатляет.

Он кивнул, снижая температуру над кастрюлей.

— Детка, я гребаный пример для подражания в эффективности распределения времени.

#

Несмотря на то количества секса, который был у нас прошлой ночью, я все еще не видела Ника полностью голым, я это осознала, когда стояла и смотрела на него через стеклянную дверь душа. От его вида с мокрыми волосами, закрытыми глазами, и водой, стекающей по его длинному худому телу, по всем татуировкам, по его накачанным, круглым мышцам, что я почти встала на колени. Мгновенно я немного засмушалась своих мягких изгибов, особенно после того, сколько всего только что съела. Боже, зачем я съела последний кусочек бекона? Я уже наелась, но он лежал на сковороде такой одинокий, хрустящий и аппетитный. Я не могла отказать себе.

Девять дней из десяти я была полностью довольна своим телом — я была здорова и хорошая сложена, и чувствовала себя красивой в своей собственной коже. Но в десятый день у меня были приступы самокритики, как у всех женщин, независимо от их телосложения. Даже Миа, которая никогда не страдала от лишнего веса, не любила некоторые части своего тела.

— Что ты делаешь? — Ник отодвинул стеклянную дверь. — Иди сюда.

Взволнованная из-за того, что была поймана за разглядыванием, я сцепила руки перед своим животом.

— Я переживаю.

Он посмотрел на меня недоверчиво.

— Из-за чего?

— Из-за своего тела.

— Ради всего святого, Коко. Ты не можешь сейчас говорить серьезно. У тебя самое сногшибательное тело, которое я когда-либо видел.

— Но ты был рядом с голливудскими моделями. Эти девушки такие стройные и...

— Фальшивые. Большинство из них фальшивки, а я люблю настоящих. — Он протянул руку и затянул меня в душ. — Теперь иди сюда. — Он переместился так, что я встала прямо под потоком горячей воды, и намочила волосы. Пока мои глаза были закрыты, а руки были на голове, он опустил свой рот на мою грудь и обхватил другую рукой. — Я не могу поверить, — сказал он между поцелуями, отчего мои соски превратились в твердые камушки, — что я предпочту чье-либо тело твоему. — Он обхватил обе груди руками, всасывая твердую горошинку одного из сосков, и затем другую, в то время как я томно потянулась, вытягиваясь выше, чувствуя себя гибкой и желанной...

Он выпрямился, покрывая поцелуями мою шею, и затем накрыл мой рот своим. Когда его мокрое тело прижалось ко мне, я почувствовала его твердый член между нами. Обхватив его рукой, я медленно заскользила по нему пальцами. Он опустил руки по моим бокам, затем одну руку положил мне на задницу, а другой потянулся мне между ног. Я застонала, когда он медленно и влажно начал растирать мой клитор, встала на цыпочки и крепче сжала его член.

— Боже, так хорошо, — сказала я. — Но я думала, что здесь мы должны стать чистыми, а не грязными.

— Мммм. Сначала одно. Потом другое. — Он скользнул пальцем в меня. — Сначала

грязными.

Я схватила другую его руку и поднесла к своему рту, облизывая его пальцы и медленно вытаскивая их.

— Но сейчас мой черед. — Я поцеловала его ключицу, прежде чем начала осыпать поцелуями грудь, его татуировки и мышцы, коснулась губами его живота и дорожки волос под его пупком, затем поцеловав выступы его тазовых костей. Опустившись на колени, я скользнула языком вдоль V-образной линии нижней части его живота, и мое сердце быстро и гулко забилося в груди.

— О боже мой. — Голос Ника был хриплым и низким. Я улыбнулась, а он убрал мокрые пряди волос с моего лица. Он выглядел так хорошо, стоя надо мной: с его тела капала вода, глаза были голодные, и он тяжело дышал. — Ты так чертовски красива.

— Ты просто любишь, когда я стою на коленях. — Я смутно помнила неловкие минеты, которые я делала Нику в колледже, но обычно они были очень быстрыми (Ник говорил, это была его вина, не моя) и я всегда была немного неуверенной. Боялась задеть его зубами или задохнуться самой, делая что-то неправильно. И не то чтобы сейчас я считала себя экспертом, но я узнала кое-что за последние несколько лет, и была готова продемонстрировать свой прогресс.

— Я люблю тебя в любом положении. Но это... О черт. — Он уперся рукой в стену, когда я подразнила его член своим языком, и он дернулся передо мной. Я провела рукой по задней части его ног, по его мускулистым икрам и упругим бедрам. Я сжала его задницу, прежде чем провела ногтями по его бедрам и взяла его твердую плоть в обе руки.

— Чеерт. — Ник снова тихо выругался, когда я провела языком по кончику, затем облизала по бокам. Тихо замурчав, я облизала всю его длину, затем снова провела языком от испещрённого венами основания до его бархатистой головки, и улыбнулась, когда его член дернулся, как будто мечтал быстрее оказаться в моем рту. — Коко, — умолял он.

Да, умоляй меня.

Я обхватила несколько сантиметров своими губами, продолжая кружить языком по его кончику, прежде чем нежно всосала.

— Да. Иисус. — Ник обхватил мою голову другой рукой, когда я всосала его сильнее. — Ты чертовски изумительна.

Я аккуратно вытащила его член из своего рта и усмехнулась.

— Я только начала.

— О боже мой, — он застонал, когда я вобрала его глубже, во всю длину, до задней стенки своего горла. Оставаясь в таком положении, я использовала свои руки. Я решительно и ритмично проводила по члену руками, когда он стучал рукой по стене душа, а его стоны эхом отдавались в комнате.

Я подняла голову, и его глаза стали еще темнее, когда он увидел, как я потираю губами кончик его члена, а затем снова погружаю его глубже в свое горло.

— Мне нравится, когда ты держишь мою голову, — сказала я тихо.

Он запустил обе руки в мои мокрые волосы, и я еще раз вобрала его член до задней стенки горла, обхватывая его длину своими губами и языком, жадно всасывая. Сначала он просто ровно держал мою голову, но когда я снова и снова брала его глубже, он начал тянуть меня за волосы жестче, вдавливаясь в мой рот и оттягивая мою голову от своего тела.

Я застонала в знак того, что мне нравится это, и он снова и снова матерился себе под нос, выпаливая слова между неровными вдохами. Его член стал еще тверже в моем рту, и я

ощутила соленую влажность. Он был близко, но у меня еще было несколько приемчиков.

Я вытянула руку ему между ног, исследуя, дразня, смело поглаживая и скользя пальцами везде, где он позволял мне. Ник стонал еще громче, сжимая мои волосы в кулаках. Его ноги дрожали.

— Черт, Коко. Я сейчас кончу... поэтому если ты... когда ты... черт!

Я обхватила его за задницу с другой стороны, давая ему знать, что не хочу, чтобы он вытаскивал член из моего рта, как мы привыкли делать в колледже. Тогда он предупреждал меня, и я заканчивала, поглаживая его руками, позволяя ему кончить на мою грудь, живот или ноги, и хоть я бы и хотела снова посмотреть, как он делает это, в память о старых временах, на этот раз я хотела, чтобы он кончил мне в рот, так же как я кончала в его.

После финального толчка Ник перестал двигать бедрами и напрягся, но я продолжала губами и языком скользить по нему, убрав руку с его задницы и обхватив его член, сильнее притягивая его к своему рту. Теплая жидкость устремилась к задней части моего горла. Я ждала, пока он ослабит хватку в моих волосах, прежде чем расслабила свои губы вокруг его члена и сглотнула. *Вот. Видишь, что ты упустил, оставив меня?*

Мысль пришла из ниоткуда, удивив меня холодным чувством обиды. Она была на задворках моего разума все время? Возможность заставить его сожалеть еще больше, чем он уже сожалел.

Прекрати анализировать, Коко. Это был минет, а не великий американский роман. Ты наслаждалась этим, он наслаждался этим. Конец истории.

Ник поднял мое лицо за подбородок.

— Ты не можешь уйти. Я никогда не выпущу тебя из своего душа.

Я рассмеялась, и он помог мне подняться на ноги.

— Ты должен. В действительности, нам лучше поторопиться, или мы пропустим назначенное время на осмотр дома. Это одноразовая сделка, помнишь?

Он застонал.

— Ты имеешь в виду, что я больше никогда не испытаю эту нирвану снова? Ты мегера. Я хочу пересмотреть правила.

Я покачала головой.

— Эм, нет, ни за что. Нам позволено веселиться в эти выходные, но это все. Есть какой-нибудь шампунь?

— Подожди минуту. — Он поймал меня за талию, когда я пыталась вытянуть руку к полочке, где стояли средства для волос. — Ты не позволишь мне ответную услугу? Как сделал бы хороший друг?

— Ты можешь помыть мою голову. Как тебе это?

Выражение его лица померкло.

— Конечно, это не облизывание твоей киски, но думаю, это еще впереди. Пока что. — Послав мне взгляд, в котором читалось, что позже будет продолжение, он понял бутылочку шампуня. — Ладно. Повернись.

Мне нравилось, когда мне мыли голову. Иногда я записывалась в салон только для гипнотизирующего, приятного ощущения, когда кто-то массировал кожу моей головы, втирал мыльную пену в мои волосы, промывал теплой водой, а затем освежал. Я была почти влюблена в помощника стилиста только за то, какие ощущения он дарил мне, когда мыл мою голову. Когда от ощущения пальцев Ника на моей голове у меня появились мурашки, я закрыла глаза и мягко застонала.

Позади меня Ник рассмеялся.

— Хорошо?

— Да, я сейчас на седьмом небе.

— Я тоже. Ладно, смываем. — Я повернулась, промыла волосы, и когда открыла глаза,

Ник уже держал кондиционер.

— Ничего себе, полный сервис.

Он изогнул бровь.

— Ты хочешь полный сервис? Потому что я дам тебе полный сервис.

Я закатила глаза.

— Ник, сосредоточься.

Но когда он начал намазывать мое тело гелем для душа с ароматом трав и свежести, тот запах, что был на его коже прошлой ночью, мое тело отреагировало на переизбыток ощущений. Это было чересчур: голый Ник, его руки на мне, запах лета и секса, вода, стекающая по нашим телам, вкус его поцелуев, поглаживание его языка на моем... Прежде чем я осознала, я уже сидела на выступе, мои колени были расставлены, язык Ника дразнил мой клитор, а его пальцы щипали мои тугие соски.

— О боже мой! — я прислонилась спиной к плитке. — Так хорошо — ты настолько хорош — ты испортишь меня.

— Я просто пытаюсь убедить тебя никогда не покидать мой душ. И моя стратегия предполагает оргазм. — Ник осыпал нежными поцелуями внутреннюю часть моих бедер и мягкое влажное тепло моего лона, прежде чем обхватил набухший бутон своим ртом. Сначала всасывал нежно, затем жестче, из-за чего мои пальцы на ногах и руках подворачивались в блаженстве.

— Ты проделываешь... хорошую работу... Черт... Да! — я откинула голову назад, когда оргазм расцвел в моем лоне и устремился по всему моему телу. Когда мое дыхание замедлилось, руки Ника скользнули к моей талии, и он поцеловал мое колено.

— Так это «да»? Ты будешь пленницей моего душа?

— О боже мой. — Вздохнув, я провела рукой по его волосам. — Очень заманчиво, но я буду скучать по твоей готовке.

Он кивнул.

— Я тоже буду скучать по еде. Ладно, как насчет того чтобы просто остаться в моей квартире на все время? — помогая мне подняться на ноги, он выключил воду, прежде чем открыл дверь и потянулся к стопке огромных, пушистых полотенец на раковине.

Я притворилась, что раздумываю, когда он протянул мне первое полотенце и потянулся за вторым.

— Я так не думаю. Через две недели я должна ехать на свадьбу. Миа будет в бешенстве, если я пропущу ее, выбрав секс.

— Хмм. Это проблема. — Он вытерся, вышел из душа и обернул полотенце вокруг своих бедер. Черт, это горячо — почему это было так горячо? Это из-за того, как полотенце обтягивало его задницу? Из-за того что спереди я могла видеть вверх V-образной линии? Из-за голой груди и рук? В чем бы ни была причина, я почти дрогнула в своей решимости не рассматривать вопрос о предоставлении ему второго шанса.

Почти.

— Извини, малыш. Ты попросил два дня. Я даю тебе два дня. — Ступая на коврик, я вытерла руки и ноги, прежде чем обернула полотенце вокруг себя. — Я сказала, что никаких

разговоров о прошлом и будущем, и я именно это и имела в виду.

— Еще ты говорила, что никакого секса. — Ник многозначительно посмотрел на меня в зеркале.

Я пыталась придумать ответ, который бы оправдал меня за нарушения моих собственных правил.

— Я знаю, но... секс — это другое.

— Насколько другое?

Я прикусила губу. Как я могла объяснить, что заниматься сексом было в какой-то степени проще, чем разговаривать? Что предлагать себя эмоционально — это идти на больший риск, нежели предлагать физически? Что вся эта договоренность становится проблематичной, потому что, чем веселее нам вместе, тем больше у меня соблазна простить его и попытаться снова? Но я не могла сказать, была ли это просто игра со всеми приятными жестами и «останься со мной» предложениями. Последний раз, когда я доверилась ему, он разрушил меня.

Мой тон был резче, чем я намеревалась:

— Просто другое. Уверена, что сейчас ты привык получать то, что хочешь от людей, но я не могу предложить тебе больше, чем это. Другого выбора нет.

Я начала выходить из ванной, когда он схватил меня за руку.

— Эй. Не злись. Я понимаю и принимаю это, хорошо? — Затем этот придурок поднес мою руку к своим губам и поцеловал тыльную сторону. — Я понимаю.

13 глава

Мы одевались в тишине. Я выбрала один из своих сарафанов: серый хлопковый, с длинной юбкой и на лямках, а Ник надел джинсы и красную футболку. Пока он украшал глазурью торт, я собрала волосы в конский хвост, так как хотела поехать на своем кабриолете. Я наложила легкий макияж и упаковала все вещи в чемодан. Опустившись на кровать, чтобы застегнуть свои красные сандалии, я огляделась вокруг, задаваясь вопросом, был ли это последний раз, когда я вижу эту комнату. Скорее всего так и будет, если я не пересмотрю свою позицию, что я не была готова сделать. Проведя рукой по покрывалу, я задумалась, какая девушка следующей будет спать на этой кровати. Эта мысль была как удар в живот.

На мгновение я почувствовала тошноту, пока не напомнила себе, что меньше чем через час я войду в дверь дома своей мечты, поэтому мне не нужно грустить, из-за того что я больше не окажусь в этой спальне. Скоро у меня будет больше комнат, чем мне нужно, и каждой из них будет нужно мое время и внимание. У меня не будет времени хандрить о Нике, его спальне и о том, кто будет спать с рядом ним.

Дом, дом, дом.

Я буду думать о нем. Я буду думать о нем.

Спустившись по ступенькам, я решила быть в приподнятом настроении. Я пересекла комнату, оставила свой чемодан у двери и улыбнулась Нику, который складывал покрытый белой глазурью торт в небольшой переносной холодильник.

— Выглядит хорошо.

— Спасибо. Надеюсь, мы нормально его доведем. — Он защелкнул крышку и посмотрел

на меня. — Прекрасно выглядишь.

— Спасибо. Готов ехать?

— Да. Сейчас брошу пару вещей в сумку и поедем.

Пока он был наверху, я убрала «Скрэббл», сполоснула посуду после завтрака и из-под глазури, и сложила посуду в посудомойку. Я как раз поворачивалась, когда он спустился вниз, держа небольшую сумку в руке.

Он взял холодильник с кухонного островка, засунув его подмышку.

— Ты не должна была делать это.

— Мне не сложно. По крайней мере, я могу сделать это, так как ты готовил завтрак для меня.

Он выключил свет и вытащил ключи из кармана.

— Для меня это было удовольствие — видеть тебя на моей кухне. Мне нравится, какая домашняя ты сейчас. Поехали?

Я кивнула, быстро подошла и схватила свой чемодан, поклявшись не оглядываться на квартиру Ника, когда дверь захлопнулась позади меня.

— Эй, так весело отправляться в подобную поездку, — сказал Ник, шагая за мной по коридору. — Как будто мы молодожены или что-то подобное.

Я стрельнула в него убийственным взглядом через плечо, желая, чтобы он не выглядел так сексуально в этих очках-авиаторах.

— Могу я понести твой чемодан, милая?

— Нет. Справлюсь сама. — Глядя вперед, я шла к лифту.

Пожилая женщина вошла в лифт на десятом этаже и улыбнулась нам.

— Какая вы красивая пара.

— Спасибо, — сказал Ник в тот же самый момент, когда я сказала:

— Мы не пара.

Мы сердито посмотрели друг на друга, а женщина молчала всю дорогу вниз.

#

— Я подумала, что будет весело взять мою машину, — сказала я, когда мы вошли в гараж.

— Зачем?

— Ну, это кабриолет, разве ты не думаешь, что будет весело?

Он посмотрел на меня.

— Почему в моем грузовике не будет весело?

— Что? — взвизгнула я. — Я имею в виду.. ты все еще водишь тот грузовик? — я пыталась не звучать раздраженной из-за этого. Ведь существовало множество милых грузовиков.

— Ты ведь помнишь. Мой грузовик. Он еще сослужит мне хорошую службу.

Я слегка споткнулась.

— Ты все еще водишь тот же самый грузовик?

— Он недостаточно хорош для тебя? — он проверял меня. — Ты всегда ненавидела его, да?

— Я не ненавидела его, просто... — я тяжело вздохнула. — Все в порядке. Грузовик подойдет.

— Хорошо.

Я следовала за ним через ряд автомобилей, оглядываясь в поисках грузовика, но не видела его. Я уже собиралась спросить, где он, когда Ник подошел к машине, накрытой огромной бежевой тканью.

— Что там? — Не может быть, чтобы его старый пикап был под этим брезентом.

Ник опустил свою сумку, поставив рядом с ней переносной холодильник. Затем он начал срывать брезент, демонстрируя красный, блестящий старинный автомобиль.

Я ахнула.

— Это твоя машина?

Ник рассмеялся.

— Я не езжу на ней каждый день, но подумал, что будет весело поехать на ней к Нони. Тебе нравится?

— Да! — Я провела рукой по округлому боку, восхищаясь белыми шинами.

— Она прекрасна! Что это за марка?

Ник открыл багажник.

— «Меркури Монтерей» 1954 года.

— У нее тоже откидной верх? — я провела пальцами по крыше.

— Да. — Он положил брезент в багажник и потянулся за моим чемоданом. — Она достаточно красива для тебя?

Я передала чемодан и шлепнула его по руке.

— Ты сказал мне, что у тебя все еще есть твой грузовик!

Он ухмыльнулся, кинул свою сумку в багажник и закрыл его.

— И ты поверила мне.

— Ну, боже мой, ты обожал эту глупую машину. Ты на самом деле избавился от нее?

— К сожалению, да. — Ник обошел и открыл для меня пассажирскую дверь, прежде чем расположил холодильник на полу под задним сиденьем. Я скользнула на кожаное сидение, удивляясь, насколько здесь было просторно, какой здесь большой руль, и как все блестело.

Я чувствовала себя ребенком, который впервые катается на колесе обозрения — мои внутренности подпрыгивали от возбуждения. Ник залез в машину, завел двигатель и отцепил рычаг, который соединял верх с лобовым стеклом на его стороне.

— А теперь здесь, — и проделал то же самое на моей стороне.

Ник опустил верх, который сложился на заднем сидении, как и на моей машине, и вышел, чтобы закрепить навес. Через несколько минут мы были в пути.

Мне было сложно сдержать улыбку, когда мы ехали под утренним июльским солнцем. Я наклонила голову и слушала радио, работающее с помехами, и громкий гул двигателя, когда мы ехали по направлению в Индиан Вилладж, находясь в восторге от всех взглядов, которые мы получали от людей на улице или в других машинах. Кто-то махал нам, кто-то просто улыбался, и было легко увидеть, что вид красивой отреставрированной машины, мчащейся по дороге, делал людей счастливее.

Я тоже была счастлива.

Примерно через пятнадцать минут мы повернули на Ирокез-стрит, и нервозность смешалась с моим возбуждением. Я переплела пальцы, поглядывая на Ника. Что если он решит, что я сошла с ума? Что, если его реакция будет такой же, как и у моих родителей? А вдруг он скажет мне, что ни при каком раскладе, такая девушка как я, не должна покупать

такой большой старый дом, который требует так много работы? Может, я не должна была привозить его сюда.

Мгновенно мне стало противно: почему меня так сильно заботит, о чем он подумает?

— Это он? — спросил он, когда мы приблизились. — Тот с вывеской?

— Да. — Черная ауди моего агента была припаркована на улице. — Ты можешь встать на подъездную дорожку. Никто здесь не живет.

Ник заехал на подъездную дорожку, и мы вышли. Линда, мой агент, направилась к нам. Она была высокой и стройной, с темной кожей и большими карими глазами, всегда одетая в безупречные костюмы и соответствующие туфли на каблуках.

— Коко, — она предложила мне свою руку. — Доброе утро.

— Доброе утро, Линда. Этой мой друг — Ник Лупо. — Она тоже взяла его руку задумчиво склонив голову.

— Вы Ник из «Бургер бара»?

Он кивнул.

— Я обожаю это место! — она с энтузиазмом потрясла головой. — Это так волнующе. — Ее глаза переместились от Ника ко мне и снова назад. — И откуда вы знаете Коко?

Мы с Ником обменялись взглядами.

— С колледжа, — сказала я. — Мы встречались в Мичигане. Мы можем зайти внутрь?

Линда открыла замок на задней двери, но настаивала, чтобы мы прошли через переднюю.

— Я встречу вас там. Это гораздо впечатляющий вход. — Я была рада, так как задняя дверь вела в кухню, которая была в самом плохом состоянии.

— В каком году был построен этот дом? — спросил Ник, когда мы подошли к входной двери. Он наклонил голову в сторону, чтобы осмотреть отслаивающуюся серо-белую краску на черепице и осыпающуюся белую отделку. Я надеялась, что он видел возможности, а не только недостатки.

— В девятнадцатом или двадцатом. Линда упоминала, что, возможно, его архитектором был Альберт Кан. Здесь также есть красивый двор. Про этот дом говорили в Home & Garden Tour несколько лет назад, — прошептала я, нервничая.

Но когда Линда открыла переднюю дверь, Ник взял меня за руку и сжал ее слегка на мгновение, прежде чем направился внутрь.

— Он красивый. Я очень хочу посмотреть его внутри.

Это прозвучит безумно, но, входя в дом вместе с Ником, я вспомнила тот раз в колледже, когда я делала тест на беременность. Мы обнаружили, что в одну из ночей порвался презерватив, и через две недели у меня была задержка. После того как я пописала на палочку и положила ее перед собой, мы с Ником пялились на глупую вещь самую долгую минуту в нашей жизни, пока он нежно гладил меня рукой по спине. Я вспомнила, как я продолжала смотреть на него, пытаюсь понять, о чем он думает. Он сказал, что вне зависимости от результата, у нас все будет хорошо, но я хотела знать, что он чувствовал. Был ли он напуган? Злился ли на себя? Думал ли, что это разрушит наши жизни? Так же как и тогда, его выражение лица сегодня ничего не говорило, и он двигался по комнатам в раздражающе спокойной манере.

(Тест был отрицательным, хотя Ник позже признался, что нервничал, но не хотел, чтобы я знала. Когда я спросила, думал ли он, что мы были близки к разрушению наших жизней, он странно посмотрел на меня и сказал: «Конечно, нет», однако после этого я

заметила, что он стал покупать презервативы другого производителя).

Но несмотря на беспокойство, ко мне вернулось то чувство, что было у меня, когда я впервые вошла в дом. На самом деле оно было даже сильнее. Я действительно видела себя здесь... как я клею новые обои в столовой, крашу стены в главной спальне, срываю линолеум на кухне.

И я также видела Ника.

Как он убирает старые кухонные шкафчики, укладывает новую плитку, советует мне, куда поставить раковину, холодильник, плитку. Но я представляла его не только на кухне — я видела, как он выстилает патио кирпичами на заднем дворе, несет тяжелую мебель наверх, открывает пиво и вытирает пот со лба верхней частью своего запястья.

Ловит меня за талию на лестнице.

Усаживает меня на столешницу в кладовой.

Поднимается по моему телу, пока мои руки запутываются в его волосах, на огромной кровати, пока лунный свет просачивается через окно.

Я видела это так ярко, что появилось ощущение, будто из меня выбили весь дух, я резко остановилась в дверях спальни, не в состоянии двигаться.

— Все хорошо, Коко? — Ник положил свою руку на мое плечо.

— Что? Я в порядке.

— Ох, ну ты замерла на месте, а я бы хотел увидеть главную спальню.

— Точно. Извини, — я сделала шаг в сторону, чтобы он мог войти в спальню, взволнованная и с красным лицом.

И возбуждением в трусиках.

Когда мы зашли в каждую комнату, заглянули в промозглый подвал и полюбовались обширным задним двором, заросшим виноградом и огромной плакучей ивой, я поблагодарила Линду и сказала ей, что буду на связи.

— Ладно, звучит хорошо, милая. Как я уже говорила, от другого агента я слышала, что его клиент, какая-то шишка в General Motors, только что перевелась и живет в корпоративном доме с четырьмя детьми и планирует сделать предложение на этой неделе, поэтому дай мне знать.

— Хорошо. Конечно. — Мы сели в Mercury, и я посмотрела на дом, когда на меня обрушилась реальность. На этой неделе? Я спятила? Это значит, что сегодня-завтра мне придется попросить деньги у родителей... сделаю ли я это, учитывая, что сегодня мне также придется иметь дело с Анджелиной?

И почему Ник такой тихий?

— Ты думаешь, что я сумасшедшая? — сказала я, когда он завел двигатель.

— Совсем нет. Дом прекрасен.

— Тогда, что? Ты слишком тихий.

Он посмотрел на дом.

— Я просто... обдумываю, вот и все.

— Ты можешь, пожалуйста, думать вслух? Мне нужен совет. Миа считает это абсурдным.

Он пожал плечами.

— Это не ее решение.

— Я знаю, но я не хочу совершать большую ошибку. Я пытаюсь быть ответственной.

— Зачем тебе такой большой дом? Ты планируешь заводить семью?

Вопрос удивил меня и также немного разозлил. Почему должна быть какая-то причина?

— Я не знаю. Нет, не прямо сейчас. Разве не может одинокая девушка купить себе большой дом?

— Конечно, может. Я просто удивлен. Потому что я уверен, что ты могла бы найти старинный дом, нуждающийся в ремонте, который не бил бы так по твоему карману и не отнимал столько времени.

Я вздохнула, теребя свой хвост.

— Что еще мне делать со своим временем? Я хочу сказать, я занята на работе, но мне нужно что-то за ее пределами, понимаешь? И у меня есть подруги, но даже это меняется.

Ник посмотрел на меня.

— В каком смысле?

— Миа выходит замуж, и у них с Лукасом новый дом. Уверена, скоро у них появятся дети.

— Это не значит, что она перестанет быть твоей подругой, Коко.

— Я знаю, но она будет занята построением своей взрослой жизни. Эрин увольняется со своей учительской должности, чтобы открыть свою танцевальную студию, как она всегда и хотела. Она будет занята, подготавливая помещение и запуская бизнес — это ее взрослая жизнь. — Я выбросила руки вверх. — А у меня нет ничего взрослого! Я живу с родителями, ради всего святого!

Он похлопал меня по ноге.

— Это временно.

— А так не кажется.

— Знаешь, что? Ты взрослая. Потому что та Коко, которую я знал, уже бы попросила деньги у своих родителей. Честно говоря, это больше всего удивляет меня во всем этом.

Я была наполовину взбешена, наполовину польщена и частично рассматривала это как комплимент. Вздохнув, я отвела взгляд от дома.

— Поехали. Это глупо. Я не могу позволить себе этот дом. Я даже не могу позволить себе первый взнос.

— Сколько тебе нужно?

— Около тридцати тысяч.

Ник присвистнул.

— Это серьезный шаг.

— Еще бы. Именно поэтому мне так сильно нужно, чтобы ты был на вечеринке Анджелины. Думаю, с этого я могу получить хотя бы десять тысяч, а потом собиралась попросить у родителей остальную часть. — Я сделала глубокий вдох и выдохнула. — Но думаю, что с ними будет труднее, чем с тобой.

Ник улыбнулся, когда начал сдавать назад и выезжать с подъездной дорожки.

— Я не доставил тебе достаточно проблем?

Я посмотрела на него искоса.

— Заставить меня проводить выходные с тобой, это не проблема?

— Для тебя это проблема?

— Нет. Совсем нет. — Я перевела взгляд на его колени, и он рассмеялся.

— Ты такая плохая лгунья, Коко. Некоторые вещи не меняются.

Я шлепнула его по плечу.

— Ладно! Ты хочешь правду? Да, это проблематично, — признала я: — потому что мне

с тобой весело, и из-за этого я думаю о том, о чем не должна думать.

Ник затормозил на знаке и посмотрел на меня.

— О чем, например?

Я уставилась вперед. Заткнись, заткнись, заткнись.

— Я не хочу говорить об этом.

— Почему нет?

— Потому что эти выходные не для этого.

Мы секунду сидели в тишине.

— Я дам тебе деньги, Коко.

— Что? — я повернула голову в его сторону так быстро, что что-то хрустнуло в моей шее.

— Я дам тебе недостающие двадцать тысяч.

— Мне не нужны твои деньги!

— Нужны. Вот почему ты пришла ко мне, не так ли? Потому что тебе нужны деньги?

— Нет! Ты переворачиваешь все с ног на голову! Я пришла к тебе, потому что клиентка потребовала тебя на своей вечеринке, а не потому что мне нужны твои деньги, Ник. Я говорила тебе — я хочу сделать все самостоятельно.

Ник пожал плечами.

— Тогда подумай об этом как о кредите.

— Кредите?

— Да. Таким образом, тебе не нужно просить у своих родителей. Я даже могу взять с тебя проценты, если ты хочешь.

Могла ли я? Могла ли я на самом деле сделать это? Это был один из тех моментов в жизни, когда я хотела нажать кнопку «пауза», чтобы обсудить это с Миа и Эрин, прежде чем дам ответ. У меня было инстинктивное чувство, как и всегда перед покупкой десерта, будто то, что я хотела, было прямо передо мной, и мне нужно было только взять это. Но я знала, что сказали бы Миа и Эрин.

Эрин: Это Очень Плохая Идея.

Миа: Вот пять причин, почему ты не должна брать его деньги...

Они никогда не запрещали мне брать десерт, но на предложение взять деньги у бывшего парня я бы точно получила отрицательный ответ.

— Я не знаю, Ник. Это не кажется хорошим решением.

Он положил руку мне на ногу.

— Я инвестирую в подругу. И в старинный дом. В окрестности и город, который я люблю.

Черт. Он был сексуальным и знал, как уговаривать. Я прикусила нижнюю губу.

Поставив машину на режим парковки, он повернулся на сидении лицом ко мне, посмотрев назад, чтобы убедиться, что сзади нет машин, которые ждали, чтобы мы проехали вперед.

— Послушай. Ты думаешь, я хотел участвовать в «Оближи мою тарелку»? Нет. Это нелепое шоу, которое не имеет почти ничего общего с реальным приготовлением пищи, и моя репутация могла испортиться. Но я не мог получить поддержку от инвесторов, чтобы открыть свое место в Детройте, не выставив себя напоказ. Поэтому я стиснул зубы и сделал это, и все окупилось...

— Это другое, — начала спорить я.

— Нет, не другое. Ты не хочешь брать у меня деньги из-за своей гордости. Понимаю. Но если ты не хочешь просить деньги у родителей, считаться с их мнением, и чтобы дом твоей мечты заполучил кто-то другой, ты должна стиснуть зубы и сделать это. Принять мое предложение.

— Это большая сумма, — сказала я тихо. Он делает это, потому что чувствует вину из-за того что случилось семь лет назад? Или он действительно хочет вложить деньги в меня?

— Я могу позволить себе это. Слушай, я совсем не миллионер, но я выиграл кое-какие призовые деньги и у меня есть доход. И ты вернешь деньги — мы можем составить график выплат. Мы даже можем привлечь моего адвоката, если от этого ты почувствуешь себя лучше. Тогда это будет полностью официально.

Я сглотнула, проглотив «да», которое до ужаса хотело вырваться из моего горла. Впервые в жизни я не собиралась бросаться в омут с головой и делать что-то неправильно.

— Нет. Спасибо тебе, но нет... Я правда хочу сделать это сама, если у меня получится.

— Ладно. Я не хочу давить на тебя. Но предложение все еще в силе.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста. — Он снова завел машину. — И на всякий случай, я не думаю, что ты сумасшедшая. Дом нуждается в ремонте, и мне кажется, они должны сбросить цену, но это красивое старое место. Я определенно вижу тебя в нем.

Улыбнувшись, я натянула свои солнцезащитные очки, когда мы выехали на Джефферсон-авеню, задумавшись, видел ли он в нем еще и себя.

Как он трахает меня в кладовой, возможно.

Но я подумала, что лучше не спрашивать.

14 глава

Мы не говорили всю дорогу до фермы, в основном потому, что когда выехали на трассу, стало слишком шумно. Но когда мы выехали с трассы I-75 на какое-то небольшое шоссе, а затем проселочную дорогу, стало тише.

Прошло слишком много времени, с тех пор как я бывала в сельской местности — я жила в пригороде, работала в городе, и когда путешествовала, я обычно летала в другие города за пределами Мичигана, как например, в Чикаго или Нью-Йорк. Я и забыла, какой умиротворяющей и красивой была местность Северного Запада в ясные солнечные дни, все было теплым и «золотым». Я любила старые красные амбары, фермы из твердого маленького кирпича, дома в викторианском стиле с похожей на кружево отделкой и старомодными передними крыльцами. Аккуратные зеленые ряды фасоли и капусты, плотно засаженные поля сладкой кукурузы и сахарной свеклы, огромные стога сена, которые усеивали ровный, спокойный пейзаж. Лошади и коровы паслись в загонах, и иногда я видела детей, катающихся на качелях или прыгающих на батутах в своих дворах.

И, конечно же, здесь были фруктовые сады. Смогу ли я пройти мимо яблони, не чувствуя, что мои трусики могут расплавиться? Откинув голову на заднее сиденье, я закрыла глаза и позволила солнцу согреть мое лицо, когда воспоминания согревали мое тело. Рядом со мной Ник прочистил горло. Он тоже думал об этом?

— Я голоден, — объявил он.

Я почти рассмеялась. Он думал о еде, а не о сексе. Я подняла голову.

— Да?

— Да. Хочешь устроить пикник?

— Конечно. Звучит весело.

— Ладно. Там есть небольшой сельский магазин. Мы купим кое-какую еду для пикника, и я знаю идеальное место, чтобы поесть.

Конечно, он знал. Он знал идеальные вещи для всего. Я не могла перестать думать о его предложении. Он описал его, как нечто вроде кредита, но я рационализировала эту идею, потому что хотела дом так сильно? Вдруг я потрачу все деньги на ремонт и не смогу заплатить ему? Будет ли проще сказать моим родителям: «Эй, у меня немного не хватает», чем встретиться лицом к лицу с Ником — не дай Бог, его адвокатом — и сказать ему то же самое?

Я знала, он предложит мне низкую процентную ставку и справедливый график платежей, но тем не менее... он все еще будет в моей жизни. Я буду связана с ним, пока не выплачу долг. Смогу я выдержать это? Очевидно, для него нормально иметь какие-то дела с его бывшей женой и, возможно, он считал это способом загладить свою вину за то, что сделал. Искушение.

Была ли я готова к этому?

Или, может, он наслаждался положением, что он одалживает мне деньги, после всего того времени, как ему было не по себе, что, в отличие от него, я выросла в обеспеченной семье. Может, этим он раздувал свое эго. Это тоже было возможно.

Я мучилась в раздумьях, когда он свернул с дороги на грязную парковку у магазина, размещенного в старом амбаре. Я хотела денег, но не хотела чувствовать себя некомфортно по этому поводу. Точнее, я не хотела чувствовать себя еще более некомфортно, чем если возьму деньги родителей.

Брр, не было ни одного хорошего выхода из этой ситуации. Я не могла позволить себе этот дом. Мне нужно было просто отказаться от этой затеи.

— Хочешь пойти? — Ник выключил двигатель и открыл свою дверь.

— Нет, я подожду здесь. В любом случае мне нужно проверить сообщения. Иди, ты можешь выбрать обед. Я доверяю тебе.

— Опасные слова, кексик.

Я вернула ему улыбку, но внутри было ощущение, будто я хотела расплакаться.

Боже, почему я просто не могла влюбиться во что-нибудь другое, маленькое и с разумной ценой? В какой-нибудь новый дом, где не требуется так много ремонта? Почему я хотела что-то старое и разрушенное... то, что не могла иметь?

#

Пока Ник был в магазине, я проверила свою почту. Эрин спрашивала, как все проходит, а Миа отправила мне длинный список того, что сводит ее с ума. Я ответила Эрин, что все хорошо, и в миллионный раз сказала Миа расслабиться. Ее свадьба будет идеальна. Я сказала ей, что хожу за покупками, но если я буду ей нужна, я буду рядом завтра и в понедельник. Втайне я надеялась, что она не попросит. По одному взгляду на меня она поймет, что у меня что-то происходит.

Моя мама отправила голосовое сообщение, предупреждая, что они с отцом решили поехать в Харбор-Спрингс на неделю, и спрашивала меня, смогу ли во вторник днем отвезти

бабушку на прием к доктору, просила не забыть, что в четверг день вывоза мусора, а также про то, что я не должна включать кондиционер ниже двадцати двух градусов, когда ухожу утром на работу.

Женщина измучила меня, даже не находясь со мной в одной комнате. Я ответила, что буду следовать всем ее инструкциям, и да, я смогу отвезти бабушку на прием.

У меня было еще одно голосовое сообщение — от Анджелины.

Коко, ты можешь перезвонить мне сразу? Благодарю.

Настроив себя на еще один разговор с ней, я перезвонила.

— Алло?

— Привет, Анджелина. Это Коко.

— Ох, привет. Я все еще думаю над тематикой.

— Я думала, мы уладили этот вопрос. Я все прекрасно распланирую, обещаю.

— Я знаю, но это кажется немного банальным, понимаешь? Я обдумала все идеи и остановилась на двух: Великий Гэтсби и Настоящая кровь.

Мой желудок ухнул вниз.

— Эм...

— Думаю, что склоняюсь к Гэтсби из-за забавных костюмов. Восемьдесят процентов за Гэтсби, сорок за Настоящую кровь.

Моя голова начала пульсировать.

— Это даже не складывается в сто процентов.

— Я не уверена ни в чем на сто процентов, — сказала она так, будто это было очевидно. О боже мой.

— Анджелина, меня нет в городе в выходные. Давай поговорим в понедельник. Хорошо?

— Ладно. Я продолжу думать об этом.

— Хорошо. Пока. — Я завершила вызов, прежде чем она сказала что-нибудь еще, и выключила телефон.

Мгновение спустя Ник вышел из магазина с коричневым бумажным пакетом подмышкой и лоскутным одеялом, перекинутым через другую руку.

— Вот наш обед, — сказал он, протягивая мне пакет: — и наше покрывало для пикника за четыреста долларов. — Он бросил одеяло на заднее сиденье и сел за руль.

Моя челюсть отвисла.

— Четыреста долларов!

Он счастливо кивнул.

— Это Amish.

Я посмотрела на яркое лоскутное одеяло.

— Я не думаю, что мы должны использовать его в качестве покрывала для пикника.

— Эй, послушай, — он щелкнул меня по носу: — У меня осталось не так уж много часов, чтобы произвести на тебя впечатление. А также показать, как далеко я продвинулся в жизни. — Он завел машину, и двигатель взревел.

Двадцать минут спустя он повернул на старую гравийную дорогу, зажатую между кукурузным полем и лесом. Примерно метров на шестьдесят простиралась местность, очищенная от деревьев. На первый взгляд, место было похоже на двор, покрытый травой, с трех сторон окруженный деревьями, возможно, раньше здесь стоял дом. Но когда Ник припарковался у обочины, я увидела небольшое кладбище в углу расчищенного участка.

— Что это за место? — я огляделась. Не было признаков ни дома, ни амбара. Тихое место, не считая чирикания сверчков и гула ветра в лесу.

— Нони считает, что когда-то здесь была небольшая церковь. Ферма моих бабушки и дедушки дальше по этой дороге и раньше мы исследовали лес. Однажды мы с братом зашли дальше, чем обычно, и попали сюда.

Я вышла из машины, держа в руках пакет из магазина и оставив телефон и сумочку в машине. Здесь было спокойно и красиво, я чувствовала себя удаленно от шума и суеты своей обычной жизни, поэтому не хотела отвлекаться от того, что было прямо передо мной. Ник взял одеяло и последовал за мной к тенистому месту, где из земли возвышались около двадцати старых надгробий, некоторые были наклонены и опрокинуты, а вокруг них росли сорняки и полевые цветы.

Я остановилась и развернулась.

— Здесь нормально?

— Конечно. — Он расстелил одеяло на траве и потянулся в пакет с едой.

Отдав пакет, я осмотрела надгробия, мне было любопытно, чьи заброшенные могилы были здесь. *Неплохое место для отдыха*, задумалась я, рассматривая живописное место, но было ясно, что уже долгое время никто не заботился об этих могилах. Пока Ник раскладывал нашу еду для пикника, я осматривала надгробия, пытаюсь прочесть имена и даты, вырезанные на мраморе, и с течением времени подвергшиеся эрозии. Большинство памятников были маленькие и прямоугольные, но также было несколько крупных, с крестами сверху. Из того, что я могла увидеть, большинство умерли между 1840 и ранними годами двадцатого века. По большей части имена были немецкие, но также было несколько французских, а также ирландских фамилий.

— Знаешь кого-нибудь? — спросил Ник.

Наклонившись, я провела рукой по памятнику на могиле молодой девушки, которая умерла в двадцать один год. Прохладный ветерок обдувал заднюю часть моей шеи.

— Нет. Просто любопытно, кто они, вот и все. Ничего не могу поделать, я любительница истории.

— Я не возражаю. Но наш обед готов.

Выпрямившись, я подошла к одеялу и села на колени.

— Выглядит хорошо. — Ник купил два сэндвича, сделанных из толстых ломтиков деревенского хлеба, между которыми были слои индейки, сыра и овощей, банку соленых огурчиков, контейнер ежевики, упаковку чипсов и две бутылки воды.

Мы ели в комфортной тишине, нарушаемой только хрустом огурцов или чипсов, пением птиц на деревьях и иногда жужжанием мухи, заинтересованной нашим обедом.

Поев, я легла на одеяло, сытая и довольная. Лучи солнца просачивались через густые ветки березы над головой, превращая зеленые листья в серебряные, когда они развевались на ветру. Закрыв глаза, я думала о том, что у женщин моего возраста, проживающих здесь сотни лет назад, была совсем другая жизнь. Вероятно, в двадцать восемь я была бы замужем с кучей детишек, если бы выжила, родив их всех. Я задумалась о молодой девушке, чье надгробие видела, и надеялась, что она была хотя бы немного счастлива в жизни.

— Ты спишь?

Я оперлась на локти.

— Нет. Просто пытаюсь представить жизнь на ферме пятьсот лет назад.

Он улыбнулся.

— Зачем?

— Там есть могила женщины, которая умерла в двадцать один год. — Я посмотрела через плечо по направлению ее надгробия. — Я задумалась о ее жизни. Был ли у нее шанс сделать что-нибудь стоящее? В чем была ее величайшая радость? Ее самые большие сожаления?

Ник кивнул и забросил ежевику в рот.

— Как думаешь, от чего она умерла?

— Возможно, при рождении ребенка...

— Может быть. — От ветра мой сарафан на бедрах немного приподнялся. Ник потянулся и разгладил его по моему бедру, оставив там руку. — Ты хочешь детей когда-нибудь?

— Возможно, что насчет тебя?

— Определенно.

Он очень удивил меня, в колледже никто из нас не был уверен.

— Ох?

— Да. Я был счастлив расти в большой семье. У нас не было много денег, но было весело. — Он улыбнулся. — Мы сводили маму с ума. Она кричала до хрипоты. Боже, мы ужасно себя вели. Она бегала за нами с метлой и била нас ею по заднице, если ловила.

Я рассмеялась.

— Правда? Я этого не знала.

— О да. Думаешь, почему я так быстро бегаяю? Годы тренировок спасали мою задницу от ее гребаной метлы. — Он вытянулся на боку, опершись головой на руку. — Я все еще помню ее. Она была старомодной с деревянной ручкой и красными нитками, опоясывающими солому разной длины

— И из-за этих воспоминаний ты хочешь детей? — спросила я нерешительно.

— Конечно. Это была шумная жизнь, но нам никогда не было скучно. — Он затих на мгновение, а я закрыла глаза и снова легла на спину. — Как ты думаешь, — продолжил он, — если бы мы остались вместе, у нас сейчас были бы дети?

Я улыбнулась.

— Ты представляешь, как я гоняюсь за ними с метлой?

— Честно, да, — рассмеялся он.

— Мальчики или девочки?

— Хмм. Один мальчик и одна девочка. Нет, по двое каждого.

Мои глаза расширились, и я снова приподнялась на локтях.

— Четыре ребенка? Мне только двадцать восемь!

— Но к этому моменту мы были бы женаты уже семь лет. И, возможно, у нас были бы близнецы.

— Господи, помилуй. Прощай моя девичья фигура.

— Нет, нет, твое тело все еще идеально. Я не могу перестать прикасаться к тебе, вот почему у нас так много детей. — Медленно он погладил рукой мою ногу, поднимаясь выше по бедру, и дальше до груди. Мои соски затвердели, когда его пальцы очертили вырез моего сарафана. Невольно мои легкие наполнились свежим воздухом, моя грудь приподнялась от его прикосновения. Он накрыл одну грудь ладонью, осторожно разминая ее, и следя за движениями своей руки. Затем он сунул руку мне под подбородок, наклоняя мое лицо к себе. — Я все еще схожу по тебе с ума.

— Ник. — Это была опасная территория.

Наклонившись, он нежно поцеловал меня, его губы были мягкие как летний ветерок на моей коже.

— Я все еще схожу по тебе с ума, — повторил он, шепча у моих губ.

— Больше никаких разговоров, — я перекатилась, толкая его на спину, чтобы я могла лечь на него сверху. Он положил руки мне на задницу, сжимая ее и притягивая меня ближе. Я чувствовала твердость в его джинсах, расположив колени по обе стороны его ног, приподнимая сарафан, чтобы он не болтался между нами. Приоткрыв рот, я оперлась на ладони чуть выше его плеч и сплелась с его языком своим, пока мои бедра раскачивались в медленном, чувственном ритме.

Ник застонал, и я почувствовала, как он увеличивается подо мной. Я задвигалась немного быстрее, сильнее прижимаясь к выпуклости в его штанах, задумавшись, было ли это против Бога или против природы заниматься сексом на кладбище, где раньше могла быть церковь, особенно с мужчиной, с которым вы развелись. Но он ощущался так хорошо между моими ногами — моя нижняя часть тела изнывала от желания заскользить по его члену, взять контроль и наблюдать, как он кончает подо мной.

— Ты думаешь неправильно делать это здесь? — я потерла свои губы об его, прежде чем проложила дорожку из поцелуев к местечку за его ухом, где поцелуи сводили его с ума. Я облизала его, прежде чем прижала свой рот к его теплой, влажной коже, и улыбнулась, ощутив, что его тело задрожало.

— Нет, не думаю, что это неправильно. Я думаю, что это самая правильная вещь, которую мы можем сделать прямо сейчас. — Его руки скользнули к моему сарафану, и он стянул мои трусики. — Но давай поторопимся, по этой дороге ездят редко, но здесь не всегда так пусто.

С этим спорить я точно не буду.

Я выскользнула одной ногой из трусиков, оставляя их висеть вокруг другого бедра. Посмотрев через плечо на дорогу и не увидев признаков других людей, я расстегнула его джинсы и взяла его член в руку. Поднявшись на колени, я расположила его у себя между ног, прежде чем погружала его в себя сантиметр за сантиметром.

Ник смотрел на меня с выражением чистого восторга на лице.

— Иисус, — выдохнул он, хватая меня за бедра, — ты такая красивая.

— И такая влажная, — улыбнулась я, немного покрутив бедрами и изогнув спину, чтобы почувствовать давление там, где хотела. Я знала, что у нас было не много времени, но я хотела насладиться этим моментом — летний воздух, сексуальное, твердое тело Ника между моими бедрами, его большой член, наполняющий меня, даже тайный кайф от мысли быть пойманными. У меня никогда не было секса на улице при дневном свете. Это восхитительно раскрепощало. Я скользнула ладонями под его футболку, расположив их на его торсе. Черт, он просто был великолепен — я могла смотреть на этот рот весь день. А эти руки — мои глаза заскользили от его мускулистых, татуированных предплечий к сильным запястьям на моих бедрах. Управляемая руками Ника, я двигалась над его телом, все быстрее и быстрее, напряжение нарастало между нами.

— Да, — зарычал он, его глаза были закрыты, а голова запрокинута назад. — Черт, да. Я кончу... так сильно...

Но я кончила первая, мои внутренние мышцы сжали его член как тиски, прежде чем напряжение ослабло до приятных, плавных сокращений, из-за чего из меня вылетел один

длинный протяжный стон. Как только мой оргазм стих, начался оргазм Ника, и я ощутила, как его тело напряглось и задрожало, услышала его стон блаженного облегчения. Боже мой, нам так хорошо вместе. Почему нам должно быть так хорошо?

Рухнув ему на грудь, я уткнулась лицом в его шею, моя грудь поднималась и опускалась в такт с его.

Его руки скользили по моей спине.

— О боже мой, я даже не могу думать. Что мы делаем?

Я захихикала.

— Дружим?

— Ох, верно. Друзья.

Я знала, что должна подняться, привести себя в порядок, подумать о последствиях. Но мне было так комфортно, я чувствовала себя умиротворенной, лежа на его груди, пока наши тела все еще были соединены. Ник потирал руками мою спину.

— Коко. Мне нужно кое-что тебе сказать.

Я села и улыбнулась ему, сжимая его член внутренними мышцами.

— Дай мне догадаться. Твой член на самом деле чертовски счастлив сейчас?

— Нет, — он покачал головой, его выражение лица было серьезным. — Я только что это понял.

— Что?

— Я все еще влюблен в тебя.

15 глава

— Пусти меня, — я попыталась подняться с него, но его руки прижали меня к его телу.

— Нет, я хочу поговорить об этом, о нас.

— Ну, я не хочу. И если ты не можешь отделить секс от любви, значит, мы исключим секс из уравнения. Мы уже должны были сделать это.

— Это мои чувства, а не задача по математике.

— Хорошо, — я огляделась, затем подняла руку. — Мне нравится, как ты привез меня туда, где я не могу сбежать, чтобы нарушить правила.

— Ты не говорила, что я не могу говорить о своих чувствах.

Я еще раз попыталась подняться с него, на этот раз он отпустил меня. Теплая жидкость стекала по моим ногам, и я искала салфетку. Если это попадет на сарафан, мне придется переодеться.

— У нас нет салфеток? — спросила я взволнованно.

— Думаю, я забыл их купить. Используй покрывало.

— Одеяло Amish за четыреста долларов?

— Ладно, вот. — Ухватив свою футболку за воротник, он снял ее и протянул мне. — Возьми ее. Я достану другую футболку из машины.

Я взяла футболку и вытерлась, немного отвернувшись от него, а Ник собрал мусор и оставшуюся еду. Закончив, я сложила футболку и натянула трусики. Я была липкой и все еще немного мокрой, но это лучше, чем ничего.

— Ты готов ехать?

— Нет. Я хочу поговорить.

— Ник, я сказала «нет», — я начала вставать, но он крепко схватил меня за руку.

— Тогда позволь мне поговорить. Ты будешь просто слушать.

— Я не хочу слушать.

— Ты затыкаешь меня, чтобы наказать? В этом дело? — спросил он.

— Нет! — Подождите, это же не так?

— Тогда что? Почему ты даже не хочешь выслушать меня? Чего ты так боишься?

Я посмотрела на него, борясь с желанием рассказать ему правду. Я бы победила, если бы он был одет, и я не могла видеть капельки пота на его груди и мое имя рядом с его сердцем. Может, я бы выиграла, если бы его волосы не были в небольшом беспорядке, или если бы не посмотрела на его запястье, где сверкали часы Shinola.

— Это очень длинный список.

Он отпустил мою руку.

— Начнем с...

— Начнем с боязни услышать твое оправдание, почему ты ушел от меня.

— Это не оправдание, ничто не сможет оправдать мой поступок. Это просто объяснение.

— Ну, я не хочу его слышать. Из-за этого я буду чувствовать себя только хуже.

— Почему?

— Потому что неважно, что ты скажешь, факт остается фактом, ты не любил меня достаточно, чтобы остаться, Ник. Ты не любил меня достаточно, даже чтобы попрощаться.

Ник закрыл глаза и выдохнул.

— Продолжай. Чего еще ты боишься?

— Я не доверяю тебе.

Он встретился с моим взглядом.

— Я понимаю. Я сильно обидел тебя.

— Так и есть. Много раз, но особенно в последний. Поэтому ты сколько угодно можешь признаваться мне в любви, для меня это ничего не значит. Тогда ты тоже говорил это. Но все равно разбил мое сердце.

Его губы были сжаты в мрачную линию.

— Это все?

— Очевидно, что я боюсь, что мне снова причинят боль. Я не хочу, чтобы у тебя была эта сила надо мной. Если я не верю твоим словам, если не говорю тебе, что чувствую, если даже не признаюсь в этом самой себе, значит я смогу уберечь свое сердце от новой боли.

— Это нелепо, Коко. Если ты не признаешь чувства, они просто так не исчезнут. Послушай, прошлой ночью мы решили быть друзьями, я понимаю. Но сейчас все по-другому.

— Прошло меньше сорока восьми часов.

Он положил руку на мою ногу.

— Но у нас есть история. Она имеет значение. Все люди знают, что если что-то в прошлом, не значит, что оно мертво и похоронено.

Ох, я знала. Я закрыла глаза, чувствуя, насколько живыми были наши чувства друг к другу. Но также был страх. Уйдет ли он когда-нибудь? Поцелую ли я его когда-нибудь утром с полной уверенностью, что вечером он будет рядом? Вдруг, каждый раз выходя за дверь, у меня будет неприятное ощущение, что он уйдет навсегда?

Хотя с другой стороны, что если я больше никогда не почувствую ни к кому тех чувств, что чувствую к нему? Что если моя первая любовь будет моей последней?

«Поддай мне знак», умоляла я вселенную. Что угодно.

Но вселенная молчала.

— Чего ты хочешь от меня? — мой голос был тихим, сдающим, как и моя защита.

— Прямо сейчас я просто хочу, чтобы ты сказала, что мы можем поговорить о... обо всем. Может, о прошлом, может, о будущем, но я хочу услышать, что ты, по крайней мере, открыта для этой идеи.

«Ты пожалеешь об этом», говорил здравый смысл, но мой голос сказал:

— Ладно. Мы можем поговорить. Но не сейчас, хорошо? Мне нужно некоторое время все обдумать.

— Без проблем. Я буду готов, когда и ты. — Он встал и вытянул руку, чтобы помочь мне. — Я растрепал твои волосы, — сказал он, убирая пряди с моего лица.

— Все в порядке. Думаю, это скорее всего откидной верх, а не ты. Я приведу себя в порядок, когда доедем до Нони. — Мы сложили наши вещи и сложили покрывало. — Хочешь узнать кое-что еще, что пугает меня?

— Что?

— Мне слишком сильно нравится твоя фантазия об альтернативной реальности.

Он искоса на меня посмотрел, уголок его рта приподнялся в улыбке.

— Да? Которая с метлой и четырьмя детьми?

— Да, — я покачала головой, как будто я могла избавиться от этого безумия. Я не хотела детей от него... так ведь? — Что за фигня?

#

Ник вытащил чистую футболку из сумки, и я незаметно поменяла свои влажные трусики на чистую пару, прежде чем мы тронулись. Всю дорогу до фермы мы слушали радио, вместо разговоров друг с другом, и хотя я была сбита с толку, я поняла, что подпеваю старой мелодии Эллы Фицджеральд. Все в этом дне говорило мне расслабиться и наслаждаться жизнью, но я не могла отделаться от ощущения, что все было не так идеально, как казалось. Была ли я параноиком?

Мы свернули к извилистой подъездной дорожке, которая вела к большому старому дому. Я не была здесь годы, но маленькие детали — воспоминания об этом месте копошились в моей голове как рой пчел: качели в виде шины, свисающие с большого старого клена, длинное переднее крыльцо с адирондакскими стульями, которые нуждались в свежей покраске, окно второго этажа из комнаты, в которой я останавливалась, которое использовал Ник, чтобы улизнуть и нанести мне визит. В моей комнате была самая скрипучая на планете кровать. Ник говорил, что Нони ничего не слышала, так что мы могли на ней развлекаться, но я никогда не могла заставить себя заниматься на ней сексом. (Мы делали это на полу).

За домом были сараи и другие хозяйственные постройки, а за забором растянулись поля кукурузы и фруктовых садов. Где-то там было небольшое озеро, в котором мы плавали после пробежки. Я задумалась, не против ли будет Ник пробежаться после обеда, я, кажется, поняла, что мне это нужно. Ник поднял верх, и я помогла ему, нажав на рычаг на своей стороне, прежде чем вышла.

— Как насчет пробежки во второй половине дня? — сказала я, когда мы вытащили свои вещи из багажника.

— Ты взяла с собой одежду для бега? — он посмотрел на меня удивленно, прежде чем

наклонился к заднему сиденью за холодильником.

— Да, и купальник. Я помню, как мы бегали здесь, а потом купались. Было весело.

— Так и было, — он закрыл багажник. — У меня тоже есть вещи для бега. Давай поздороваемся с Нони и пойдем. Хотя, — добавил он, поднимаясь по крыльцу, — я не взял купальные принадлежности. — Он пошел вперед, чтобы открыть дверь, и улыбнулся мне через плечо. — Думаю, я буду купаться голышом.

— Купаться голышом! Кто это?

Я улыбнулась, впервые за многие годы услышав голос Нони.

— Черт, ее новый слуховой аппарат. Я забыл, — прошептал Ник, когда мы вошли в прихожую. Время повернулось вспять, когда я вдохнула запах свежееиспеченного пирога и пыльной антикварной мебели — характерным запахом в доме Нони — и услышала хлопок закрытия деревянной двери за собой. Мне снова было девятнадцать. Молодая, распираемая чувствами к Нику и готовая ко всему.

И я была бесстрашной. Абсолютно бесстрашной.

Слева от лестницы перед нами была столовая, а справа была комната, которую Нони называла своим кабинетом. Она сидела в кресле-качалке у переднего окна, с книгой на коленях.

— Привет, Нони. Я привез тебе праздничный торт. Помнишь Коко?

Она подмигнула мне.

— Коко? Подруга лесбиянка?

— Это она. Хотя она совсем не лесбиянка, как хотелось бы. По крайней мере, время от времени.

Я ударила Ника по плечу.

— Ник, ради всего святого. С днем рождения, Нони. Надеюсь, ничего страшного, что Ник привез меня. Я скучала по поездкам сюда.

Нони вытянула руку.

— Подашь мне руку, чтобы я могла подняться, дорогая? — Я взяла ее руку и помогла встать на ноги, прежде чем поцеловала в щеку. За исключением немного седых волос на голове, она не изменилась. Старушечьи очки. Светло-голубой спортивный костюм с ортопедической обувью. Слегка сгорбившаяся поза, отчего она казалась еще ниже. — Посмотри на себя, такая же хорошенькая, как и годы назад. Как этот засранец вернул тебя?

— Еще не вернул, Нони. Ты должна помочь мне. Все это — часть моей схемы, чтобы вернуть ее любовь. — Ник поставил холодильник и поцеловал свою бабушку в щеку, когда я злобно на него посмотрела. Он заручился поддержкой Нони? Нечестно.

— О, она слишком умна для схемы, милый. — Нони сжала мою руку и удержала взгляд. — Тебе придется приложить честные усилия. Она не дуручка. — Затем она посмотрела на него пронизательным взглядом, который напомнил мне мою бабушку. — *Capisce?* (прим. перев. с ит. Понял?)

Ник кивнул, и они обменялись взглядами, из-за чего я задумалась, что именно знала его бабушка.

— Ну как, детишки, вы голодны? У меня есть ветчина. Пойдем, я накормлю вас. — Она двинулась между нами, слегка прихрамывая, а мы с Ником обменялись тайными улыбочками на ее обычное желание уже через пять минут накормить все рты, что проходят через ее двери, и мое сердце неожиданно кольнуло.

— Нет, спасибо, Нони. Мы только что поели. Как твое новое бедро? — Ник поднял

холодильник и последовал за ней из комнаты, опуская свою сумку рядом с лестницей. Я сделала то же самое, бросив короткий взгляд вверх, и задумавшись, ждет ли Ник, что мы будем делить комнату вместе.

— Ох, все хорошо, — она дважды постучала по своему бедру и прошла через столовую. — Практически как новое, — толкнув старую дверь, она шагнула в просторную кухню фермерского дома. За последние лет сто она, вероятно, была перестроена несколько раз, но я сомневалась, что за последние двадцать пять лет многое изменилось. Хотя я была сыта, мой рот наполнился слюной при виде двух пирогов на столе, один пирог — решетка, а другой — с крошечными слезинками, вырезанными на его золотистой корочке.

— Я привез торт, Нони. Поставить в холодильник? — Ник поставил холодильник на старый круглый стол на восемь человек, и открыл его. Он осторожно поднял тарелку с тортом и поставил ее на стол.

— Так нормально, — она потянулась в нижний шкаф и вытащила синюю пластиковую крышку для торта, которая треснула в нескольких местах и была заклеена коричневым скотчем. Когда она накрыла торт, мы с Ником посмотрели друг на друга и покачали головой. Нони никогда ничего не выбрасывала, пока этим еще можно было пользоваться.

— Теперь я знаю, что тебе подарить, — сказал Ник. — Новую крышку для торта.

— Чушь, эта еще хорошая. Хотите пиццелли? Мария вчера приготовила его. — Она открыла большой контейнер для маргарина, в котором на самом деле было печенье. — Мы можем перекусить на крыльце, так как сегодня неплохая погода.

Мария была мамой Ника. Я всегда любила ее, но мой желудок странно сжался от мысли, что мне придется встретиться лицом к лицу со всей семьей Ника вечером на праздничном ужине. Что они знали? Какой будет наша история? Мне нужно спросить Ника, что он рассказал им семь лет назад, что означает, открыть дверь разговору о нашем прошлом.

Но, может, настало время.

#

Последнее, что мне было нужно, еще больше еды, но это было домашнее пиццелли. Я не могла отказаться. Мы с Ником взяли его и последовали за Нони на крыльцо. Она выбрала кресло-качалку, а мы с Ником сели на стулья. От первого укуса печенья — сладкого, легкого и восхитительного — я улыбнулась, вспомнив, как Анджелина сказала анусовое, вместо анисового.

— Что смешного? — спросил Ник.

Захихикав, я рассказала им историю, немного поморщившись, когда произносила «анус» рядом с Нони. Но Ник громко смеялся, качая головой.

— Не могу дождаться встречи с этой девушкой.

— Она довольно оригинальный человек, — я дожевала свое последнее печенье и думала, взять ли еще одно.

— Эй, эти стулья надо немного покрасить, Нони. — Ник провел одной рукой по отшелушивающийся поверхности. — У тебя есть краска? Я могу сделать это перед завтрашним отъездом.

— Думаю да. В сарае. Ты можешь спросить своего дядю Билла, он знает.

Если я правильно помнила, Билл управлял фермой, а его семья жила где-то в доме на

обширной территории. Но у него было много родственников — я никогда не могла запомнить всех.

— Эй, Ник, — сказала я, вспомнив наш вчерашний разговор об истории его семьи: — Давай спросим Нони о фото.

— Каком фото? — спросила Нони.

— Свадебное фото Папы Джо и Крошки Лупо. Моя мама дала мне копию, чтобы я повесил ее в ресторане.

— Это красивая фотография, мне любопытно, когда она была сделана и хотелось бы что-нибудь узнать о невесте. — Я подтолкнула ногу Ника носком сандалия. — Ник почти ничего о ней не знает, даже имя.

Нони рассмеялась, ее затуманенные голубые глаза осветились, как у старого человека, когда речь заходит о давнем прошлом.

— Все называли ее только Крошка. Даже я была выше, чем она, хотя в свои лучшие годы я была примерно 154 сантиметра. Но ее звали Фрэнсис. Фрэнсис О'Мара. Она была ирландкой, настоящей чертовкой.

— Мужчины Лупо любят чертовок, — Ник подтолкнул меня в бок.

— Так и есть, — согласилась Нони, решительно кивнув, что было эквивалентом «дай пять» у бабушек. — Но также Крошка была любезной. Она знала, каково это, войти в большую итальянскую семью и попытаться вписаться. Всю свою жизнь она была добра ко мне.

— Я рассказал Коко, что папа Джо был контрабандистом во время сухого закона, — сказал Ник.

Она кивнула.

— Правильно. Он с бандитами возил виски из Канады. Истории, которые они рассказывали... как в кино или что-то подобное. — Она рассказывала байки подпольных баров о побегах и мафиозных похищениях. Каждая деталь приводила к еще дюжине историй из уголков ее памяти, и мы с Ником слушали ее почти час с отвисшей челюстью и широко открытыми глазами.

— Это удивительно, — сказала я. — Все это на самом деле происходило?

Нони пожала плечами.

— Они говорили, что да. В любом случае, это хорошие истории. Хотя история любви папы Джо и Крошки тоже великолепна. Когда-нибудь я расскажу ее.

— Любовь с первого взгляда? — восторгалась я.

— Ну, он так говорил. Она сказала, что терпеть его не могла в течение многих лет. Но он сломил ее...

— Мы хороши в этом, — Ник толкнул меня в плечо.

Проигнорировав его, я наклонилась вперед на своем стуле.

— Вы должны записать все это, Нони. Я могу помочь, — предложила я. — Я могу печатать, пока вы будете говорить, что помните.

— Великолепная идея, — сказал Ник.

— Ладно, конечно, — Нони наклонила голову. — Знаешь, где-то здесь у меня есть старый фотоальбом семьи Лупо. Может быть, в чемодане на чердаке. Я не могу больше туда подниматься, но, вы, детишки, можете поискать.

— Мы определенно сделаем это, — Ник встал и потянулся. — Мы с Коко хотим пойти на пробежку перед ужином. Может, поплавать. Хорошо? Или я нужен тебе сейчас?

— Нет, нет. Вы можете идти. Я немного посижу здесь. Ужин будет не раньше семи.

— Хорошо. Сегодня готовлю я, Нони, поэтому даже не пытайся приготовить ужин без меня, — пригрозил он, предложив мне руку, чтобы подняться со стула.

— Я могу пустить тебя на свою кухню, Ник Лупо, но этого не случится, если я поймаю тебя купающимся голышом в моем озере. Скажи этому мальчишке держать свои трусы на себе, Коко.

Я улыбалась, когда он помог мне подняться на ноги.

— Скажу, Нони. Можете рассчитывать на меня.

Ник придержал дверь открытой и последовал за мной в дом. Я подхватила свой чемодан и направилась наверх, шепча через плечо:

— Твои трусы останутся на тебе, мальчик. Слышишь меня?

Затем я вскрикнула, когда он поймал меня одной рукой за талию, прижал крепко к своему телу и пронес меня остаток пути наверх.

— Следи за тем, кому приказываешь, маленькая девочка. Во мне течет бандитская кровь, и она горяча.

Бандитская кровь.

Черт.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

16 глава

Я упорно бежала, подошва моих «Найк» поднимали пыль на грунтовой дороге. Мое тело взрывалось, охваченное энергией, подпитываемое разочарованием и адреналином, и эти чувства усиливались по мере того, как быстро я бежала.

— Иисус, Коко, не спеши. — Ник с легкостью поравнялся со мной, хотя я была рада слышать его тяжелое дыхание. — Ты вымотаешься еще на первой миле.

— Не успеваешь? — подразнила я, вытягивая ноги, чтобы удлинить каждый шаг.

Вместо ответа он набрал такую скорость, которую я бы никогда не смогла достичь.

Затем он пробежал примерно тридцать метров вперед и начал бежать задом, пока я его догнала.

— Эй, кексик. Почему так долго?

Я толкнула его в плечо, он повернулся, и мы снова побежали бок о бок.

— Нечестно, — задыхалась я. — Твои ноги гораздо длиннее моих.

Он опустил взгляд на мои голубые шорты для бега.

— Не знаю, для меня твои ноги выглядят довольно длинными. Длинные и сексапильные, и как будто умоляют оказаться вокруг моей шеи. Что скажешь, если мы остановимся отдышаться?

— Нет, ты знаешь, как много калорий я употребила за последние двадцать четыре часа? Я буду продолжать бежать, даже если это убьет меня. — Не обращая внимания на острую боль в левом боку, я сильнее напрягла руки и снова увеличила скорость.

— Кажется, это и произойдет. Почему бы тебе не сохранить немного агрессии на потом? Это меня возбуждает.

— Ты возбуждаешься от всего.

— Правда. По крайней мере от того, в чем замешана ты.

Мы бежали в тишине несколько минут по грунтовой дороге, пока не попали на развилку: слева было поле, справа — густые деревья.

— Как далеко ты хочешь бежать? — спросил он.

— На три мили, — задыхалась я. — Как всегда.

— Идеально. Мы добежим до той ямы, развернемся, а затем направимся на восток через деревья, чтобы вернуться сюда. — Он указал направо. — Озеро в той стороне.

— Идеально. — Я немного замедлилась и глубоко вздохнула в попытке облегчить боль. В конце концов она ослабла, и мой разум переключился с тела на сердце, которое болело по другому поводу. Мне нужно было задать себе несколько тяжелых вопросов.

Что я на самом деле делала с Ником? Да, я нуждалась в этом договоре, чтобы он обеспечил кейтеринг на вечеринке Анджелины, но мы оба знали, что он задолжал мне услугу и без этого совместного уик-энда. Мне нужно было упорно спорить, что быть друзьями и заново узнавать друг друга не то же самое, что спать под одной крышей. Я должна была. Но правда была в том, что я хотела согласиться. Я хотела провести с ним время под одной крышей. Наедине. С другими. Одетыми. Голыми. И готовить вместе.

Болтать. Выпивать. Смеяться.

Целоваться.

Принимать душ вместе.

Трахаться.

Боже. Мои шорты становились влажными и совсем не от пота, а мою грудь покалывало в спортивном бюстгальтере. Не помогало и то, что он был прямо рядом со мной, потный и без футболки, тяжело дышал, пока его мышцы напрягались. Прежде чем мысли о сексе пустили под откос весь мой процесс самоанализа, я абстрагировалась от них и попыталась понять, что на самом деле чувствую к Нику.

Когда посмотрела на него, на меня обрушилось сразу все: бабочки запорхали в моем животе, трусики стали влажными, и мое сердце парило, как и много лет назад. Когда я подумала о его успехе и о том, как он упорно трудился, чтобы достичь его, я ощутила гордость и счастье. Когда я думала о ферме, о разговорах с Нони об истории их семьи, я чувствовала, что каким-то образом принадлежу этому. И подумав о том, что я больше никогда не вернусь сюда, что завтра попрощаюсь с Ником, что вернусь к своему обычному распорядку дня, к жизни с родителями и отсутствию секса — я почувствовала пустоту. Нет, хуже, чем просто пустоту. Печаль. Одиночество. Тоску. Обреченная проводить бесчисленные ночи наедине с вибратором, доставляя себе удовольствие, думая о Нике — и вот тогда я поняла, что мой дом будет пуст.

Но, когда я вспоминала о том, что он сделал, я начинала злиться. Я чувствовала себя раздраженной, униженной и обманутой. Если он все еще любит меня, как говорит, а я брошу его, то он испытает хотя бы малость того, что испытала я годы назад.

Единственная проблема была в том, что я все еще его любила.

Я смотрела на небо, когда мы повернули к силосной яме, и ждала удара молнии или раскатов грома. Но были только птички, деревья и пушистые белые облака. Это был знак, что вселенная дает нам второй шанс? Увидев озеро, я решилась — я выслушаю, что он хочет сказать, и признаюсь ему в своих чувствах. Если он сможет убедить меня дать ему второй шанс, я попытаюсь снова — если только не появятся какие-нибудь знаки из космоса, которые скажут, что пора пускаться наутек.

Потому что это ощущалось реальным. Знакомым. Правильным. Как будто мы снова

оказались на том месте, где остановились, но сейчас у нас был шанс закончить все правильно.

Для того чтобы сделать это, нам нужно было начать с того момента, где все пошло не так... нам нужно было поговорить.

Мысль чертовски пугала. Но это казалось правильным, и решение рискнуть каким-то образом меня освободило. Появилось такое ощущение, будто с моих плеч свалилась огромная гора. С новым притоком энергии я вырвалась вперед.

— Наперегонки до озера!

Он рассмеялся и буквально через пять секунд пробежал мимо меня. Я догнала его в тот момент, когда он уже снимал свои носки.

— Кто первый прыгнет в воду, тот и выиграл! — закричала я и полностью одетая, едва успев сбросить свои «Найк», рванула по покосившемуся, старому, деревянному пирсу в воду, пока Ник следовал за мной по пятам.

Мое сердце бешено колотилось в груди, пока я бежала к воде, но приятная прохлада остудила мою разгоряченную кожу. На несколько секунд я опустила под воду, а мои пальцы на ногах погрузились в песчаное дно. Мир вокруг меня забурлил, когда Ник прыгнул рядом со мной, и мы одновременно выплыли на поверхность.

— Ты жульничала, предательница! — он покачал головой, чтобы избавиться от мокрых волос, которые лезли на глаза, и потянулся ко мне.

— Кто еще из нас предатель? — Я пыталась отплыть от него, но он схватил меня за правую лодыжку.

Он снова притянул меня к себе, обняв за талию.

— Что это значит?

— Только у одного из нас за плечами есть история предательства и измен, и это не я. — Но я позволила ему развернуть меня в свои объятиях, провела руками по его плечам, и обхватила его ногами за талию. Вода поднялась до его груди, как раз под татуировкой с моим именем. Каждый раз, когда я смотрела на нее, то чувствовала прилив желания к нему.

— Ты не собираешься забыть ту историю с изменой? Это было так давно, Коко. — Он подхватил меня под задницу.

Я пожала плечами. Смогу ли я когда-нибудь это забыть? Наверное, сейчас самое время начать.

— Думаю, мы должны поговорить.

Он застонал.

— Сейчас? Я хочу поговорить с тобой, как и сказал ранее, но сейчас не могу сконцентрироваться. Было сложно, когда ты надела на себя этот открытый и обтягивающий наряд для бега, но теперь, когда ты вся мокрая... — он поцеловал меня, и его член дернулся между нами. — Сейчас у меня есть другие идеи.

— Ммм, — я сжала его бедрами, притягивая его ближе своими пятками. — Звучит соблазнительно. Хотя не очень, помнишь, что произошло в тот раз, когда мы занимались сексом в озере?

Его выражение лица изменилось.

— О да, ты заработала инфекцию.

— Верно. — У меня никогда не было мочевой инфекции, поэтому я была в ужасе от симптомов. Ник пошел со мной в клинику университетского городка и держал меня за руку в зале ожидания. Конечно, после курса антибиотиков все прошло, но я не хотела повторять

прошлый опыт. Вздрыгнув, я покачала головой. — Извини, никакого секса в озере.

— Никакого секса. Согласен. — Он развернулся, и где-то в желудке у меня возникло ощущение невесомости. — Тогда я просто буду смотреть на тебя. Я могу делать это весь день.

Я улыбнулась.

— Лжец.

— Ты права. Это ложь. — Он повернулся в другом направлении. — Я бы не продержался весь день.

Я прижала его ближе и положила подбородок на его плечо. Холодная вода покрывалась рябью между нами, кружась в водовороте, а солнце согревало мои руки, сверкая от поверхности озера.

— Все нормально. Я бы тоже не продержалась весь день.

Мы оставались в таком положении несколько минут, мне было так спокойно и совершенно не хотелось разрушать момент болезненными разговорами, но я никогда не ходила вокруг да около, когда хотела что-то сказать. И чем раньше мы разберемся с прошлым, тем скорее сможем похоронить его и двигаться вперед.

В этот момент я по-настоящему поверила, что это возможно.

Я открыла рот, но Ник заговорил первым.

— Коко.

— Да?

Он сглотнул.

— Я солгал тебе в ту ночь, когда мы расстались.

Мурашки побежали по моей коже. В ту ночь, когда мы расстались? О чем, черт побери, он говорил?

— Насчет чего?

— Насчет последней измены.

Я отстранилась и посмотрела ему в глаза.

— Что ты имеешь в виду под «солгал»?

— Ее не было. Я не спал ни с кем другим той весной.

Вода, которая казалась приятно прохладной, внезапно стала ощущаться ледяной.

— Что? Тогда почему ты сказал, что изменил?

— Чтобы ты порвала со мной. Но я устал называться изменщиком. Я больше не хочу, чтобы обо мне так думали, если это неправда.

Я спустила ноги с его талии и опустила на дно.

— Я не понимаю. Почему ты хотел, чтобы я порвала с тобой?

— Когда Миа рассказала мне, что тебя приняли на ту программу в Париже, я много думал об этом. Я не хотел, чтобы ты уезжала, но понимал, как это важно для тебя.

Я убрала руки с его шеи, ожидая ответа, ожидая, что он продолжит.

Он провел рукой по своим волосам.

— Я отправился к тебе в квартиру, чтобы уговорить тебя уехать, но ты отказалась. Поэтому я солгал о том, что переспал с кем-то, чтобы ты уехала.

Мое сердце билось так сильно, что было ощущение, будто в моей голове взрываются пушки.

— Я не верю тебе.

— Это правда, — сказал он, его выражение лица было искренним. — И это сработало.

Ты выбросила меня из своей жизни. Ты выбросила все.

— Потому что я была чертовски зла! — крикнула я, ударяя по воде. — Ты заслужил это! И мне не жаль, потому что нельзя было так поступать со мной, даже если все было ложью. Ты разрушил меня той ночью. И смотрел, как я разваливаюсь на части.

— Я сожалею.

Я быстро покачала головой — крошечные движения, которые имитировали скорость моего пульса.

— Нет. Нет. Я тебе не верю. Ты трахнул какую-то девку, как и сказал мне. Ты сделал это, потому что был зол, что я солгала тебе. Ты делал это прежде и сделал снова.

— Я был зол из-за твоей лжи, но я не изменял тебе целый год, Коко, клянусь. — Он поднял свои ладони. — И сейчас я рассказываю это тебе, потому что хочу двигаться вперед и начать все с чистого листа. И я подумал, тебе станет легче, если ты узнаешь, что я не предал тебя.

— Станет легче? — Я уставилась на него, и мой желудок бурлил от гнева. — Боже мой, ты понимаешь, через что я прошла в тот вечер? Через агонию от того, что ты предал меня после того, как близки мы стали за последний год? С мыслями о том, что ты трахал кого-то еще? — я приложила руки к голове, мир стал вращаться передо мной.

— Я тоже прошел через это. Мне была ненавистна мысль о том, что я обманываю тебя. Меня убивало осознание того, что это ложь.

Я нырнула под воду, выдыхая, чтобы опуститься на дно. Я не могла больше слышать ни слова. Он говорил правду? Он ни с кем не спал? Та ложь изменила все. Именно она привела нас к концу. Утром после нашего расставания я позвонила маме и сказала, что изменила свое мнение и все-таки поеду в Париж. Она была так рада, забронировала рейс и оплатила мой депозит в течение пары часов, вероятно, боясь, что я передумаю. Но я заверила ее, что между нами с Ником все кончено, и я не могу дождаться уехать, чтобы ничего о нем не напоминало. Сейчас он утверждает, что мое решение было основано на лжи? К черту его!

Когда мои легкие были готовы взорваться, я снова всплыла на поверхность.

— Ради всего святого, Ник! — сказала я, вдыхая побольше воздуха. — Я не могу осмыслить это. Я не знаю, радоваться ли мне по поводу того, что ты не изменял мне, или злиться из-за того, что сказал неправду. Эта ложь начала все.

— Я знаю, но я думал, что делаю все правильно, особенно, когда Миа сказала, что ты решила уехать. У тебя был билет на следующий день.

— Ну, это было неправильно манипулировать мной таким образом. Ты не имел права принимать решение за меня. И, к черту Миа, что она рассказала тебе.

Он потянулся к моей руке, но я отдернула ее.

— Не вини ее. Я позвонил ей и умолял рассказать мне, уезжаешь ли ты. Я не хотел думать, что разрушил все беспричинно. И она не знала, что я солгал об измене.

Я холодно посмотрела на него.

— Она не могла знать. Она бы рассказала мне правду задолго до этого, потому что она знала, что делала со мной мысль о твоей измене. Боже, Ник. Какое дерьмовое решение.

Ник поджал губы на секунду.

— Мне было двадцать два, Коко. Я не мог рассуждать здраво. Я просто знал, что твоя семья хотела, чтобы ты уехала, и знал, что, если ты останешься, они обвинят меня. Что бы ты ни говорила, — продолжил он, поднимая руку, когда я открыла рот, чтобы поспорить, — они никогда не считали меня правильным выбором для тебя. Я был недостаточно хорош для них.

— Они так относились к каждому! Я младшая и единственная девочка в семье, Ник. Ради всего святого, до шестнадцати лет мне даже не позволяли ходить на свидания. Им никогда не нравились парни, которых я приводила домой — им до сих пор никто не нравится! — Я не могла поверить, что мы снова это обсуждали. Он действительно пытался переложить наши проблемы на мою семью? В этой ситуации он был придурком.

— Они хотели того, у кого есть деньги, — сказал он, стиснув челюсти. — Просто признай это. Кто водит красивую машину, как и ты, у кого есть степень по политологии, кто учился за границей какое-то время, кто играет в теннис в клубе, и у кого есть ботинки для гольфа.

— Ты сумасшедший? — я уставилась на него. — С чего ты это взял?

Он закрыл глаза и сделал вдох.

— Может, сейчас это безумие, но тогда я чувствовал именно это. Мой грузовик был недостаточно хорош для тебя, одежда не была дорогой. Я не мог сводить тебя на свидание в модное место, а если делал это, ты всегда настаивала, что оплатишь счет.

— Потому что я знала, как много ты работал и старался изо всех сил! Я знала, что тебе нужно оплачивать кредит. И это я была той, кто хотел пойти в модное место, поэтому чувствовала себя виноватой, когда ты пытался заплатить.

— Я не говорю, что ты специально заставляла меня себя плохо чувствовать. И оглядываясь назад, я вижу, что, вероятно, это было только в моей голове. Но я никогда не чувствовал себя соответственно тому образу, который твоя семья хотела для тебя. Мне было нечего тебе предложить — до этого времени. И когда я услышал, что тебя приняли в ту программу, у меня появилось хоть что-то, что я мог сделать для тебя в их глазах. Отпустить тебя.

В их глазах? Подозрение пробежало мурашками по моему позвоночнику.

— Мои родители связывались с тобой?

Он отвел взгляд.

— Такое было? — закричала я, мои ноздри раздулись.

Он не отвечал целых десять секунд, в течение которых я держалась за края своего топа, чтобы не наброситься на него. Он сам хотел поговорить, поэтому ему лучше быть чертовски честным обо всем!

— Твоя мама написала мне письмо от имени их обоих. Она была очень милой, поэтому тебе не нужно сердиться на это. Она просто хотела, чтобы я знал, какая замечательная возможность открывается перед тобой, что женщины в ее семье занимались этим три поколения подряд, и как она надеется, что я сделаю все, чтобы поддержать тебя. Она писала, что видит, как мы заботимся друг о друге, но мы слишком молоды. Она не хотела, чтобы ты упускала этот шанс из-за меня, хоть и не говорила об этом в открытую.

— Проклятье, — сказала я тихо, приложив ладони к глазам. — Почему она сделала это?

Он схватил меня за плечи.

— Потому что она любит тебя. И она была права. Это была прекрасная возможность, часть твоей истории и твоего наследия... она была права, Коко. Ты должна была поехать, я понимаю это.

— Но это не должно было быть их решением, — продолжила я со злостью, отталкивая его руки от себя. — И также оно не должно было быть твоим. Оно было моим, а вы забрали у меня это право.

— Я знаю, и сожалею об этом. Столько всего сложилось бы по-другому, если бы я был

честен с самого начала. Я ненавидел себя, что солгал тебе.

Мы смотрели друг на друга какое-то время, и каждый из нас вспоминал, что последовало далее.

— Ты вернулся следующим вечером. Почему тогда ты не рассказал мне правду?

— Клянусь, я собирался, потому что не мог отпустить тебя в Париж с мыслями, что я предал тебя. Не после того, как я так упорно пытался заработать твое доверие после всех других измен. И я планировал рассказать тебе правду и сказать, что счастлив за тебя.

Я фыркнула.

— Ты не особо придерживался этого плана.

Он покачал головой.

— Один взгляд на тебя, и я сломался, умоляя тебя принять меня обратно.

Эта деталь принесла мне немного удовлетворения.

— Ты умолял, да.

— На коленях.

Я вздохнула, закрыв глаза.

— Мы выпили много виски в тот вечер.

— Я все еще имею в виду каждое слово, которое сказал.

Я немного приоткрыла глаза.

— Ты сделал мне предложение в тот вечер.

— Полагаю, мне понравилось стоять на коленях.

Я плеснула в него водой.

— Не шути. Это серьезная тема.

Он потер глаза.

— Извини, да. Я сделал тебе предложение. Это было спонтанно, но я хотел этого — я хотел жениться на тебе. Я хотел вечность с тобой. В моей голове это было идеальным решением. Я бы женился на тебе, ты бы поехала во Францию, но в качестве моей жены, хоть никто не знал бы об этом, и мы бы остались вместе. У нас был бы этот великолепный секрет. Я бы был уверен, что ты вернешься ко мне и не сбежишь к какому-нибудь ослу с титулом и трастовым фондом.

— Я бы никогда так не поступила, — сказала я. — Я никогда не хотела никого другого.

— Может быть, но я был молод и глуп, был напуган, и терял рассудок из-за тебя. Поэтому сделал предложение.

— О боже, — сказала я, касаясь лба кончиками пальцев. — Какой дурдом... мы полетели в Вегас, поженились, и затем, конечно же, я отказалась ехать, потому что стала твоей женой.

Ник медленно кивнул.

— Мы так сильно спорили об этом в ту ночь. Помнишь?

Я посмотрела на него сокрушенно.

— Как я могла забыть свою брачную ночь?

— Мне жаль, — сказал он надломившимся голосом. — Ты заслужила лучшую брачную ночь.

Я отвернулась от него, продрогшая до костей, но не готовая закончить разговор.

— Часть ночи была хороша. — Закрыв глаза, я представила его тело над моим в темноте гостиничного номера, его тело между моими бедрами, его кожа мягкая и теплая, такая же, как и его голос. Он говорил: «Моя жена», погружаясь глубже в меня. *Моя жена.*

Он прочистил горло.

— Да, та часть была изумительной. Ты уснула первой, и я наблюдал за тем, как ты спишь. Ты была такой красивой.

Я тяжело сглотнула.

— Тогда почему ты покинул меня? — мой голос дрожал. Я должна была задать этот вопрос. На протяжении семи лет я боялась ответа, но сейчас я собралась с нервами и повернулась к нему лицом.

— Расскажи мне сейчас. Почему ты оставил меня таким образом?

17 глава

Ник поднял обе руки.

— Прежде чем я расскажу тебе, позволь сказать, что ни одна причина не была достаточно хороша. Но в то же время, для меня это имело смысл.

— Просто скажи мне.

— Ладно. Я наблюдал за тобой, пока ты спала, и обдумывал все, что хотел бы сделать для тебя. Все, чего ты заслуживала. И то, что ты заслуживала, намного перевешивало то, что я мог предложить. Я только что потратил весь баланс своей кредитной карточки на кольца и номер в отеле. Я был по уши в долгах.

— Мне был важен ты, а не твой банковский счет, — сказала я сквозь зубы. Он ведь не собирался спихнуть всю вину на деньги? Какое оскорбление.

— В конце концов, все было бы именно так. Ты понятия не имела, каково это, жить без денег. И до сих пор не имеешь.

Я подбросила руки в воздух.

— Как ты смеешь так говорить? Я вышла за тебя замуж! Это не я изменила свое мнение! А ты. — Я ткнула пальцем ему в грудь. — Поэтому даже не пытайся оправдаться тем, что я думала, будто ты недостаточно богат для меня или что-то в этом роде. Это все только в твоей голове.

— Дело не только в деньгах, Коко. Я лгал о том, что думал об этой программе, и о том, как хотел этого для тебя. Я думал об этой возможности и понял, если бы ты была моей дочерью, или у нас когда-нибудь была дочь, я бы хотел для нее этого же. — Он положил руку на грудь. — Я понимал, что чувствовали твои родители. Когда ты любишь кого-то, ты хочешь для него только лучшего, даже если это предполагает какую-то жертву.

Я сердито посмотрела на него.

— Так это было из-за моих родителей? Ты бросил меня, потому что внезапно понял их? Ну, надеюсь, они чертовски оценили это, — сказала я с горечью. — Не удивительно, что они так помогли с нашим разводом.

Ник покачал головой.

— Дело не только в них — дело во мне. Я начал думать, что однажды ты проснешься и пожалеешь, что не уехала. И это будет моей виной. И даже если бы ты говорила, что не обижаешься на меня, ты должна была бы — потому что я поступил эгоистично. Я лишил тебя невероятной возможности. В глубине души я знал, что выйдя за меня замуж, ты не уедешь. Мне казалось, что оставить тебя — будет бескорыстным поступком.

Открыв рот, я пялилась на него целых пять секунд.

— Ты придурок! — мне так хотелось ударить его по лицу, но я брызнула водой на него. — Оставить меня казалось тебе неэгоистичным — ты, бл*дь, издеваешься надо мной? — я выпучила глаза. — Ты разрушил меня! Ты сломил меня! Я была... — я покачала головой, не в состоянии придумать слово, которое адекватно выразило бы мое эмоциональное состояние. — Опустошена!

Ник вытер воду с лица.

— Мне жаль. Это был неправильный поступок, сейчас я понимаю. Но я запаниковал, Коко. И когда я попытался извиниться, ты больше со мной не разговаривала. Не отвечала на мои смс, сбрасывала звонки, не остановила бракоразводный процесс.

— Мне было больно, Ник. Я любила тебя, а ты бросил меня. — Это не могло быть реальным. Он оставил меня ради моего благополучия? Нет. Нет. Он не был героем в этой истории. Он не был хорошим парнем. На протяжении всех этих лет я носила в себе эту злость, и он не избежит ее, потому что у него были добрые намерения. — Ты хоть понимаешь, каково это — проснуться на следующее утро и понять, что ты ушел? Увидеть гребаную записку на тумбочке? Твое обручальное кольцо рядом с ней? — Боль и унижение того утра вернулись ко мне в десятикратном размере, непрерывно ударяя меня в живот. — Знаешь, я сразу и не поняла, что ты сделал. Меня не осенило, не было никакого немедленного понимания, что означала эта записка. Сначала я даже подумала, что это шутка.

Ник выглядел несчастным, но кивнул.

— Продолжай. Я заслужил это.

— Заслужил, но я даже не знаю, какие слова использовать, чтобы описать, каким был тот день.

Как я могла описать медленный, тошнотворный страх, который накатил на меня после нескольких беспорядочных ударов сердца, когда я проверила ванную комнату? Как я могла описать ему ощущение, когда осознание, словно шар для боулинга упало в мой желудок, когда я увидела отсутствие его чемодана? Как я могла объяснить ему, что чувствовала, когда включила телефон и увидела эти два слова от него, как две пули в моем сердце?

Прости меня.

— Ты знаешь, как я долго лежала в кровати и рыдала? Надеюсь, что ты изменишь свое мнение? Часы шли, и чем дольше я лежала, тем яснее становилось — ты не вернешься. Ты извинился не за то, что сделал это, а за то, что мне было больно. И тем не менее, я осталась там. На весь день и ночь. Отчаянно молилась, чтобы ты вернулся. Вдыхала запах от простыни, на которой мы спали. Плакала так сильно, что мне стало плохо. Наконец, я посмотрела правде в глаза — ты ушел. И ты не любил меня достаточно, чтобы вернуться. — Неистовая злость, которую я чувствовала пару минут назад, сменилась печалью, которая угрожала разорвать меня. Мое зрение было размытым, и я раскачивалась в воде. Ник схватил меня за плечи.

— Поверь мне, Коко, любил. Я любил тебя больше, чем думал это возможно, и оставить тебя было самым сложным решением, которое я принял. Мне тоже было плохо. Я заставил себя сесть на самолет, я не разговаривал ни с кем два дня, не ел и не мог спать.

Я сощурила глаза.

— Я должна пожалеть тебя? Потому что я не собираюсь.

Ник опустил руки в воду и выдохнул.

— Нет. Я не заслуживаю твоей жалости. Даже не знаю, зачем рассказываю тебе все это

— понимаю, это не компенсирует моего поступка.

— Нет, не компенсирует.

— Ударь меня, — сказал он внезапно.

— Что? Ты спятил?

— Нет, я серьезно. Ударь меня — я заслуживаю это. — Он закрыл глаза и убрал руки за спину. — Так сильно, как хочешь. Столько раз, сколько захочешь.

Он выглядел смехотворно.

— Заткнись.

— Давай, ударь. Знаю, ты хочешь. Ты хотела этого все эти годы, сейчас выпал шанс. Давай, ударь меня.

Я устала на него в неверии. Честно говоря, часть меня хотела ударить его. Как он посмел рассказать мне все сейчас, спустя годы, когда у него было столько шансов быть честным прежде, но он лгал мне, манипулировал мной, и все испортил? И что насчет его семилетнего молчания после развода?

Другая часть меня хотела поцеловать его, сказать, что все будет хорошо, у нас все получится. (Но это была очень-очень маленькая часть. По большей части, мне хотелось его ударить).

Он открыл один глаз.

— Ты собираешься сделать это?

Я сердито посмотрела на него.

— Нет, придурок. Я не буду тебя бить. Однажды я ударила тебя и не почувствовала себя лучше.

— Ночью, когда мы расстались.

— Да. — Я посмотрела на правую ладонь. — Вероятно, моей руке было больнее, чем твоему лицу.

— Вероятно. Напомни мне научить тебя наносить удар.

Я сжала руку в кулак.

— Я готова к уроку.

Этот ублюдок не смог сдержать улыбку.

— Это твой кулак? Коко, ты не можешь бить, сжав так руку. Ты сломаешь большой палец. — Он разжал мой кулак и вытащил большой палец над остальными, продолжая держать мою маленькую руку в своей большой. — Вот так.

— Спасибо. — Я устала на наши руки. — Полагаю, если когда-нибудь на меня нападет неудовлетворенная невеста, мне лучше быть готовой.

Ник слегка улыбнулся и убрал руку с моей.

— Могу я задать один вопрос?

Я пожала плечами, несчастная и равнодушная.

— Ты возвращалась в университет после Вегаса?

— Только чтобы забрать вещи. Экзамены были сданы, и у меня не было причин находиться там. К тому же там все напоминало о тебе. Было слишком больно.

— Я знаю, я тоже это чувствовал.

Это удивило меня.

— Да?

Он кивнул.

— Я подал документы в кулинарный институт, и меня приняли. Я поехал туда осенью,

но, Коко, ты должна поверить мне, что я хотел вернуть тебя. Я звонил, писал. Я даже приезжал к дому твоих родителей, но ты уехала.

— Мы с мамой отправились в отпуск.

— Бабушка говорила тебе, что я приезжал?

— Да, говорила. — И я пошла в ванную нашего номера в отеле в Риме, и выплакала все глаза под душем. Если мама и заметила мои опухшие глаза, то не подала виду.

— Ситти всегда любила тебя, потому что ты был католиком. И потому что готовил и выспрашивал у нее рецепты. Но этого было недостаточно, чтобы поменять мое решение. Я все еще не хотела слышать твои гребаные извинения.

— Понимаю. Было очевидно, что ты хотела именно развода. В конце концов, я решил, что просто должен оставить тебя в покое.

Мои глаза расширились.

— В покое? У меня не было никакого покоя, о котором ты так беспокоился. Все эти годы. Может, даже и сейчас нет! — я ударила себя в грудь. — Я так и не оправилась от этого. Я так и не пережила твой уход. — Казалось, что своим признанием, я вырезаю собственное сердце. Я разразилась слезами, и Ник сгреб меня в свои объятия. Может, это было глупо, но я продолжила, плача у его плеча. Все это было таким чертовски печальным. Не то чтобы я сожалела о поездке в Париж — это был удивительный опыт, я бы хотела этого для своих детей — Ник был прав насчет этого. Но...

— Ты отказался от меня. Отказался, — продолжила я. — Ты уехал, поэтому уехала я. Ты мог бороться упорнее, дольше. Я вернулась из Парижа летом следующего года и больше ничего не слышала от тебя.

— Я не отказался от тебя, Коко, но я не знал, что еще предпринять. У меня не было смелости прийти к тебе после всего, что произошло. Я думал об этом миллион раз.

Я сделала несколько глубоких, успокаивающих вдохов и отстранилась от него.

— Это к лучшему. Не думаю, что я бы выслушала тебя. Я была слишком зла, чтобы простить тебя.

— А сейчас?

Мы смотрели друг на друга долгое время, в течение которого осознали, что второго шанса могло и не быть.

— Я не знаю.

Ник сделал глубокий вдох.

— Коко, не было и дня, чтобы я не жалел о том, что случилось между нами. Я думал, что делаю все правильно, но совершил ошибку. Она стоила мне любви всей моей жизни.

Мои губы приоткрылись.

Поспорь с ним. Скажи, что это не так. Скажи то, что планировала, прежде чем прыгнула в озеро. Скажи, что снова его полюбила, а может, никогда не прекращала. Скажи, что принимаешь его извинение. Признай, что тоже совершила ошибки, что знаешь, каково это — действовать импульсивно, что в действительности, большая часть восторга из-за его спонтанного предложения была потому, что это больше похоже на тебя, а не на него. Скажи, что знала, что это плохая идея, что ты понимала, что родители и друзья должны быть частью твоей свадьбы, что свадьба в Вегасе была не тем, о чем мечтает молодая девушка. Откровенно признайся, что ты заказала эти билеты в Неваду через пару минут после согласия на предложение, используя свою кредитку, потому что боялась, что он изменит свое мнение. Скажи ему, что рассматривала замужество как способ удержать

его, как гарантию, что он больше ни с кем никогда не перестит. Скажи ему, что видела это как способ показать родителям, что они не могут тебя контролировать.

Скажи ему, что ваши обручальные кольца все еще в твоей шкатулке.

Скажи ему, что плакала в тот день, когда изменила свою татуировку.

Скажи ему, что набьешь его имя снова.

Скажи ему, что можешь быть достаточно безумной и сбежать с ним снова.

Скажи ему, что рядом с ним ты чувствуешь себя живой.

Скажи ему, что рядом с ним ты все чувствуешь.

В моей голове слова были правильными. Но если я произнесу их, значит, сорву каждый уровень защиты с моего сердца и открою рану.

Я хотела сказать, но промолчала.

Я до смерти боялась быть раненой.

18 глава

Ник вздохнул и потер лицо руками.

— Может, ты была права. Все эти разговоры о прошлом — отстой.

Я кивнула, сглотнув ком в горле.

— Готова возвращаться? — спросил Ник. — Мне нужно начать готовить ужин.

— Да. — Но от мысли бежать назад, мои конечности отяжелели в воде. Обсуждение прошлого истощило меня. Я поплелась к лестнице причала, и Ник жестом показал мне взбираться первой.

— Я бы хотел иметь большое теплое полотенце, чтобы обернуть тебя в него, — сказал он, когда я выпрямилась, с моей одежды стекала вода. Я дрожала, но не от холода.

— Я в порядке. — Отжав воду со своего хвоста, я поплелась к своей обуви, лежащей в траве, мои ноги дрожали, а ступни утопали. — Полагаю, мне нужно было остановиться и снять носки. — Я посмотрела на них, поморщив нос.

— Да, но тогда бы ты не победила меня, первой оказавшись в озере.

— И правда. — Я натянула кроссовки и наклонилась, чтобы завязать их, борясь с желанием пошутить, но я еще не была готова к этому.

Ник сел на траву, чтобы натянуть носки и кроссовки.

— Готова бежать обратно? Или предпочитаешь просто пройтись?

Я выпрямилась, сняла мокрую резинку с хвоста и потрясла свои мокрые волосы.

— Думаю, я бы прошла, а ты иди вперед. Знаю, что тебе нужно готовить ужин.

Он поднялся на ноги.

— Нет, все нормально. Я могу пройтись с тобой.

— На самом деле, Ник, я бы хотела побыть одной.

Он кивнул.

— Ты знаешь, как добраться назад?

— Повернуть налево, когда выйду на дорогу?

— Да, — он упер руки в бедра, посмотрев на тропинку между деревьями, и затем снова на меня. — Уверена, что все хорошо?

Я сделала глубокий вдох, концентрируясь на натягивании на руку резинки для волос.

— Со мной все будет хорошо, правда. Разговор был тяжелым для меня. Он пробудил

множество чувств, которые я изо всех сил пыталась забыть. Но я большая девочка. — Ухитрившись слегка улыбнуться, я подняла голову и махнула ему. — Беги, скоро увидимся.

— Хорошо. — Он начал бежать между деревьями, один раз оглянувшись через плечо. Я подождала, и когда он скрылся из виду, начала идти.

Поморщив нос во время первых шагов в мокрой одежде, я обхватила себя руками за талию и начала медленно идти. Я сказала Нику, что хочу побыть одна и подумать, но я была не в состоянии сделать хоть какие-то выводы о том, что сейчас произошло. Так много чувств сражалось внутри меня. Больше всего мне было грустно? Больно? Страшно? Я злилась? И на кого злилась больше всего? На Ника? На своих родителей? На себя?

Я повернула налево на грязной дороге и признала правду. Я все еще любила его. Если бы это было не так, ничего из этого не имело бы значения. Переосмысливать нашу историю было бы не так больно. Но прежде любви было недостаточно, чтобы между нами все было хорошо. Откуда мне знать, что на этот раз будет по-другому? Что если я никогда не смогу доверять ему? Что если он из тех людей, кто одобряет ложь ради хороших намерений? (О боже. Я должна позвонить Миа и рассказать правду об Анджелине). Что если он все еще такой же любитель пофлиртовать... смогу ли я справиться с этим? Особенно сейчас, когда он знаменит. Он будет часто вдали от меня: путешествовать, работать, общаться со знаменитостями. Мне придется свыкнуться со всеми слухами из интернета и селфи с разными симпатичными девушками, а также с фото папарацци, на которых он будет с женщинами — знаменитыми, красивыми и состоятельными.

По крайней мере, мы больше не будем ругаться из-за денег. Я с радостью позволю ему платить за ужин, когда бы он ни захотел.

Но что насчет моей обиды? Смогу ли я пережить ее? Я бы хотела верить, что смогу, хотела бы верить, что настанет день, когда я посмотрю на него и не вспомню о гребаной записке прощания. О кольце на тумбочке. О сообщении. Я хотела простить, забыть и двигаться дальше. Так почему я не могу сделать это? Когда он назвал меня любовью всей своей жизни, в моем мозгу крутилось множество фраз, но я не смогла заставить себя произнести ни одну из них.

О боже, это плохой знак? Что если Вселенная пытается предупредить мне, не быть снова одураченной им? Один раз я уже обожглась. Почему я должна давать ему шанс сделать это снова? Какой дурак второй раз укусит гнилое яблоко?

Подходя к дому, я поклялась придерживаться первоначального плана. Никаких отношений, обещаний, больше никаких разговоров о «любви всей моей жизни». Никаких вторых укусов. Мы друзья, ничего большего.

Как раз в этот момент бабочка данаида монарх пролетала возле меня, и я почти улыбнулась. Это хороший знак, ведь так? Хороший знак, что я приняла верное решение, и Вселенная поддерживала меня.

Так и должно было быть, но как раз после этого я посмотрела в окно спальни Ника и увидела, как он оборачивается в полотенце после душа.

Затем я споткнулась о корень дерева, упав на четвереньки, тихо ругаясь себе под нос.

Черт. Почему гнилое яблоко так хорошо выглядит?

#

Мне удалось проскользнуть вверх по лестнице и остаться незамеченной, хотя я слышала

голоса с кухни и видела еще больше машин, припаркованных на подъездной дорожке. Ник как обычно поставил мой чемодан в спальне со своей сумкой, но я перенесла его в комнату, в которой остановилась, все еще слишком смущенная, чтобы делить кровать с Ником в доме его бабушки. И возможно, так было лучше. Мои планы были хороши, но я не полностью доверяла себе, поэтому и должна была поговорить с Миа. Мне нужно было услышать чье-то одобрение, что я была права, отказывая Нику во втором шансе. Миа не выносила Ника, поэтому была беспроблемным вариантом.

Зайдя в комнату, я закрыла дверь и задернула штору. После того как я стянула свою мокрую одежду, я бросила ее в плетенное кресло в углу, в надежде, что она высохнет, прежде чем я снова ее запакую.

Кто-то, вероятно, это Ник, позаботился и положил два огромных серовато-зеленых полотенца на кровать, и я обернула одно вокруг себя, достав телефон из сумочки, и легла на кровать.

Скрип.

Шумная как никогда. Хорошо.

У меня было несколько сообщений от Анджелины, которые я проигнорировала, и одно от Миа о просьбе перезвонить. Сморщив нос, я столкнулась с фактом, что должна рассказать ей все, если хочу получить совет.

— Алло?

— Привет, это я.

— Слава Богу. Весь день у меня такое чувство, что с тобой что-то не так. Все хорошо?

Я вздохнула. У нас с Миа была такая хорошая связь. Мне нужно было быть честной с ней с самого начала.

— Все хорошо, но я должна кое в чем признаться.

— Ты взялась за вечеринку.

— Я взялась за вечеринку.

Она вздохнула.

— Я знала. Послушай, я буду в состоянии дзэн по этому поводу. Лукас сказал, что я должна перестать переживать об этом, потому что я уезжаю, а ты здесь, и я доверяю тебе. Поэтому я собираюсь вдохнуть, расслабиться и сказать: у тебя все получится, Коко. Потому что лучше бы тебе, черт побери, справиться.

— Все так и будет, клянусь. Все пройдет замечательно. Но мне нужно кое о чем с тобой поговорить.

— О боже. Что?

— Расслабься, все не так уж плохо. — Я зажмурила глаза и вздохнула. — На самом деле плохо. Или будет. Я не знаю.

— Скажи уже! Ты убиваешь меня!

— Ладно. Это связано с Ником Лупо.

Тишина.

— Миа?

— Я знала, что что-то грядет, с момента, как он зашел в «Зеленый час».

— Он сказал, что видел тебя, и ему понравился Лукас.

— Да, Лукасу он тоже нравится, к моему возмущенному недовольству. Он говорит, мы не должны судить людей по их прошлому.

— Он хороший человек. Мы нет.

— Ха, ладно. Итак, ты столкнулась с Ником Лупо.

— Несколько больше, чем просто столкнулась... — Я рассказала ей о настойчивой просьбе Анджелины о присутствии Ника на вечеринке, о том, как видела его в ресторане, о наших шотах в баре и сделке, которая включает в себя совместные выходные.

— О нет. О боже. Скажи, что не согласилась.

— Эммм... Сейчас я на ферме его бабушки.

— Коко!

Я коснулась пальцами одного виска.

— Просто дай мне объяснить. Потому что все сложнее, чем ты думаешь. Ты кое-чего не знаешь, мы не просто расстались два года назад... на самом деле мы были женаты.

Тишина.

— Ты здесь?

— Я здесь. Просто... в шоке. Вы, ребята, поженились? По-настоящему?

— Да, но это было ошибкой. — Я крепко зажмурила глаза, сделала глубокий вдох и рассказала ей всю историю, с первой капли виски, которую мы выпили в ночь, когда он сделал предложение, до последней слезы, которую я пролила в гостиничном номере.

— О боже мой, Коко! Ты молчала все эти годы! Не могу поверить... ты ужасно хранишь секреты!

— Это был больше, чем секрет. Это была ужасная, постыдная, болезненная ошибка. И я просто хотела похоронить ее. Я хотела поехать в Париж, забыть его, забыть все. И в какой-то степени все получилось.

— Не удивительно, что он продолжал спрашивать, как с тобой связаться — и не удивительно, что ты сказала не рассказывать ему. Иисус, Коко. Бедняжка! Сожалею, что ты прошла через это одна. Ты должна была рассказать мне! Я была бы рядом с тобой!

— В конце концов, я пережила это, Париж помог.

— Да... Париж волшебный.

Я улыбнулась — Миа и Лукас познакомились в Париже.

— Но, как оказалось, я не пережила его, как думала раньше.

— Конечно, нет. Как я и сказала, я подозревала, что-то грядет, когда он только вернулся в город. Вы двое не могли быть на расстоянии пятидесяти миль, не чувствуя этого. Как магнитное поле или что-то подобное.

— Нас точно все еще влечет друг к другу. И сегодня днем он признался, что все еще любит меня. И я думаю... — я сглотнула и заставила слова слететь с губ. — Думаю, возможно, снова влюбляюсь в него. На самом деле, я уверена.

— Коко, послушай меня, — тон Миа был серьезным. — Ты не можешь принять его обратно. Его поступок непростительный!

— Но он извинился. — Я рассказала ей про разговор в озере, ее крики и возмущения подсказали мне, что она зла и возмущена по поводу его лжи и дурацкой логики также, как и я.

— Что он сказал?

Я встала с кровати и направилась к комоду, проводя ногтем большого пальца вдоль лакированного края.

— Сказал, что сделал так ради меня. Думал, что поступает правильно и после этого пожалел. — Я закрыла глаза. Какого хрена я делала? Оправдывала Ника? Разве я не звонила Миа, чтобы она успокоила меня, что я поступаю правильно, не вступая в отношения с Ником

снова?

— Сожаление не оправдывает этот поступок, — сказала она со злостью. — Сожалеть можно: «Упс, извините, я наступил вам на ногу», «Упс, извини, я забыл про твой день рождения». Сожаление не сработает, если ты бросил свою жену в брачную ночь.

— Я понимаю, так же как и он. — Развернувшись, я прислонилась к комоду. — Он сказал, что ни дня не прошло без мыслей обо мне и сожаления о своем поступке. Он назвал меня любовью всей своей жизни.

— Брр! — взорвалась она. — Тогда ты тоже была любовью его жизни. Не то чтобы он только осознал это. Он сказал мне, что ты любовь всей его жизни, когда умолял дать твой адрес в Париже. Он даже не сказал мне, что ты была его женой.

— Прежде он не говорил мне, что я любовь всей его жизни. И затем я не дала ему и шанса.

Она затихла на мгновение.

— Считаешь ли ты его любовью своей жизни?

— Не знаю. Что если так и есть? Что если нам предназначено быть вместе?

— О боже. У тебя есть предчувствие насчет этого или что-то подобное?

— Я думала. Но когда мы поговорили о прошлом я разозлилась, и мне снова стало больно.

— Ты простила его?

— Я сказала ему, что да.

— А на самом деле?

Я закрыла глаза, ощущая тяжесть во всех конечностях.

— Нет. Не простила. Но я все еще люблю его, — сказала я беспомощно. — Потому что он милый, забавный сексуальный, и так хорошо меня знает. Он понимает меня. И так хорош в сексе.

— Но он лжет. Флиртует. И он бросил тебя. — Она вздохнула. — Твой список длиннее моего.

— Я знаю, никто не идеален, — сказала я. — он не тот человек, которым был тогда. Как и я.

— Тогда ладно... Что нужно сделать, чтобы ты простила его?

Я выпрямила плечи.

— Честно сказать, я не знаю. Но если я не смогу разобраться, значит, нет никакого счастливого конца. Я люблю его, но не хочу быть в отношениях, которые с самого начала отравлены обидой и недоверием. Как я могу быть уверенной, что он не сделает что-то подобное?

— Я не знаю, — сказала она тихо. — Полагаю, тебе нужно заняться самоанализом и понять, есть ли способ, которым он снова может заработать твое доверие. — Она громко выдохнула. — Послушай, я не была большой поклонницей Ника многие годы, но я верила, что он любил тебя. Может, все еще так и есть. И я также знаю, что любовь включает в себя риски, когда ты не знаешь, как все обернется. Но главным образом, я знаю одно, Коко — ты заслуживаешь своего счастливого конца.

Я улыбнулась, закрыв глаза, чтобы сдержать слезы.

— Спасибо. Люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя. Все будет хорошо.

— Откуда ты знаешь?

— А я и не знаю, — она мягко рассмеялась. — Но у меня хорошее предчувствие.

19 глава

Ник уже был на кухне, подпевая Фрэнку Синатра, когда я закончила разговор с Миа и направилась по коридору к гостевой ванной. Я приняла душ, помыла голову и надела один из взятых с собой сарафанов на бретельках с темно-синим и белым принтом. Так как я не знала, кто еще мог остановиться в комнатах для гостей, я не хотела полностью занимать ванную, чтобы еще сушить там волосы, поэтому я подключила свой фен в розетку позади комода в своей комнате и смотрела в зеркало над ним.

На верхушке комода стояло много семейных фото: снимок бабушки и дедушки Ника, который умер до нашего с Ником знакомства, снимок был сделан примерно пятнадцать лет назад; Ник и целая орава его кузенов сидят на переднем крыльце и едят мороженое; свадебное фото из 1940. Я могла определить время из-за прически «Виктори роллс» у невесты и покроя ее платья, а также широкого галстука на мужчине. Это явно было фото семьи Лупо, но я никого не узнала, даже молодую Нони. Хотя, подождите минутку... Я выключила фен и подняла фото в рамке, чтобы рассмотреть ближе. Справа от жениха и невесты стояла пара средних лет, которая выглядела знакомо, и женщина была такой низкой, что я моментально узнала их — прабабушка и прадедущка Ника, папа Джо и Крошка.

Я не могла сдержать улыбку, когда смотрела на них. Мне нравилось, как они держались за руки, как его тело было слегка наклонено к ней — это казалось нежным и в то же время защитным жестом. А ее красные губы — мне нравились ее красные губы.

Я поставила фото на место и подняла фен. Хоть было шумно, я могла слышать, как Ник и кто-то еще пели на кухне. Я покачала головой: они были такой громкой, неугомонной кучкой людей. Я понимала, как чувствовала себя потрясенной после того, как впервые побывала на мероприятии семьи Лупо. Их шумные воскресные обеды (которые длились весь день), так отличались от степенных, расслабленных ужинов моей семьи, которые начинались равно в шесть часов, заканчивались в семь, и все уезжали по домам к восьми.

Ухмыльнувшись фальшивому исполнению Fly Me to the Moon (бьюсь об заклад, внизу также кое-кто танцевал), я подумала, как удивятся они при виде меня.

Коко, что ты здесь делаешь?

Я трахаю повара. Как дела?

Удивляюсь абсурду, который завладел моей жизнью, я направилась к своему чемодану и расстегнула боковой карман, чтобы найти щипцы для завивки.

Вот когда я заметила свои противозачаточные таблетки.

Моя челюсть отвисла, и я втянула воздух: я забыла принять их прошлой ночью! Трясущимися руками, я достала пятничную таблетку, засунула ее в рот и помчалась по коридору в ванную, засунула голову под кран и начала жадно пить воду. Проглотив ее, я вытерла нос ладонью и медленно выпрямилась. В зеркале над раковиной я увидела красные щеки, расширенные зрачки и страх в глазах. Мое сердце грохотало в груди.

Я закрыла глаза. Боже, как я могла быть настолько глупой? Мы использовали презерватив в первый раз в квартире Ника, но после этого я решила, что он согласен их не использовать. Сегодня в доме я думала о том, как мы испугались беременности в колледже, и все еще не осознала, что забыла принять таблетку!

Пошел ты, Ник Лупо. Ты сводишь меня с ума.

Струйка пота потекла по моей спине, и я вспомнила, что также забыла использовать дезодорант. *Иисус, Коко, что еще ты упустила из виду?* Я проверила, надела ли я одежду, и прошмыгнула к себе в комнату, где разбрызгала дезодорант «Secret. Невидимая защита» под каждую руку. Боже, эффект должен быть больше обычного — я потела как сумасшедшая.

В случае, если это усилит эффект, я сразу приняла и субботнюю таблетку — удвоенная доза казалась хорошей идеей. В своей голове я видела семейные фото Лупо с кучей детворы на них — семья была плодovitой, никаких сомнений. Иисус, у Ника, вероятно, какая-то сверхмощная сперма, которая легко догонит мою надежду на эффект удвоенной дозы. Мой желудок сжался, когда я представила себе его сперматозоидов в форме головастиков, которые прямо сейчас атаковали мои фаллопиевы трубы, смеясь над моими попытками сорвать их цели и препятствовать их миссии.

Трясущимися руками и со скрученным желудком — подождите, это что, утреннее недомогание? Боже, помоги мне — я в оцепенении закончила с волосами и макияжем и проскользнула в свои шлепки, пытаюсь понять, что там с моим циклом. Я пила таблетки всю прошлую неделю, ведь ничего опасного не произойдет? Самое критическое ведь в начале и середине? Я была слишком напугана, чтобы посмотреть.

Бл*дь, бл*дь, бл*дь. Это я виновата. И сейчас мне нужно рассказать Нику. Хотя не во время празднования дня рождения его бабушки. Это будет расцениваться как плохие манеры. Я подожду до завтра.

Мои ноги были неустойчивы, когда я спускалась по лестнице, крепко держась за перила. Голоса с кухни и гостиной становились громче, и я пыталась заставить себя натянуть улыбку и вести себя естественно. *Возьми себя в руки! Ты пропускала прием таблеток прежде, верно?*

Да, но никогда после этого у меня не было незащищенного секса... или вернее сказать, прежде не было. Я дважды предала себя!

Ник дважды предал меня!

Я достигла нижней ступеньки лестницы и положила руку на живот, молясь, — не умоляя — не быть беременной. Затем, натянув фальшивую улыбку, вошла на кухню.

#

Семья Ника была удивлена увидеть меня снова, но они были приветливы и добры, и я как всегда чувствовала себя желанным гостем. В частности, его мама крепко обняла меня и сказала, как была снова рада меня видеть. На ужине я сидела между Ником и его сестрой Кейти, у которой недавно была помолвка и сейчас она задавала множество вопросов о свадьбе. Я пыталась ответить на все, но в основном, я беспокоилась о беременности и набивала желудок. Некоторые девушки, как Миа, не могут есть, когда переживают о чем-то, но не я. Из-за тревоги я ела все, что попадалось под руку, подпитывая все выпивкой.

Со звоном отложив вилку, я потянулась за вином. Подождите. Я не должна пить алкоголь. Черт.

Я снова подняла вилку, надеясь, что никто не заметил, что я подкладываю себе еду не во второй раз, а в третий. В дополнение к тому, что приготовили Ник и Нони, каждый принес по блюду и стол был переполнен едой. Я почти застонала, когда откусывала кусок домашнего итальянского хлеба. Может, на самом деле застонала, потому что пока я жевала, Ник наклонился и прошептал мне в ухо:

— Ничего себе. Ты ешь за двоих? — он толкнул меня в бок.

Я замерла, сглотнула и без комментариев потянулась к стакану с водой. Даже не посмотрев на Ника.

— Я шучу, Коко. Мне нравится твой аппетит. Он меня заводит.

Сейчас мне нужно это меньше всего.

После ужина мы зажгли свечи на торте, спели «С днем рождения тебя» для Нони и сделали семейное фото, пока все стояли вокруг нее. Им пришлось встать вплотную друг к другу, и мне пришлось исхитриться, чтобы все двадцать восемь членов семьи попали в кадр, но я сделала приличный снимок на телефон Ника. Странное ощущение накрыло меня, когда я изучала их лица — если бы все пошло по-другому несколько лет назад, возможно, я бы тоже была на фото, вместо того чтобы снимать его. Может, я была бы счастлива по поводу потенциальной беременности, вместо того чтобы бояться.

Ник потянулся за своим телефоном и передал его Кейти.

— Эй, сфотографируешь нас с Коко?

— Конечно. — Она улыбнулась мне. — Как мило, что вы, ребята, снова вместе.

— Ох, на самом деле, мы не вм... — я начала говорить, но Ник обнял меня за плечо и закрыл мне рот рукой.

— Спасибо. Мы милашки, да?

Кейти сделала снимок, когда я повернула голову, чтобы сердито посмотреть на Ника, а его рука все еще была на моем рту.

— Упс. Еще один?

Ник взял телефон и рассмеялся.

— Нее. Фото идеально.

#

Выбирать между куском пирога Нони, шоколадным тортом Ника, канноли его мамы и любым другим десертом, было настоящим мучением.

— Выбирай торт, — прошептал Ник позади меня. — Он один, и все хотят урвать кусочек.

Я взяла кусок торта, салфетку и вилку и последовала в гостиную, где одна его тетя разливала кофе. Держа блюдце с тортом на колене, я кивнула, когда она предложила мне чашку. Затем вспомнила.

— Ох, подожди... без кофеина?

Она посмотрела на меня немного странно.

— Думаю, да.

— Нужно узнать точно?

— Эм, нет. Все в порядке. Я, пожалуй, откажусь.

Она улыбнулась и перешла к другому человеку, но оглянулась на меня еще раз. Я притворилась, что не заметила ее взгляд на мой живот, хотя почти захотела расплакаться. Мое горло сжалось.

Торт. Просто ешь торт. Думай только о нем.

На самом деле, это было довольно просто, как только я откусила первый кусочек. Шоколадный торт Ника был настолько восхитителен, что даже раздражающие люди, которые говорили «Я не люблю десерты», готовы были растолкать старушек и детей на

своем пути, чтобы урвать последний кусочек. Крем, что черт побери, это было? Ведь я наблюдала, как он делал его. Это была ваниль? На вкус он был как зефир, но я не видела зефира на столе. И как у него получилось сделать эти восхитительные застывшие вершинки, из-за чего они казались хрустящими?

Затем следовал сам торт. Я попробовал тесто и подумала, что вкус был оргазмично хорош, даже лучше крема. К тому же, каждый укус напоминал мне о Нике на кухне — и не только о сексе. Мне нравилось сидеть на столе и наблюдать за его работой, я любила то, как сильно он сам наслаждался этим, как легко все было между нами прошлой ночью. Почему все должно усложняться? Ник был как удивительная пара туфель на платформе, которая каким-то образом умудрялась быть дико сексуальной и в то же время удобной. Будет ли у меня такое же сексуально-комфортное ощущение с кем-то еще? Как жестоко, что нам всегда было так легко дружить, и тем не менее, это мешало мне полностью доверять ему.

Но сейчас появилась еще одна загвоздка. Если я была беременна, у нас с Ником будет довольно серьезный разговор, как жить дальше. Я так сильно хотела знать наверняка, но ведь было очень рано делать тест. Мне нужно подождать, пока у меня будет задержка. Я быстро посчитала дни — мои критические дни должны начаться во вторник на следующей неделе. Может, есть тест, который я могла бы сделать на несколько дней раньше.

— Коко? — голос Ника донесся сквозь туман в моей голове.

— Извини, что? — я совсем не обращала внимания на разговор.

— С тобой все хорошо? — он говорил очень тихо, чтобы никто не мог услышать, положив руку мне на плечо. — Ты внезапно очень побледнела.

О боже, была ли бледность признаком беременности? Ведь нет?

— Ник. — Моя тревожность превзошла мои манеры. — Я должна сказать тебе кое-что. Наедине.

Забрав пустую тарелку с моих коленей, он встал и предложил мне руку. Я поднялась. Дерьмо, натянулась ли ткань на талии моего платья слишком туго, или я это выдумала?

Прекрати. Это предполагаемый ребенок, не настоящий.

Ник направлялся на кухню, где поставил наши тарелки в раковину, прежде чем взял меня за руку и потянул через заднюю дверь. Как только она закрылась за нами, он повернулся ко мне, его брови были нахмурены.

— Что случилось?

— Я... я совершила кое-что глупое, — я сглотнула, не в состоянии выговорить остальные слова, и сцепила пальцы вместе.

— Что? — он расставил ноги шире и скрестил руки. Даже в сумраке я видела замешательство на его лице. — Так, расскажи мне. Не может быть ничего плохого.

— Может. — Я сделала дрожащий вдох, чувствуя, как дыхание было готово вырваться наружу. — Я забыла принять таблетку прошлой ночью.

Его глаза расширились.

— Таблетку?

Я медленно кивнула.

— Ту самую таблетку, — прошептала я, мои глаза наполнились слезами. — И мне страшно.

— Ох, кексик. — Ник сгреб меня в объятия и крепко прижал к своей груди. — Все будет хорошо. Давай прокатимся.

Обнимая меня за плечи, он повел меня вокруг дома к своей машине.

— Куда вы? — спросил женский голос с крыльца. Возможно, Кейти.

— Короткая поездка, скоро вернемся. — Он открыл дверь для меня и пошел к водительскому сиденью. Не утруждая себя опусканием откидного верха, он отъехал от дома и направился по той же грязной дороге, по которой мы бежали. Я опустила стекло, все еще нуждаясь в свежем воздухе. Мы продолжали ехать, пока не достигли дороги, которая вела через фруктовый сад. На полпути Ник остановился и заглушил двигатель.

Я посмотрела направо... куда-то в сторону, где я потеряла свою девственность с мужчиной, который сейчас находился рядом со мной. Осенней ночью, когда воздух был прохладно-свежим. Я вспоминала, как лунный свет едва просачивался сквозь ветви на землю, где мы лежали в тени.

Я не боялась. Я ярко помнила это. Я немного сопротивлялась — в конце концов, я не хотела, чтобы Ник решил, будто я легкодоступная — но правда была в том, что я не могла дожидаться, чтобы разделить свое тело с ним, и чтобы он разделил свое со мной. Я задумывалась, каково будет ощущать его внутри себя? Я хотела его, хотела, чтобы он был тем, кто покажет мне это. Я хотела почувствовать возбуждение от этого действия вместе.

Потому что, конечно же, я думала, что он тоже девственник.

Я помнила, как сначала той ночью он довел меня до оргазма своим языком, оставив мою плоть влажной, набухшей и готовой для него. Затем я потянула его вверх по своему телу, вытянув руку между нами, чтобы освободить его член из джинсов, и мое сердце бешено стучало. Детали были такими четкими в моей голове — платье с цветочным принтом и красный кардиган, ощущение того, как юбка собралась складками на моей талии, хруст листьев под покрывалом, вкус яблока и корицы в его поцелуях, его влажный рот. Взгляд на его лице, когда он в первый раз толкнулся в меня, сантиметр за сантиметром, и то, как я крепко сжимала его футболку в кулаках. Желая расслабиться, принять его, я глубоко вдохнула, и мои кулаки расслабились. Он шептал мне: *Боже, ты такая узкая. Такая узкая и мокрая. Так невероятно быть в тебе.*

— Я все еще могу ощущать это, знаешь, — заговорила я, не отрывая взгляда от фруктового сада. — Тот первый раз. Ты был нежен со мной. — Пульсация между ног нарастала, и я сжала бедра вместе. Достаточно воспоминаний.

— Да.

— Ты все время спрашивал, в порядке ли я.

— Я очень нервничал.

— Думаю, не больше, чем я.

— Я не хотел причинить тебе боль. И не хотел, чтобы все прошло слишком быстро, а в то время это было проблемой.

Я посмотрела на него.

— Ты знал, что делать. — Тонкое напоминание, что он солгал о своей девственности.

— Так не казалось. В действительности, это ощущалось больше как первый раз, чем мой настоящий первый раз, который, честно говоря, был чертовски ужасен. Ужасный и очень-очень быстрый. Не то чтобы я реально переживал об этом. — Он вытянул руку и взял мою. — С тобой я переживал. Я так сильно хотел тебя, но также хотел, чтобы все было идеально.

Я был так сильно влюблен в тебя.

Казалось, кто-то сжал рукой мое горло.

— Это было идеально.

— Я не хотел, чтобы это заканчивалось.

Я выдавила улыбку.

— Даже ты не можешь продержаться так долго.

— Я не имел в виду секс. Я говорил о нас. — Он поднес тыльную сторону моей ладони к губам. — Я не хотел, чтобы наши отношения заканчивались. И до сих пор не хочу.

Я пыталась вырвать свою руку, но он крепко держал ее.

— Ник, перестань.

— Иди сюда, пожалуйста. — Он нагнулся к пассажирскому сиденью, взял меня под руки и перетащил себе на колени так, что мои колени были по обеим сторонам его бедер. — Давай обсудим это. О чем ты думаешь?

— Я не могу разговаривать... я едва могу думать. — Я уперлась в его плечи, держа его на расстоянии вытянутой руки. — А сидение на твоих коленях не облегчает задачу.

Он усилил хватку на моих бедрах, слегка приподнявшись.

— Я понимаю, это сложнее. И. Очень. Твердо.

Я вздохнула раздраженно.

— Не смешно, Ник. Нам нужно серьезно поговорить. Я по-крупному облажалась! Я была такой глупой все выходные.

— Нет, не говори так, ты наслаждалась собой. Так сильно, что твоя регулярная рутина выскочила из головы. Ты же человек.

— Но это «выскочило из головы» может привести к беременности. Ты понимаешь? К ребенку. Я точно не способна быть родителем!

— Ты не будешь одна, Коко, я здесь.

— Ты тоже совершенно неспособный!

— Эй, да ладно тебе. Я говорил тебе, что хочу детей.

— Но не так. С твоей бывшей девушкой, которая...

— Бывшей женой на самом деле. Эй, давай снова поженимся! — сказал он, как будто это была лучшая за годы идея.

— ... бывшей женой, которая не простила тебя за твой поступок, и вероятно, никогда не простит. И ты можешь, пожалуйста, перестать делать мне предложения совершенно неожиданно?

— Извини. Я просто увлекся, когда ты сказала про ребенка.

— Я не хочу иметь от тебя ребенка, Ник. И я не хочу снова за тебя замуж.

Ник замолчал на несколько секунд.

— Ауч. Не уверен, что из этого ранит больше.

Я закрыла глаза и попыталась переосмыслить то, что сказала.

— Извини. Я не хотела задеть твои чувства, и если я окажусь беременной, это может все изменить, но прямо сейчас, Ник... я не очень хорошо чувствую себя по этому поводу. Я бы хотела обратного. Я бы хотела принять твои извинения, понять твои оправдания, простить и забыть все, но я не могу. Потому что не знаю, как доверять тебе.

— Почему нет? — Его руки замерли у меня на бедрах. — Скажи мне, что сказать, и я скажу. Скажи, как повлиять на твое мнение. Я люблю тебя и не хочу отказываться от нас.

— Но ты отказался! Ты уже сделал это! — меня поразило, что, возможно, именно из-за

этого я не могла пережить эту ситуацию, даже если я бы простила его за то, что он бросил меня в Вегасе, я не смогу избавиться от чувства, что он недостаточно старался вернуть меня, если действительно хотел этого. — Если ты и правда сожалел, что назвал нашу женитьбу ошибкой, тебе нужно было упорнее пытаться найти меня, удержать меня, даже после того как я вернулась из Парижа.

— Но я пытался! Ты развелась со мной через шесть дней!

— Я хотела сделать тебе больно, как ты мне.

Он выдохнул и откинул голову на сиденье.

— Я оставил тебя в покое после развода, потому что считал это твоим желанием. Если любишь кого-то, отпусти его и все такое. Я все испортил и попытался хоть раз быть джентльменом.

— Я никогда не хотела джентльмена. Я хотела тебя.

Он поднял голову.

— Спасибо.

Я почти рассмеялась над обидой в его взгляде, но каждый раз, когда я чувствовала себя немного легкомысленной, реальность возвращала меня с небес на землю. Застонав, я уперлась лбом в его плечо.

— Какого черта, Ник? Что мы будем делать? Почему мы не можем поступать правильно?

Он потер мою спину.

— Это твое тело, Коко. И я поддержку любое твое решение. Но в любом случае, все будет в порядке.

Поддавшись чувству комфорта после его уверенных слов, что все будет в порядке и я не одинока, я повернула лицо к его шее. Вдохнула запах его кожи, который всегда будет напоминать мне секс и сладость. За исключением случаев, когда это был секс и бекон.

Я ничего не могла с собой поделать и засмеялась в изгиб его шеи.

— Что? — он казался шокированный моим смехом.

— Ничего. Я подумала о кое-чем непристойном.

— Какое совпадение.

Я снова рассмеялась, подняв голову.

— Было бы проще, если бы ты мне не нравился.

Его рот преобразился в кривую ухмылочку, от которой я не могла устоять.

— Немного. Возможно.

Что я делаю? — кричал голос в моей голове, когда я импульсивно наклонилась вперед поцеловать его губы. *Какого хрена я вообще делаю?* — это был голос антидесерта, который напоминал считать шаги, которые потребуются, чтобы уйти.

Ох, теперь ты появился, — подумала я, ощущая, как руки Ника поднимаются по моей спине. Где ты был на кухне, когда я просила его трахнуть меня без презерватива? Где был на кладбище этим утром? *Почему ты не забил тревогу, напоминая, что я не приняла таблетку?*

Никакого ответа.

Я рассматривала это как знак.

Наш поцелуй становился более яростным, а руки начали блуждать по телам друг друга. Я приподняла сарафан, и пальцы Ника скользнули под него. Его ладонь поднялась к моему бедру, переместилась на мою задницу и сильно сжала. Я обхватила его лицо руками,

встречаясь с его языком, дрожа от нетерпения, когда выпуклость в его джинсах стала увеличиваться.

Потянувшись рукой назад, я расстегнула свой сарафан и позволила лямкам упасть с плеч, затем высвободила из них руки. Руки Ника вернулись к моей спине, которая инстинктивно изогнулась, отчего моя грудь ближе прижалась к его рту. Он провел языком по одному соску, дразня твердую, покалывающую вершинку, прежде чем всосал ее в рот.

— О боже, как хорошо, — выдохнула я, обхватив его голову руками и прижимая ее к своей груди. У меня перехватило дыхание, когда он зажал твердый кончик между зубами, прикусив, прежде чем снова всосать. Другая его рука скользнула к моей заднице, заползая под трусики.

Я схватилась за сиденье и раскачивала свои бедра над его, расставив колени шире. Он застонал, переместив обе руки к моей заднице, толкаясь в меня, пока его рот не покидал мою грудь. Я почти спросила его: *«Помнишь это? Помнишь, как мы парковали твой грузовик где-нибудь в скрытном месте и трахали друг друга через одежду?»* Но я хотела по-настоящему. Сейчас я хотела по-настоящему. Но я слишком боялась что-нибудь сказать — если я перестану говорить, перестану вспоминать, перестану думать вообще, я могу пересмотреть, к чему это привело, и прямо сейчас я правда хотела, чтобы это привело туда, где моя киска возбужденная и тугая вокруг его члена.

— Коко. — Дыхание Ника было холодным на моей влажной коже. — Ты уверена?

— Шшш, — я поцеловала его щеку, подбородок, шею и стала проводить языком по его любимым эрогенным зонам.

Между ног я была влажной и изнывала от пульсации, мои трусики промокли. *Черт, да, я уверена.*

Но подождите.

Я подняла голову, тяжело дыша.

— У тебя есть презерватив?

— Да. — Приподняв свои бедра, отчего мышцы моего лона сжались, он потянулся в карман и вытащил пакетик из фольги.

— Дай его мне. — Я забрала его из рук Ника и зубами разорвала фольгу, пока он тянулся под мой сарафан и расстегивал свои джинсы. Мой желудок подпрыгнул, и я раскатала презерватив по его члену и встала на колени, освобождая одну ногу из трусиков. Ник снова сомкнул губы вокруг моего соска, когда я расположила его у своего входа и медленно направила внутрь, упиваясь ощущением, как он растягивал и наполнял меня, сантиметр за сантиметром. Прижав руки к мягкой обивке на крыше автомобиля, я остановилась на секунду, чтобы подняться и опуститься несколько раз, радуясь, что от этого он застонал и всосал мой сосок жестче. Наконец, я полностью опустилась, вздохнув, когда он достиг самого глубокого места внутри меня.

— Коко, — сказал он хрипло, когда я начала двигаться. — Я должен трахнуть тебя.

С руками над головой, я покачивала бедрами, вознося себя выше и выше.

— Я вся твоя. — Я установила жесткий, устойчивый ритм, все мое тело гудело энергией. Боже, он был так глубоко во мне, ударяя по тому самому местечку, отчего я хотела, чтобы это никогда не прекращалось. — Я здесь. Прямо здесь. — И затем я больше не могла говорить или думать, или даже двигаться, каждая мышца в моем теле напряглась. Ник вонзил пальцы в мою задницу и грубо притянул меня к себе, основание его члена потирало мой клитор. Слезы подступили к моим глазам, мой рот открылся, когда я балансировала на

границ. *Возьми меня. Сейчас. Трахни меня, да, да, вот так...* Я взорвалась, а его имя сорвалось с моих губ.

Он не переставал двигаться.

— Черт, мне нравится наблюдать, как ты кончаешь. Мне нравится слышать свое имя из твоих уст. Я люблю каждую гребаную деталь в тебе.

— Я тоже тебя люблю. — Обхватив его голову руками, я осыпала поцелуями его лоб, щеки, губы. — Я не хочу этого, но люблю. — Боже, мир перевернулся и выходил из-под контроля. Какого хрена я сказала?

Я обезумела? Слова лились потоком, как будто прорвало плотину.

— И я также ненавижу тебя. Я ненавижу тебя, — сказала я, поднимаясь и опускаясь на его твердом, влажном члене, и прижала рот ближе к его. — Я чертовски ненавижу то, как ты поступил со мной. Ненавижу, что не могу забыть тебя. Не могу отказать тебе. Я ненавижу, что все еще хочу тебя.

— Ложись на спину. — Без предупреждения Ник перевернул меня на спину поперек переднего сиденья. Одна моя нога была обернута вокруг него, другая свисала к полу. Он снял свою футболку, прежде чем обхватил мои запястья, прижав их к двери у меня над головой. — Вот так ты хочешь меня? — он снова и снова погружался в меня своим членом, врезаясь в меня с такой силой, что моя голова ударялась о дверь. — Ты ненавидишь, что хочешь меня? — его челюсть была напряжена, его тон был наполнен злостью и желанием.

— Да, я ненавижу это, — я задыхалась, когда наши бедра встречались, я не могла дышать от неистовости того, как наши тела сталкивались друг с другом. — Но я не могу насытиться.

— Иисус. — Каким-то образом он трахал меня жестче и глубже, вызывая уколы боли, отчего удовольствие внутри меня было еще пронзительнее. Но мне нравилось так, и он это знал. Я отвернула свое лицо, пытаясь не закричать.

— Ты снова кончишь, — приказал он. — Я хочу, чтобы эта маленькая киска кончила на моем члене, как это было в первый раз, помнишь?

Черт, да, я помнила. Я не ожидала второго оргазма в ту ночь, но то, как он двигался и что говорил, звук его голоса, мысль о нем внутри меня...

Я снова кончила под ним, накрыв рукой свой широко открытый рот и подавляя крик, когда мое тело пульсировало вокруг него.

— Да, — выдохнула я, прошлое и настоящее сошлись во мне.

— Хорошая девочка, но в этот раз я хочу, чтобы ты кричала.

Я хотела оставаться тихой, просто чтобы бросить ему вызов, но затем совершила ошибку, опустив взгляд на его голый торс, на мое имя на его груди, и на движения его пресса, пока он вколачивался в мое тело. Не в состоянии остановить себя, я закричала, снова и снова.

Моя голова ударилась о стенку машины, но я не обращала внимание — я не чувствовала ничего, кроме его горячей кожи и твердого члена, не слышала ничего, кроме нашего тяжелого дыхания и криков в наступающей темноте; не представляла ничего, кроме его тела, соединенного с моим, пока мы не кончили вместе, и мир превратился в жидкое золото за опущенными веками.

Позже мы вытащили одеяло из багажника и лежали на траве в саду.

Ник заложил руки за голову, а я прислонила висок к его левому бицепсу.

— Какое это созвездие? — я указала пальцем на небо, где звезды сияли на безоблачном деревенском небе. — Которое выглядит как W. — Я повернула голову. — Или, может, это M.

— Это Кассиопея.

— Историю, пожалуйста.

— Она была очень красивой королевой, но затем похвасталась, что она и ее дочь Андромеда — самые красивые богини из всех.

— Это не очень хорошая идея. Какие богини?

— Я думаю, какие-то морские. Поэтому они отправились к Посейдону, и он пришел в бешенство, поэтому ей пришлось принести в жертву морскому чудовищу Андромеду, чтобы усмирить его.

Я ахнула.

— Неужели?

— Да, но появился Персей и спас Андромеду.

— Персей, — задумалась я. — Напомни о нем.

— Он был красивым поваром с большим членом, который... ай.

Я стукнула его по груди.

— Давай, расскажи мне.

Ник потер грудную клетку и продолжил.

— Ладно, хотя моя версия мне нравится больше. Появился Персей и увидел, что прекрасная Андромеда привязана к стулу на краю моря, и будучи удивительным героем, он убил морское чудовище и спас ее. Но конечно, Кассиопея не могла остаться безнаказанной, поэтому ее трон был перемещен на небо, она была привязана к нему и кружилась вокруг Северного полюса, переворачиваясь головой вниз.

— Ага. Тяжело выглядеть красивой, будучи перевернутой кверху ногами. Так, что случилось с Посейдоном и Андромедой?

— Они поженились.

Я вздохнула.

— Конечно же.

— И у них было девять детей.

— Ой.

— Но у нее также есть свое собственное созвездие, рядом с матерью. Видишь, вон там? — Он рукой прочертил линию в небе.

— Нет. — Я нахмурилась, поднимая руку вверх. — Покажи мне.

Взяв мою руку в свою, он проследил линию звезд моим пальцем.

— Теперь видишь?

— Да. — По правде сказать, я не была уверена, но это не имело значения. Мне просто нравилось снова быть здесь с ним, слушать легенды и на мгновение забыть о наших жизнях. — А что насчет этого? — я указала на еще одно звездное скопление и расслабилась, когда Ник начал рассказывать о нем, пересказывая легенды, которые отец и дед рассказывали ему. Через некоторое время я переместила голову ему на грудь и закрыла глаза, но он продолжил рассказывать низким, успокаивающим голосом, пока убирал мои волосы с лица и притворялся, что не замечает слез, пропитавших его футболку.

К тому моменту, как мы вернулись к дому, многих машин на подъездной дорожке уже не было, и в гостиной не горел свет.

— Нас не было слишком долго, — забеспокоилась я. — Ты должен был быть на вечеринке со своей семьей.

— Нет, не беспокойся об этом. Нони понимает.

— Что она знает?

Ник заглушил двигатель.

— О нас?

Я кивнула.

— Ничего. Я имею в виду, только то, что мы расстались. Хотя она знает, что я облажался, и ты не простила меня за это.

Это вызвало у меня улыбку.

— Я люблю Нони.

— Она тоже тебя любит.

— Она хочет, чтобы мы снова были вместе?

Он покачал головой.

— Нет. Она довольно четко выразилась, что хорошо, что ты двинулась дальше, потому что, в любом случае, ты слишком хороша для меня.

Я рассмеялась несмотря ни на что.

— Перестань. Она обожает тебя. Все обожают тебя.

— В какой-то степени я достоин обожания.

Я посмотрела на него и пожала плечами.

— В какой-то степени.

Раздраженно заворчав, он схватил меня за затылок и притянул к себе для жесткого поцелуя.

— Ты сводишь меня с ума. Пообещай, что будешь делать это вечно.

От его мольбы мое сердце сжалось.

— Я не могу, Ник. Я просто не знаю.

Он слегка ослабил хватку, играя с моими волосами.

— А вдруг знаешь. — Его глаза метнулись к моему животу. — Нам нужно сделать тест?

— Я ценю все, что у нас есть, Ник, но я не хочу, чтобы из-за этого ты чувствовал себя, как будто в ловушке, даже если тест положительный.

— Я себя так не чувствую. — Его глаза упорно смотрели в мои в темноте. — Совсем.

Моя челюсть отвисла, когда я кое-что осознала.

— Ты надеешься, что тест положительный?

— Не обязательно. — Он положил руку мне на плечи. — Но я не буду считать, что моя жизнь закончилась из-за этого. А ты?

— Черт, конечно, буду. — Я положила руку на грудь. — Я не готова к этому. Мы не готовы. У нас за плечами есть история, когда мы бросались в омут с головой, но сейчас на самом деле мы облажались, и ни один ребенок не заслуживает родиться у двух людей, который развелись семь лет назад, совершили небрежную ошибку и не знают, чего хотят.

— Я знаю, чего хочу. — Он гладил мою щеку большим пальцем.

— Ну, а янет. — Я отвернулась от его удрученного выражения лица. — И пока я не

разберусь, нам нужно притормозить.

Он убрал свою руку.

— Ладно, я понимаю.

— Спасибо. — Я открыла дверцу машины и вышла. Ник последовал моему примеру, положив руку мне на поясницу, когда мы шли к крыльцу. Я повернулась к нему на половине пути, когда мы поднимались. — Ник, ты должен перестать прикасаться ко мне. Seriously. Я не могу трезво мыслить.

Он поднял обе руки.

— Ладно-ладно. Извини. — Мы продолжили подниматься вверх. — Полагаю, это означает, что мы не можем спать вместе сегодня?

— Именно это и означает. — Вышло резче, чем я намеревалась, и Ник остановил меня перед дверью, схватив за локоть.

— Ты все еще сердишься на меня? — его выражение лица было серьезным.

— Из-за чего?

— Из-за чего угодно. Из-за всего.

Я закрыла глаза на краткое мгновение, размышляя над его вопросом. К моему удивлению, все было совсем не так.

— Нет. Знаешь что? Я больше не злюсь. Прости, что накричала на тебя. Я просто грустная и в смятении.

Он тяжело вздохнул, когда открыл дверь.

— Думаю, мне нравилось больше, когда ты на меня злилась.

#

Скрип

Мои глаза распахнулись, когда подо мной раздался узнаваемый звук старых пружин.

— Шшшш. — Запах Ника заполнил все мои ощущения, когда его теплое тело скользнуло на кровать рядом со мной.

— Ник, что ты делаешь? — прошептала я, когда он окружил мое тело своим.

— Я люблю тебя, — прошептал он сзади. — И на этот раз я не сдамся. А сейчас давай спать. — Он поцеловал меня в затылок и положил руку мне на живот. — Спокойной ночи.

Я тяжело сглотнула.

Видишь? Он лгун, — сказал здравый смысл. — Он обещал не прикасаться к тебе. Он сказал, что нужно притормозить. Он даже не знает, как соблюдать правила. Он будет ужасным мужем и отцом.

Но его тело было теплым и дарило комфорт, а его глубокое и ровное дыхание снова утягивало меня в сон.

Утром я его выпровожу.

#

Как оказалось, у меня не было шанса выгнать Ника из моей кровати, потому что он проснулся раньше меня. Я села, потянулась, вдохнула запах свежего кофе и... боже мой, этот аромат! Это... я нюхала воздух как собака-ищейка... булочки с корицей Нони?

Я выпрыгнула с кровати, надела темно-синий комбинезон, несколькими быстрыми

движениями расчесала волосы и направилась вниз, вспоминая все завтраки, которые готовил Ник с бабушкой. Большие сладкие булочки с корицей и сахаром. Возможно, мне придется отправиться на еще одну пробежку сегодня, но я съем одну из этих булочек.

Запах становился все сильнее по мере того, как я спускалась вниз, и я почти влетела в кухню, где Ник сидел за столом с чашкой кофе, а Нони занималась уборкой.

— Доброе утро, — пропела она. — Тебя разбудил шум? Я уронила металлическую кастрюлю, и весь дом задрожал. В последнее время мои руки немного трясутся.

— Нет. Это из-за запаха, — вдохнула я, мои колени подергивались в волнении. — Я мечтала об этом аромате так много раз.

— Булочки в духовке, — сказал Ник. — Иди, садись. Сегодня утром я поднимался на чердак. Посмотри, что я нашел. — Он указал на стол перед собой, на старый черно-белый фотоальбом. На обложке было выведено витиеватым шрифтом: Фотографии. Кожаные края были мягкими и изношенными, весь альбом разваливался, и время изо всех сил пыталось уничтожить сереющую белую ленту, которая удерживала страницы вместе.

Я села рядом с ним и положила альбом между нами.

— Этот тот альбом, который вы упоминали вчера, Нони?

— Он самый. — Она поставила кофе передо мной.

Ник открыл альбом. Черно-белые фотографии были прикреплены к черной бумаге с крошечными уголками. Свадебные фотографии, семейные фото, религиозные портреты детей. Мы медленно переворачивали страницы и иногда смеялись над особо суровым или хулиганским выражением лица ребенка, но в основном, благоговейно молчали, рассматривая более чем вековую историю его семьи.

Первое фото выглядело так, будто было сделано в начале двадцатого века, но время шло, и на страницах показывались менее формальные позы и более улыбающиеся лица. У всех мужчин Лупо были полные губы и крепкий лоб, темные волосы и глаза. Ник походил на них, хотя, вероятно, получил свою худобу и рост от своей матери. Наконец, мы дошли до свадебного фото его прабабушки и прадедушки, которую мы изучали в тишине.

— По ним можно сказать, что они были влюблены, — сказала я.

— Должно быть, да. У них было восемь детей.

— Ты можешь и не быть влюбленным, имея восемь детей, — напомнила я ему. — Или даже одного. — Не думая, моя рука легла на живот, и он опустил взгляд вниз.

Ник прочистил горло.

— Мы нашли кое-что интересное в конце. Посмотри. — С конца альбома он вытащил кусок материала и разложил его перед ней. Со временем белый хлопок пожелтел. — Это платок, — сказал Ник. — И посмотри.

На носовом платке было написано, казалось, красной помадой, три слова:

Я люблю тебя.

Внизу черными чернилами было напечатано: Крошка и Джо, 29 июля 1923 год.

Мгновение я пялилась, мурашки расползлись по моим рукам.

— Какое сегодня число?

— 29 июля, — ответил Ник, затем он наклонился и прошептал мне в ухо: — Чертовски странно, верно?

Странно?

Нет. Станным был сыр Whiz. Оливковые листья. Картофельные чипсы с перцем и ливером.

Это же было чертовски тревожно.

— Что это значит?

— Ох да, это довольно известная семейная история. — Нони подняла кружку с кофе, с изображенной на ней кошкой, и сделала глоток. — Очевидно, Крошка отвергла папу Джо, и он решил вернуться в Чикаго. Ну, а она поняла, что любит его, как только он объявил о своем отъезде. Она пришла в его дом сказать об этом, но он был в процессе приготовления воскресного ужина для всей семьи.

Я улыбнулась, хотя мое сердце билось в хаотичном и неустойчивом ритме.

— Правда?

— Да, — продолжила она. — Он был на кухне, окруженный своими сестрами. И она пыталась вывести его на уединенный разговор, но он отказывался.

— Как и должно быть, — пробубнил Ник и поднял чашку с кофе. — Ветреная женщина.

— И что дальше? — спросила я. — Она написала ему записку?

Нони рассмеялась.

— Да, в ванной, своей губной помадой и на носовом платке. Затем прошествовала на кухню и протянула ему. И, по словам его сестры, они исчезли в кладовой на довольно неуместный промежуток времени.

Я приложила руки к щекам.

— Мне нравится! Ты должен повесить платок в ресторане. В рамке или типа того. С фото.

— Неплохая идея. — Он поставил чашку. — Нони, как думаешь, я могу забрать?

Нони махнула рукой.

— Забирай весь альбом. Знаешь, я удивлена, что он застрял в подобном альбоме. Он был так важен для нее. Должно быть, она забыла его. Знаете, они были женаты шестьдесят семь лет.

— Хорошо, что Ник нашел его. Иначе он бы потерялся навсегда. — Я не могла избавиться от мысли об одинаковых датах. Что это означало?

Нони кивнула, глядя на меня задумчиво.

— Да. Хотя ничего не длится вечно. Когда вещь должна быть найдена, ее находит нужный человек. Думаю, есть причина, почему платок был найден после стольких лет.

— Ты хочешь сказать... ты думаешь это знак? — спросила я осторожно.

Ник рассмеялся.

— Ты заинтересовала ее, Нони. Коко верит в знаки. Продолжай в том же духе, пожалуйста.

Я была слишком взволнованна, чтобы даже ударить его.

— Не обязательно, что это знак. Я просто имею в виду, правильно, что Ник наткнулся на этот платок. Должно быть, он должен принадлежать ему. — Она сделала еще один глоток кофе и подмигнула мне над ободком кружки.

22 глава

Позже этим утром Ник красиво расставлял стулья на веранде, пока я печатала некоторые истории Нони на ее компьютере, который напоминал мне тот, что мы использовали в начальных классах школы. В дополнении к историям семьи Лупо, она рассказывала о том, как росла на ферме, каково быть подростком в годы Великой

Депрессии⁴, и о знакомстве с ее будущим мужем Джо на танцах Объединенной организации обслуживания вооружённых сил в 1944. Я распечатала копию файла для Нони и отправила электронные копии Нику и себе — может, это и не была моя семья, но каким-то образом, я чувствовала принадлежность.

После обеда мы попрощались с Нони и отправились в путь. Было пасмурно, поэтому мы не стали опускать крышу, и конечно же, примерно через десять минут на трассе I-75 начал накрапывать дождь, а затем полил в полную силу. Видимость была плохая, и я бы не обвинила Ника, если бы он остановился и переждал непогоду, но он просто замедлился и старался лучше концентрироваться.

— Извини. Эта поездка займет какое-то время, — сказал он, не отрывая взгляда от дороги.

— Все в порядке, я не спешу возвращаться. — Скрестив руки на груди, я задумалась о том, чего больше всего боялась — о тесте на беременность. После того как мы вернемся в Детройт, и я заберу машину, я сразу же отправлюсь в аптеку. Мысль принести тест в дом родителей была мерзкой, но я не хотела делать это в квартире Ника. Я хотела побыть одной. Может, я сделаю это в офисе «Девин Ивентс».

— Хочешь поговорить? — Ник бросил в мою сторону быстрый взгляд.

— Не совсем... — я потерла ладонями руки. — Я пока не знаю, что еще нового сказать. Я все еще... обдумываю кое-какие вещи.

— Хорошо. Ты хочешь остановиться у аптеки по дороге домой?

Я покачала головой.

— Нет. Я позабочусь об этом сама.

Он поджал губы, и я могла точно сказать, что он борется внутри себя, чтобы что-то сказать.

— Что? — надела я.

— Мне кажется, ты не должна быть одна в такой момент.

— Я справлюсь.

— Нет, дело не в этом. Я хочу сказать, это не кажется справедливым. Если ты будешь одна.

Я тщательно изучала его профиль. Его челюсть была напряжена.

— Несправедливо по отношению к кому, Ник?

— Ко мне?

— К тебе! — мои руки взлетели в воздухе. — Как то, что я хочу сделать тест на беременность в одиночестве, несправедливо к тебе? Ты не мой парень.

— Может, нет, но я все еще потенциальный отец. Я хочу знать ответ так же сильно, как и ты. — Он рискнул посмотреть на меня боковым зрением. — И я хочу знать правду.

— Что! — взорвалась я. — Думаешь, я буду лгать о чем-то подобном? В этой машине лежат ты, Ник! Я думала, на этих выходных мы разобрались с этим. Спасибо за напоминание. — Я фыркнула, отвернулась от него и, скрестив ноги, уставилась в окно. Бл*дь, невероятно. Именно тогда, когда он снова начал пробираться мне под кожу, он стал придурком.

— Не злись на меня, Коко. Я пытаюсь быть честным. Знаешь, что? Женщины говорят мужчинам быть честными и говорить о своих чувствах, но на самом деле, не имеют этого в виду.

— Ты, бл*дь, издеваешься надо мной? Я не хочу слышать о твоих чувствах, когда ты намекаешь, что я могу солгать о ребенке.

— Ты не сделаешь этого? Хотя ты и не хочешь его?

— Нет, не сделаю! Но ты чертовски прав! Я не хочу его.

Ник выдохнул, как будто пытался сдержать свои эмоции.

— Ты пытаешься сделать мне больно, я понимаю.

— Хорошо. — Я чувствовала небольшую победу.

Незаметно посмотрев через плечо, я увидела, что костяшки его пальцев на руле сильно побелели.

— Сколько раз мне еще придется извиняться за прошлое, Коко? — его тон был обиженным, как будто он был пострадавшей стороной. — Мне жаль. Я никогда не должен был поступать так неправильно. Но это было семь гребанных лет назад, Коко. Мы не можем двигаться дальше?

— Я не жду очередного извинения из-за того, что ты сделал мне больно в прошлом, Ник. Я жду его за то, что ты сказал мне сейчас.

После этого он затих, и я сфокусировала взгляд на каплях дождя, стекающих по стеклу. Всю дорогу по трассе I-75 мы ехали в тишине, оба были обижены и сердиты, никто из нас не хотел снова извиняться.

Вот почему, — сказала я себе. — Вот почему это никогда не сработает. Ты всегда будешь попрекать его прошлым, а он всегда будет разыгрывать страдальца, выставляя тебя сукой, потому что ты хранишь на него злобу.

Я не видела никакого выхода. И две полоски на тесте сделают все только хуже.

#

К тому времени как мы приехали на парковку у дома Ника, мой гнев смягчился. Его, должно быть, тоже, потому что, когда он спросил, на каком этаже я припарковалась, его голос был мягче, чем в последний раз, когда мы разговаривали.

— На четвертом. — Я указала ему, где был припаркован мой «Фольксваген», и после того как Ник припарковался за ним, он заглушил двигатель и положил руку мне на ногу.

— Извини. Я не должен был говорить этого... о тесте, ты можешь сделать его одна, если хочешь. Просто дай мне знать о результате. — Он открыл водительскую дверь, но я остановила его.

— Подожди. Ты тоже извини меня. Я понимаю, это поразило тебя так же, как и меня, и знаю, что у тебя есть особое отношение к семье.

— И к тебе. — Он встретился с моим взглядом. — Я люблю тебя. И хочу тебя. Но я не хочу жить так — чтобы меня называли лжецом и придурком остаток моей жизни из-за глупого поступка, который я совершил в двадцать два. Я не хочу, чтобы каждая наша ссора возвращалась к этому. Я больше не тот парень, Коко. Я не идеален, но дай мне шанс, и я знаю, что могу сделать тебя счастливой. Скажи, как мне можно заработать этот шанс.

— Я бы хотела, Ник, правда, но я просто не знаю. — Я снова хотела плакать, но как-то умудрилась сдержаться. Он печально кивнул и вышел из машины.

Забрав вещи из его грузовика, я убрала их на заднее сиденье своей машины и повернулась, чтобы попрощаться. Ник стоял в полуметре от меня. Но это ощущалось как несколько миль.

— Завтра мне нужно уехать в Лос-Анджелес. Вернусь в среду. Просто позвони мне... когда узнаешь что-нибудь, — сказал он.

— Позвоню.

— И позаботься о себе.

— Хорошо.

Печальный тон в его голосе сжал мое сердце.

Сделав два шага вперед, он поцеловал меня в щеку.

— Спасибо, что провела со мной выходные. Дай мне знать о деталях вечеринки в следующую субботу. Я буду там. — Затем он обошел переднюю часть «Меркури», выглядя более угрюмым, чем я когда-либо видела.

Нет, один раз я видела его таким несчастным — ночью, когда порвала с ним, думая, что он переспал с другой. Той ночью, когда он солгал. Той ночью, когда он думал, что потерял меня.

Я полагала, что это было прощание навсегда.

Может, так и должно было быть.

23 глава

— Готово? — я сидела на краю ванны в ванной комнате Миа и Лукаса, мои руки были переплетены на коленях.

Пожалуйста, будь положительным.

— Еще нет. — Миа и Эрин стояли у раковины, обе с напряжением уставившись на палочку, как те люди, которые одним только взглядом могут заставить объекты двигаться.

Пожалуйста, будь отрицательным.

— Хорошо. Скажите мне, когда что-нибудь увидите.

Пожалуйста, будь положительным.

— Прошло только секунд тридцать... подожди, что-то происходит! — Эрин схватила руки Миа, а Миа схватилась за спину Эрин. Они выглядели как пара шестиклассников на танцах в средней школе.

Пожалуйста, будь отрицательным.

— О боже, девочки. Я схожу с ума. Что там? — встав на ноги, я начала ходить из стороны в сторону перед ванной, в страхе перед любым результатом.

— Подожди... — В голосе Миа была надежда или опасение? Я знала, что она хотела отрицательного результата.

А если так и будет? Я испытаю облегчение или разочарование? Почему мне кажется, что я так или иначе заплачу?

— Хорошо, готово. — Эрин и Миа переглянулись друг с другом и затем повернулись ко мне.

— Святое дерьмо. — У меня кружилась голова. Я вдохнула и выдохнула, приложив пальцы к вискам. — Ладно, скажите мне. Я беременна?

— Нет, — сказала Миа. — Ты не беременна.

— Согласно этому тесту, нет, — добавила Эрин. — Но тебе, вероятно, следует сделать еще один завтра утром, чтобы быть полностью уверенной.

Выдохнув, я закрыла глаза и опустила руки к животу. Не беременна. Эрин была права, и я сделаю еще один завтра утром, но каким-то образом я понимала, что сказанное Миа — правда.

— Я не беременна. — Слово «беременна» застряло в моем горле, и я изо всех сил пыталась бороться со слезами. Они все равно заскользили по щекам. — Я не беременна, — прорыдала я.

— Ох, милая. — Миа обняла меня, а Эрин нас обеих. — Ты расстроена или испытываешь облегчение?

— Я не знаю, — призналась я, когда они отпустили меня. — Думаю, и то, и другое.

— Иди сюда. Эрин,хвати салфетки. — Миа повела меня в свою спальню, просторную, но уютную, со стенами цвета шоколада и огромной кроватью, застеленной разноцветными подушками. Над кроватью висело фото Парижа, и на тумбочке Миа поставила в рамке их с Лукасом фото на вершине собора Парижской Богоматери. Она села у подножия кровати, притягивая меня к себе. — Говори.

— Она не собака, Миа, — Эрин протянула мне коробку с салфетками и села с другой стороны. — Дай ей сначала перевести дыхание.

— Извини. — Миа сжала меня в объятиях. — Я просто ненавижу видеть тебя в таком состоянии. И думаю, что разговор поможет, больше никаких секретов — я не могу поверить, что ты смогла сдержать втайне свое замужество и развод!

Я рассказала всю правду Эрин и ввела их обеих в курс дела до того, как сделать тест.

— Я знаю. Я должна была рассказать тебе, но в Париже решила забыть обо всем этом. — Я вытащила салфетку из коробки и высморкалась. — Это неплохо сработало, как думаешь?

— Да, пока он опять не ворвался в твою жизнь. Он просто должен был оставить тебя в покое, — сказала Миа решительно. — Ты заслуживаешь лучшего.

Я покачала головой.

— Все было не так. Я сама нашла его. Он, вероятно, оставил бы меня в покое.

— Я не знаю, — сказала Эрин неуверенно. — Если он думал, что ты любовь всей его жизни, я не могу понять, как он смог бы остаться вдали от тебя навечно. Я хочу сказать, почему он вообще вернулся в Детройт? Он мог уехать куда угодно после победы в «Оближи мою тарелку». Где он был до этого?

— В Нью-Йорке, — сказала я. — Он уехал в кулинарный институт после того я уехала в Париж.

— Он должен был остаться, — проворчала Миа. — Не могу поверить, что он нравится Лукасу.

— Он всем нравится, — я подбросила руки вверх. — Мне он нравится, ради всего святого. Я обожаю его! Нам весело вместе и наш секс... о боже... — я плюхнулась на спину и застонала.

— Так хорош, ха? — спросила Эрин.

— Я не могу говорить об этом, иначе снова расплачусь.

— Так почему бы не дать ему еще один шанс? Он извинился, и похоже, вам очень хорошо вместе. Семь лет — большой промежуток времени.

Я оперлась на локти и посмотрела на нее.

— Ты действительно говоришь это, мисс Это Очень Плохая Идея? Предполагалось, что ты будешь моим голосом разума.

Эрин рассмеялась.

— Где разумность в том, чтобы держать так долго на кого-то обиду, когда этот кто-то делает тебя счастливой?

— Все не так просто. — Я села. — Не знаю, почему, но я не могу отпустить то, что он сделал.

— Ты и не должна, — Миа похлопала меня по ноге.

— Но тебе разве не станет лучше, когда ты сделаешь это? — Эрин настаивала. — Кто хочет держать в себе такую обиду и злобу?

— Я не хочу, — сказала я резко. — Но я не знаю, как избавиться от этого. Я надеялась, что из-за беременности у меня не будет выбора.

— Что? — они обе уставились на меня, остолбенев.

Осознав, как безумно это прозвучало, я понизила голос:

— Я в какой-то степени надеялась, что беременна, и это заставит меня простить его, и мы снова будем вместе. Таким образом, мне не пришлось бы принимать решение.

Взгляд на их лицах сказал мне, что именно они думали о подобном плане.

— Коко, — сказала Миа. — Я люблю тебя, но это смешотворно. Если ты хочешь вернуть его в свою жизнь, простопусти его, но я думаю, мы можем согласиться, что то, что ты не беременна, это хорошо.

— Нет, это не так! — я подпрыгнула с кровати, повернувшись к ним лицом и подбросив руки в воздух. — Это не так. Вы не понимаете. Мне нужен был знак. Мне нужно было услышать от Вселенной, что делать, потому что я слишком запуталась, не могу мыслить трезво! Этот ребенок должен был стать знаком, черт побери! Внутриутробным «Прости Моего Придурка Папочку И Двигайся Дальше» знаком! А сейчас знака нет и я вернулась к истокам... перестаньте смеяться!

Миа и Эрин изо всех сил пытались не улыбаться, но Миа слишком крепко поджала губы, а плечи Эрин дрожали.

— Извини, — сказала Миа, прикладывая руку ко рту. — Это не смешно.

Я сдалась, мои плечи резко поникли.

— Вы можете смеяться, пока я поплачу.

— Ох, милая, да ладно тебе. Тебе не нужен знак от Вселенной, чтобы понимать, как себя чувствовать. — Миа покачала головой. — Ты эмоционально интуитивный человек. Да, ты склонна действовать импульсивно, но, очевидно, в данном случае ты этого не делаешь. И мы гордимся тобой. Теперь скажи, что говорит твое сердце?

Вздохнув, я снова опустилась на кровать между ними.

— Мое сердце в замешательстве. И напугано.

Она кивнула.

— Любовь пугает. Но помнишь, как я звонила тебе из Парижа, потому что была напугана тем, что влюбляюсь в Лукаса?

— Да.

— Помнишь, что ты сказала?

— Я тебе завидую?

Она рассмеялся, толкнув меня ногой.

— Нет. Ну, хотя возможно. Но ты сказала, что все случается по определенным причинам, и я должна быть готова рискнуть. Я никогда не верила в судьбу, но ты помогла мне дать себе разрешение влюбиться в него, не зная, как все обернется.

— Но Лукас не причинял тебе боль в прошлом. Он был идеален, — проворчала я необоснованно.

— Никто не идеален, Коко. Лукас совершал ошибки, как и все, и он не имеет ничего —

ничего — общего с мужчиной, за которого я предполагала выйти замуж прежде, но сейчас посмотри на меня. — Она улыбнулась, и ее лицо осветилось. — Ты помогла мне понять, что все не всегда идет по плану и это нормально. Жизнь полна сюрпризов. Я не утверждаю, что Ник идеален для тебя, и Бог знает, я не одобряю его поступков, но если вы все еще любите друг друга после всех этих лет, ну.. — она пожала плечами, — в моих глазах это довольно сильный знак.

— Верно. — Я сделала глубокий вдох. — Может, мне просто нужно еще немного времени, чтобы справиться с этим, но я люблю этого самоуверенного засранца. — Свадебное платье Миа попало мне на глаза. Оно было запаковано в пластиковый чехол и висело на крючке на двери шкафа. — Боже, Миа. Не верится, что ты выходишь замуж на следующей неделе.

Она ухмыльнулась.

— Мне тоже. — Затем она схватила мою ногу. — Может, во Франции ты встретишь мужчину своей мечты!

Эрин прочистила горло.

— Извините, но нет. Я настаиваю, что любой мужчина мечты, оставшийся во Франции, должен достаться мне. Вы уже получили свое.

#

Я задолжала Нику телефонный разговор, но не хотела делать это при Миа и Эрин. Я позвоню ему по пути домой. Так как я не была беременна, мы открыли бутылку вина и наблюдали, как Миа собирает чемодан для свадьбы, охая и ахая над ее платьем, которое было гораздо проще, чем тот пышный наряд, который она планировала надеть на свою первую свадьбу. Она продала его на ебау и смогла получить достаточно, чтобы купить новое платье, наши лавандовые платья подружек невесты и билеты на самолет во Францию — ее подарок нам. В подарок мы с Эрин приготовили ей роскошные на ремешках туфли от Джимми Чу, и мы попросили вставить стразы в подошву одной туфли и вырезать дату свадьбы на другой. Мы также провели небольшое исследование и организовали целый день в спа-салоне для нас троих в Провансе.

Наблюдая, как счастливая Миа скачет по комнате, я ощутила приятный гул под кожей. Она проведет остаток жизни с мужчиной, которого обожает, и не может дождаться, чтобы начать их общую вечность.

Внезапно я вспомнила историю семьи Ника, о том, как его прабабушка, Крошка с красными губами, показала у дома его прадедушки, чтобы в середине воскресного ужина признаться в любви, потому что не могла больше ждать. Я вспомнила о записке и дате на ней — на самом деле, каковы были шансы? Вероятно, миллион к одному.

Так чего я жду? Если ты любишь кого-то, ты должен признаться в этом, верно?

Гул начал нарастать во что-то более выжидающее, когда я осознала, что больше не хочу ждать. Хотя я и не была беременна, если Ник все еще хотел меня, я тоже хотела его. Я встала, сжимая свой пустой бокал.

— Куда ты? — спросила Эрин.

— Увидеть Ника, — сказала я, запыхавшись. — Я должна дать ему второй шанс.

Миа рассмеялась.

— Ты решила это в последние двадцать пять минут? Вот она Коко, которую я знаю.

Улыбнувшись, я крепко ее обняла, затем и Эрин.

— Спасибо, девочки. Вы самые лучшие. Я позвоню вам завтра.

— Повеселись! — крикнула Миа, когда я вылетела из ее спальни.

— Будь осторожна! — крикнула Эрин.

— Буду! — я преодолевала две ступеньки за раз и направилась к задней двери.

— Привет, Лукас. Пока, Лукас. — Я пробежала по кухне мимо привлекательного жениха Миа, который пришел домой, пока мы были наверху, и готовил ужин.

— Привет, Коко. Куда торопишься?

— Гранд Циркус Парк, — прокричала я, даже не оглядываясь на него. Я запрыгнула в машину и поехала в центр, только один раз нахмурившись, когда поняла, что была в трениках и футболке с логотипом винного завода Детройта. Мое лицо было немного опухшее и заплаканное, и на мне совсем не было макияжа. Ох, ну, если он любит меня, то полюбит и такой.

Я заехала на парковку рядом с его домом и заняла первое попавшееся пустое место, и затем понеслась к квартире Ника. К тому моменту, когда я достигла двери, я уже задыхалась, ликуя, что воссоздавала историю из прошлого его семьи. Я потратила пару секунд, чтобы взять себя в руки, и постучала в дверь.

Ничего.

Я снова постучала.

Ничего. Биение моего сердца замедлилось, а плечи слегка поникли. Его не было дома? Такого не должно было случиться. Парень должен быть дома, когда приходит девушка. Ник упоминал, что уйдет? Может, он был в ресторане? Я знала, как он нервничал из-за теста, поэтому не думала, что он уйдет куда-то, не предупредив... подождите, я проверяла свой телефон?

Я начала копаться в сумке и вытащила телефон, и, конечно же, у меня было два пропущенных звонка, смс и голосовое сообщение от него. В смс было сказано:

Привет, перезвони мне, как сможешь.

Голосовое сообщение было длиннее и более разочаровывающим.

— *Коко, это я. Послушай, я только что получил звонок, что мое расписание мероприятий изменено, и мой агент заказал мне билет в ЛА на сегодня. Я вернусь в среду, но позвоню тебе при первой возможности. И послушай, я не могу перестать думать кое о чем, ты понимаешь, поэтому, пожалуйста, дай мне знать, как сможешь? Скоро увидимся.*

Повернувшись и сгорбившись у двери, я нажала «удалить» с больше силой, чем надо, стараясь не слишком злиться по этому поводу. В конце концов, сейчас Ник был «знаменитостью», у него были разные «мероприятия», которые нужно посетить, рейсы, на которые нужно было успеть, и люди в его жизни, которые появились до меня. Но как же раздражало, что все это произошло, когда я приехала сюда дать ему второй шанс.

Дата была сегодняшняя, не среда.

Я была так расстроена, что почти решила не слушать сообщение от Анджелины. Но осознала, что ничего не испортит мне настроение больше, чем то, что уже произошло, поэтому нажала «воспроизвести» и приложила телефон к уху.

То, что она сказала, заставило меня сползти по двери вниз и сесть на пол.

— *Коко, Это Анджелина. Послушай, вечеринка отменяется. Вся гребная свадьба отменяется. Лоренцо — мудак.*

Я прослушала его три раза, просто чтобы убедиться, что расслышала правильно. Затем я ей позвонила. Может, она просто слишком драматизирует.

— Алло?

— Анджелина, это Коко.

— Привет. Свадьба отменена. — Она шмыгала носом, как будто плакала.

Я прикусила губу.

— Я прослушала твое сообщение. Все хорошо?

— Нет. Я узнала, что он изменял мне с моей кузиной Кристой. Он трахал ее месяцами!

Пошел ты, Лоренцо.

— Так вы расстались?

— Черт, да, мы расстались. Я ни за что не приму его обратно. Он может трахать Кристу, если хочет. Или может трахать самого себя.

В анис, подумала я.

— Ладно, ну... ты уверена? Я хочу сказать, не думаю, что смогу забрать залог у поставщиков. Осталось меньше недели.

— Мне плевать. Никакой вечеринки не будет. Я не могу смотреть никому в лицо. Я слишком унижена.

Закрыв глаза, я медленно кивнула. *Прощай, дом.*

— Мне жаль, Анджелина. Если тебе в будущем нужно будет спланировать какое-нибудь мероприятие, я с удовольствием снова буду с тобой сотрудничать.

Неправда, но что я еще могла сказать?

— Хорошо. Спасибо. Извини насчет этого, — она шмыгнула носом.

— Все хорошо. Ты найдешь кого-нибудь получше.

— Черт побери, конечно, найду. Эй, а Ник Лупо свободен?

— Нет. — Закатив глаза, я закончила вызов и опустила голову на руки. Что еще, черт побери, пойдет не так?

Вернувшись в машину, я позвонила Нику, но была перенаправлена на голосовую почту. Я не хотела сообщать о результате теста по смс, поэтому повесила трубку и решила позже попробовать снова. Дома я почистила зубы и свернулась калачиком на кровати, мой телефон лежал рядом со мной на случай звонка от Ника. Это было безумно, насколько я скучала по нему, лежащему рядом со мной, когда это происходило всего две ночи. Я потянулась к телефону и написала смс:

Скучаю по тебе. Перезвони мне.

И я заснула в ожидании, что телефон зазвонит.

#

Следующим утром, собираясь на работу, я поглядывала на свой телефон чаще, чем обычно. В нормальные дни я не вела себя как человек, который не может оторваться от телефона, но по работе мне необходимо всегда быть на связи для клиентов и поставщиков, даже когда я не в офисе. К полудню вестей от Ника так и не было, и я подумала, что, возможно, он спит из-за позднего рейса и разницы часовых поясов.

Привет, соня, просыпайся. Надо поговорить.

После обеда я снова пыталась позвонить, и в этот раз оставила сообщение:

— Привет, это Коко. Просто пытаюсь дозвониться до тебя, поэтому перезвони. Вечеринка на выходных отменена, поэтому не переживай насчет нее. Хотя спасибо, что согласился помочь. Я рада, что мы провели время вместе. Надеюсь, ты нормально добрался и хорошо проводишь время. Пока.

Последняя часть была в какой-то степени ложью — на самом деле я не хотела, чтобы он хорошо проводил время. Я хотела, чтобы он скучал по мне так же, как и я по нему.

К трем часам дня я была немного раздражена.

К пяти — зла.

К шести увидела фотографии.

Я все еще была в офисе, и хотя раньше мне удавалось сдерживаться и не гуглить его, сегодня все было по-другому. Мое нестерпимое желание победило.

Я вбила его имя, нажала «поиск» и прикусила нижнюю губу. В новостях он был на первой строчке, а под словами было его фото, на котором он обнимал красивую брюнетку, целуя ее в щеку. Ахнув, я кликнула на статью. Согласно сайту, который разместил фото, оно было сделано два часа назад. И фотографий было еще больше.

Стараясь сохранять спокойствие, я пролиستала множество фотографий с мероприятия: какой-то сбор денежных средств, на котором присутствовали лучшие повара и готовили еду. Я надеялась увидеть его со стайкой разных красоток, но на всех фото была одна. Очевидно, она тоже была шеф-поваром, участницей текущего сезона «Оближи мою тарелку».

И его бывшая девушка.

Мое дыхание стало тяжелее и быстрее, отчего платье стало жать в груди. Подпись под фото совсем меня не успокаивала.

Победитель первого сезона Ник Лупо снова сближается с фавориткой второго сезона Алекс Риглер.

Сексуальные бывшие любовники Ник Лупо и Алекс Риглер добавили жары на кухне.

Ник Лупо и Алекс Риглер все еще обжигают друг друга.

«Она может облизать мою тарелку в любое время», — сказал он.

Мой желудок сжался и ухнул вниз — я ощутила знакомую тошноту, которую испытывала, когда Ник флиртовал с другими девушками на вечеринках, и когда позже я просматривала его переписки, чтобы увидеть, связывались ли они с ним.

Ужасное юношеское поведение, которое я никогда не хотела повторять. Я знала, что сайты сплетен многое преувеличивают. Но почему он не звонил?

С отвращением к нему и к самой себе я закрыла окно браузера и начала собираться домой. По пути я позвонила Миа и сказала, что была идиоткой, если считала намерения Ника серьезными. Услышав о всех событиях, произошедших после того как я покинула ее дом, она посоветовала мне не паниковать, пока я с ним не поговорю. И хотя она не сказала, что рада тому, что вечеринка Анджелины отменена, я могла услышать это в ее голосе.

К ужину он все еще не перезвонил, и я осознала, что просто тыкаю курицу вилкой, вместо того, чтобы есть ее.

— Что-то не так? — спросила бабушка, изогнув одну бровь.

— Нет, — я отрезала кусочек и съела, уставившись на тарелку как угрюмый подросток. Ситти больше ничего не сказала.

Во вторник Миа уехала во Францию, а мы с Эрин отправились пропустить пс стаканчику. Ник все еще не звонил. Она выслушала мое ворчание о том, как я доверилась

ему и снова разочаровалась, но сказала мне не делать поспешных выводов и не горячиться, что меня ужасно взбесило. Я не горячилась! Я была чертовски умной. Защищала саму себя.

Этой ночью у меня начали критические дни.

Наступила среда, а я все еще не получила от него ни сообщения, ни звонка и удалила его номер из телефона. Я также отправила письмо своему агенту по недвижимости о том, что не могу позволить себе этот дом, но хочу продолжить присматривать что-нибудь в моей ценовой категории. Затем вытащила свое виски Grass Widow и выпила шот, прежде чем нажать «отправить».

Ну, вот и все. Прощай, дом. Прощай, Ник. Прощайте глупые, безумные мечты.

И конечно, в четверг он позвонил.

Я не ответила.

Я удалила его голосовое сообщение, не прослушав.

Удалила его смс, не прочитав.

Это слишком знакомое болезненное чувство.

В пятницу я не пошла на работу, боясь, что он может попытаться найти меня там. Он не посмеет показаться в доме моих родителей, подумала я, не после всего произошедшего в прошлом. На всякий случай я провела выходные в квартире Эрин

Умное решение.

Когда я вернулась домой в воскресенье вечером, Ситти сказала, что он не только приходил в субботу, но и остался, чтобы выпить с ней немного виски, и рассказал ей кое-что, и, как она думала, я должна знать.

— Он потерял телефон, эту вещицу, к которой вы все так привязаны. Он сказал, что выронил его в самолете по дороге в Калифорнию и так и не нашел. Сейчас у него новый, с новым номером. Я записала его для тебя. — Она протянула мне желтую бумажку для записок.

— Не. Заинтересована. — Я пыталась обойти ее и подняться вверх по лестнице, но она преградила мне путь.

— Почему нет?

— Потому что он не хорош для меня, бабушка. — Потеря телефона объясняла, почему он не перезвонил мне с этого номера, но он мог найти другой способ связаться со мной. А я столько всего навывдумывала. Пока я ждала его звонка после увиденных фотографий, я сама довела себя до дурного предчувствия. Хотя я и была обеспокоена, я решила избавиться себя от этого

— Он любит тебя, — объявила Ситти.

— Он сказал это?

— Какой парень будет сидеть с чьей-то бабушкой, если он не любит девушку?

Правда. Пытаясь придумать аргумент, я открыла рот, закрыла и снова открыла.

— Ты выглядишь как птенчик, — сказала она. — И почему ты так одета? — она указал на мои треники. — На прошлых выходных ты поехала к Эрин в красивом нижнем белье, а на этих выходных в тряпках.

Я посмотрела ей в глаза.

— Я не была с Эрин на прошлых выходных, я была с Ником.

Она выглядела самодовольной.

— Я знаю.

— Он сказал тебе?

Она приподняла плечи.

— Сказал, но я сразу поняла, что в дело вовлечен парень.

Я закатила глаза.

— Ну, уже нет. С нами покончено.

— Почему? Он тебе не нравится?

— Нравится. На самом деле, я люблю этого придурка. Но я должна пережить все это.

Он никогда не боролся за меня по-настоящему, Ситти. Недостаточно сказать мне или тебе, что он любит меня. Я хочу, чтобы он показал это. Я хочу доказательств.

— Каких доказательств?

Я вздохнула.

— Не знаю, но пойму, если увижу. Я почувствую. Теперь я могу, пожалуйста, пройти?

Она сделала шаг в сторону, и я прошла мимо нее, но не раньше, чем увидела, как она кладет желтый листок в карман.

Иисус, она собирается сама вмешаться в это? Только этого мне не хватало. Я помчалась вверх по лестнице, переоделась в одежду для бега и натянула свои «Найки».

— Я на пробежку, — крикнула я с лестницы.

— Хорошо. — Голос Ситти донесся с кухни. — Ты вернешься к ужину?

— Да. Примерно через тридцать минут. — Я остановилась, немножко потянулась и затем направилась к двери, готовая хорошенько попотеть.

Три мили спустя я возвращалась домой истощенная и потная и заметила машину на подъездной дорожке — незнакомый внедорожник. Все обрело смысл, когда я увидела, что Ник Лупо стоит на моем крыльце.

— Попалась. — Он выглядел так хорошо в своей футболке «Бургер бар», что мне тут же захотелось стукнуть его своим недавно отработанным ударом.

— Ситти, — пробормотала я сквозь стиснутые зубы, прежде чем смахнула потную прядь волос с лица. — Она тебе позвонила?

Он кивнул.

— Да. Так мы можем поговорить, пожалуйста?

— Нет. — Я сощурила глаза, стараясь не думать плохо о своей бабушке. — Зачем она сделала это?

— Думаю, она надеется, что я женюсь на тебе. Она все время спрашивала, нужна ли мне жена. — Он даже не пытался скрыть улыбку.

— Ох, Иисус. Я убью ее. — Я собиралась обойти его и пройти к входной двери, но он спустился со ступенек и схватил меня за плечо.

— Коко, пожалуйста. — Его голос был низким. — Я даже не знаю, беременна ты или нет.

— Ты бы знал, если бы удосужился позвонить мне на прошлой неделе.

— Я знаю, прости. Я второпях собирал вещи и потерял телефон, а iPad забыл дома. Но я скучал по тебе как сумасшедший. Мне было адски трудно, не знать о результате теста. Так ты беременна или нет?

Я подождала мгновение, просто чтобы немного его помучить.

— Нет.

Он принял новость, медленно кивнув.

— Ну, это хорошо.

— Да, так и есть. Теперь уезжай. — Я пыталась смахнуть его руку с себя и обойти его,

но он крепко меня держал.

— Нет, ты будешь стоять здесь и выслушаешь меня.

— Я уже выслушала, Ник. Ты потерял свой телефон, пока бы на randevу со своей маленькой сексуальной подружкой поваром. Я видела фото в интернете. Она облизывает твою тарелку?

На мгновение его темные глаза заволокло замешательство, и он отпустил меня.

— Ты имеешь в виду Алекс? Она не моя девушка. Она была моей однокурсницей в кулинарном институте, а сейчас она участвует в шоу. Она встречается с моим другом, шеф-поваром из Нью-Йорка.

— Ох, да? А почему он не был ее парой на этом мероприятии?

— Потому что его имя не ассоциируется с этим шоу. Я должен посетить определенное количество мероприятий, освещаемых в СМИ, Коко, даже если не хочу этого. И она не была моей парой, мы пришли как друзья.

— Так почему ты сказал, что она может облизывать твою тарелку в любое время?

— Я никогда не говорил этого.

— Это было подписью к фотографии!

Даже если я признавала, что это звучало глупо, я не могла просто отпустить это. Было больно видеть, как такое пишут о нем.

— Да ладно, Коко. — Он закатил глаза. — Эти люди просто выдумывают херню, когда правда недостаточно привлекательна. Да, в прошлом мы недолго встречались, но ничего серьезного, и мы точно не встречаемся сейчас. Я поддерживаю ее на шоу, вот и все. Послушай, я тоже ненавижу подобное, но мой контракт закончится в конце года, и я покончу со всем этим.

— Отлично, — фыркнула я, раздраженная тем, что он появился здесь с достойным оправданием. — Это все еще не меняет того факта, что ты оставил меня и не звонил всю неделю! Я понимаю, что ты потерял телефон, но ведь у друзей есть телефоны, Ник. И существуют интернет-кафе. Почта. Гребаные почтовые голуби!

— Извини... Не знаю, что еще сказать. Ты права. Мне нужно было пытаться упорнее.

— И ты сказал, что вернешься домой в среду.

Его щеки слегка покраснели.

— Мне нужно было сделать кое-что еще, и я не смог добраться домой до четверга. Я просто подумал, что увижусь с тобой, когда вернусь, но сейчас осознал, что это не очень хорошая идея.

— Черт, совсем не хорошая, Ник. Ты недостаточно упорно сражался за меня. Ты никогда этого не делал. — Я снова попыталась обойти его, но он схватил меня за плечи.

— Послушай меня. Я не идеален, и не претендую на это. Я совершаю ошибки, и ты тоже. Но я люблю тебя, и знаю, что ты тоже любишь меня. Дай мне еще один шанс, Коко. Позволь мне все исправить.

Я хотела. Ох, как я хотела.

— Слишком поздно для этого.

Он уставился на меня тяжелым взглядом, и затем, к моему изумлению, улыбнулся.

— Нет, это не так.

Я моргнула.

— Что?

Его ухмылка стала шире.

— Это не так. Ты дашь мне еще один шанс. Может, не прямо сейчас, может, даже не завтра, но это случится. Потому что нам хорошо вместе, Коко. Это для меня и тебя. Ты увидишь. — Он прижал свои губы к моим, и я была слишком ошеломлена, чтобы сопротивляться, хотя прежде я никогда не сопротивлялась поцелуям Ника. Но в каком-то плане, этот был другим. Я ощущала его от головы до кончиков пальцев на ногах, энергия потрескивала в воздухе между нами.

Затем он отпустил меня. Ник улыбался, выглядя таким счастливым, что я задумалась, был ли он в здравом уме, и помчался к своей машине. Это было так быстро, думаю, я никогда не видела, чтобы он двигался с такой скоростью.

— Подожди, — сказала я растерянная, но при этом возбужденная. — Ты не можешь просто... куда ты?

Он развернулся и несколько шагов пробежал спиной вперед.

— Бороться за тебя!

— О чем ты?

Он ухмыльнулся и без лишних слов сел в свою машину.

— Ох, ради всего святого. — Растерянная, раздраженная и полностью возбужденная, я вошла в дом и хлопнула дверью, прежде чем закричала: — И не возвращайся!

25 глава

На следующий день он отправил мне цветы на работу. Две дюжины захватывающих дух алых роз, обернутых в зеленую папирусную бумагу и перевязанное лентой. Их вид немного взволновал меня, прежде чем я пришла в чувства и снова начала мыслить хладнокровно. Не такое уж и большое дело, что он отправил цветы. Слишком поздно.

Я развернула открытку, на которой было сказано:

«Есть одна роза... Наверное, она меня приручила...»

У меня заняло примерно минуту, чтобы понять, что он цитирует «Маленького Принца», что, должна признать, принесло ему несколько дополнительных баллов.

Но не победу.

Во вторник он отправил мне обед из «Бургер бара» в комплекте с куском чизкейка из магазина Astoria Pastry, сделанного в пекарне Корктауна. Записка гласила:

«Я бы хотел устроить с тобой пикник».

В среду он отправил мне бутылку шотландского виски Очентошен Вирджин Оак с карточкой:

«Для моей любимой девственницы» (прим. перев. в названии виски есть слово Virgin, что по англ. «девственница»). Как-нибудь поедem в Шотландию. Может, экскурсия в вискарню?»

В четверг я приехала на работу, обнаружив целый поднос больших, теплых булочек с корицей, запах от которых разносился по всему этажу. Рядом с ними лежала записка, отсканированная на белом листе:

«Сделал их для тебя утром. Скучаю по тебе на моей кухне (и в душе, моей машине и в кровати)».

Я опустила на свое кресло, поставив сумку с ноутбуком у ног. Я бы хотела сказать, что раздумывала над вариантом, отправить булочки назад или даже выбросить их, но, конечно же, я взяла одну и начала наслаждаться, смакуя каждый кусочек липкого объедения и

облизывая глазурь с пальцев. После этого я понесла поднос по коридору.

— Ты тоже печешь? — спросила Линдси Бернс, одна из двух дизайнеров интерьера, чей офис был на втором этаже. С рвением она выбрала одну и откусила кусочек.

— Нет. Они были на моем столе этим утром. Маленький сюрприз.

— О боже мой. — Ее глаза расширились. — Вкусно, — сказала она с набитым ртом. — Кто их испек?

— На самом деле, мой бывший. Он пытается вернуть меня.

— Едой?

Я печально улыбнулась.

— Он знает меня, и к тому же, он шеф-повар.

— Он сексуальный? — она откусила еще кусочек.

— Да, — вздохнула я. — До нелепости сексуальный.

— Он сексуальный, он готовит и отправляет тебе вкусняшки на работу?

— Да.

— Эй, послушай. — Она облизала пальцы. — Если ты не примешь его обратно, дашь мне его номер?

— Конечно, хотя я подумываю принять его назад. Но мне нужно, чтобы он это заслужил.

Линдси кивнула и прикончила остаток булочки.

— Умная девочка.

После того как я отнесла поднос на третий этаж, и потом спустилась на первый, чтобы предложить всем работникам здания по булочке, я налила себе чашку кофе и уселась за стол. Впервые за неделю я была в хорошем настроении, открыла электронную почту и начала просматривать письма. В основном, это были запросы от невест, а также письмо от Линды, моего агента по недвижимости, с несколькими предложениями с подходящей мне ценой. В конце она упоминала, что дом был продан семье, которая переезжала из другого штата.

Мое сердце ухнуло в желудок. Я знала, что подобное должно произойти, но все еще была разочарована. Я тут же посмотрела на свой телефон: я так сильно хотела позвонить Нику — он единственный бы понял, почему я так расстроена. Но прикусила губу... могу ли я это сделать? Мне придется позвонить бабушке и взять его номер, что будет выглядеть очень жалко. Она, вероятно, будет злорадствовать. Но телефон уже был в моей руке, прежде чем я передумала.

Нет. Он должен приехать ко мне. Цветы, обед, виски, и булочки с корицей (черт, парень понимал меня) — это здорово, но мне все еще нужно больше. Что-то существенное, видимое для глаз.

Тем не менее, в пятницу утром я проснулась радостная, с мыслью о том, какой сюрприз будет сегодня. И появится ли он сам? Парни из службы доставки, конечно, впечатляющие и все такое, но я была готова снова встретиться с ним, особенно учитывая, что следующим утром я улетала во Францию. Он осознавал это? Пока была в душе, я пыталась вспомнить, говорила ли ему, когда уезжаю, и поняла, что не уверена насчет этого. Что если он планировал какой-нибудь романтический ужин или что-то подобное, чтобы завершить неделю? Должна ли я дать ему знать, что меня не будет в городе? Так ничего и не решив, я вышла из дома, почти ожидая увидеть лошадь и экипаж, которые отвезли бы меня на работу.

Весь день напролет я ждала следующего сюрприза. Каждый раз, когда звонил телефон, я подпрыгивала. Каждый раз, когда слышала голоса в коридоре, напрягала слух. С каждым

проходящим часом я оказывалась все ближе к краю своего кресла.

Но день прошел и ничего не произошло.

К пяти часам мне пришлось признать, что он, вероятно, не придет. Может, он планировал прийти ко мне домой? Или, возможно, уже оставил что-то для меня там. Улыбнувшись, я установила на телефоне офиса автоответчик о нашем отсутствии на следующей неделе, прибрала на столе и закрыла дверь.

Дома меня ничего не ожидало. Ни цветов, ни еды, ни самого Ника. *Ну, еще рано. Или, может, ему пришлось работать весь день, чтобы освободить сегодняшний вечер.*

Я начала собирать вещи во Францию, позвонила Эрин, напоминая, что заберу ее завтра в три часа, и около восьми мой желудок заурчал, и я засунула замороженную пиццу в духовку. Четыре куса пиццы и столько же бокалов вина спустя я уснула на диване в гостиной, сжимая в руках телефон.

В какой-то момент, должно быть, Ситти выключила телевизор, потому что, когда я проснулась, в комнате была крошечная тьма. Я проверила время: 2 часа утра. Застонав от боли в шее, я потянулась и встала на ноги. От вина моя голова была немного неясной, но она прояснилась, когда я осознала, что Ник не позвонил. И не приехал. И ничего мне не отправил.

Ну черт. Что за разочаровывающее окончание недели. И я уезжала через двенадцать часов.

После того как я приняла таблетку «Ибупрофена», я поднялась наверх, почистила зубы и упала на кровать, скучая по Нику рядом со мной, как делала каждую ночь на этой неделе.

Где он был?

Думал ли он обо мне? Было ли глупо ждать, когда я так сильно хотела его увидеть?

Может, так и есть. Следующая неделя моей жизни будет посвящена Миа, но когда я вернусь, то свяжусь с ним, даже если мне придется иметь дело с самодовольной Ситти.

Я снова уснула, довольная впервые за неделю.

#

На следующий день я проснулась в восемь и отправилась на пробежку.

Моя голова болела из-за того, что я выпила слишком много вина, но я заставила себя сделать это, думая обо всем количестве еды, которое буду есть на следующей неделе во Франции. Я не упаковала одежду для пробежки, но планировала есть абсолютно ВСЁ.

После душа я надела простой белый хлопковый сарафан, в котором будет удобно путешествовать и сложила последние нужные вещи в чемодан. Конечно же Миа составила мне список, и я послушно вычеркивала каждый пункт, когда проверяла содержимое, прежде чем закрыть чемодан. У меня было все, что мне нужно. Когда я была готова к отъезду, то с тоской посмотрела на розы, которые принесла домой из офиса. Черт бы тебя побрал, Ник. Почему ты не позвонил? Ты выучил свой урок или нет?

Я забрала Эрин, благодарная ее воодушевленной болтовне о нашей поездке и свадьбе, и о перспективе сексуальных шаферов или гостей на свадьбе. Мне нужно было отвлечься. Но в конце концов она сказала:

— Как обстоят дела с Ником?

— Черт, если бы я знала. — Я устроилась в кресле у нашего выхода. — В воскресенье он сказал, что будет бороться за меня, и после всей шумихи прошлой недели — тишина.

Никакого сюрприза вчера или телефонного звонка.

— Может, он потерял свой телефон, — сказала она, рассмеявшись и игриво подтолкнув мою руку.

— Ха. Точно. — Я открыла бутылку воды, которую только что купила, и жадно отпила, так как все еще была обезвожена из-за вина и своей утренней пробежки. — Честно говоря, понятия не имею, о чем он думает. Половине меня нравится ожидание, а другая половина не может выдержать интригу. Мы вместе или нет?

— Так ты хочешь его вернуть.

— Да. — Я посмотрела на нее. — Это безумие?

— Совсем нет. Особенно учитывая, что он передал мне это для тебя. — Вытащив конверт из сумки, она протянула его мне и ухмыльнулась. — Я почтовый голубь. Он попросил меня сказать так.

Моя челюсть отвисла в изумлении, я закрутила крышку на воде назад и уставилась на конверт.

— Что это?

— Не знаю. Но это для тебя. Он связался со мной на этой неделе и спросил, когда мы уезжаем. Затем он привез это в мою квартиру вчера и просил ничего не говорить тебе, пока мы не будем здесь. — Ее зеленые глаза засветились. — Он великолепен. ВЕЛИКОЛЕПЕН. Теперь открывай. Я умираю от любопытства!

— Я тоже. — Скользя пальцем под печатью, я открыла конверт и вытащила рукописную записку.

Черные чернила на белом носовом платке.

Я рассмеялась, когда начала читать его мелкий, аккуратный почерк.

Дорогая, Коко, уверен, что красная помада была бы более эффектной, но пришлось обойтись моей черной ручкой. Просто хотел сказать, что я люблю тебя и скучаю, и надеюсь, что сюрпризы осчастливили тебя на этой неделе. Я хочу делать тебя счастливой каждый день остаток твоей жизни, если ты позволишь мне. Скоро увидимся. Люблю тебя, твой Ник.

— Что там написано? — потребовала Эрин. — Ты меня убиваешь!

Я снова прочитала записку про себя, прежде чем прочитать вслух, изо всех сил пытаюсь выговорить слова, когда в моем горле формировался ком.

— Боже, так романтично, — восторгалась она. — Но почему на носовом платке?

Я рассказала ей историю, и она начала стучать по подлокотнику между нами.

— Так мило.

— Так и есть. — Я обмахивала свое лицо. — Боюсь, что могу расплакаться. Боже, я бы хотела увидеться с ним перед отъездом. Почему он сам не передал его?

Когда я снова прочитала записку, из громкоговорителя у выхода раздался глубокий голос:

— Дамы и господа, могу я отнять пару минут вашего времени, пожалуйста?

Я была настолько сметена своими чувствами, что даже не осознала, насколько знакомым был голос.

— О боже мой. — Эрин схватила меня за запястье: — Коко.

— Что? — я посмотрела на нее.

— Смотри.

Я подняла голову. Прямо впереди у выхода, говоря в микрофон, (клянусь, мужчина мог

очаровать кого угодно) стоял Ник. И он смотрел прямо на меня, когда повторил свою просьбу.

— Спасибо, — сказал он, когда шум в терминале утих. — Видите ли, я хочу впечатлить одну женщину здесь. — Он указал на меня. — Роскошную женщину в белом сарафане.

По моей коже пробежали мурашки. Все головы метались между ним и мной, а несколько людей в толпе хихикали.

— Я безумно влюблен в нее с девятнадцати лет. Но тогда я совершил ошибку. Я потерял ее, и недостаточно упорно боролся, чтобы вернуть ее. — Хихиканье утихло, и мой желудок бешено перевернулся. Слезы заполнили мои глаза. — Но не было и дня, чтобы я не думал о ней и не желал, чтобы она снова была моей. — Его голос надломился на слове «моей», вызывая первый поток слез по моим щекам. — И она просила перестать делать ей неожиданные предложения руки сердца, но некоторые старые привычки умирают с трудом. — Он положил микрофон и направился ко мне, и в тишине толпы мое сердце оглушительно билось. Я замерла на месте. Какого хрена он делал?

Подойдя ко мне, он опустился на одно колено, и толпа ахнула.

Эрин встала с прижатыми руками ко рту и немного отошла.

Когда Ник вытащил кольцо из коробочки, я тоже прижала руки ко рту.

— Коко, — сказал он, его темные глаза были наполнены серьезностью. — Я женился на тебе прежде, потому что любил тебя достаточно, чтобы пообещать тебе вечность. И даже если все пошло не так, я никогда не сомневался в этом. Поэтому сейчас я хочу сделать все правильно. Может, ты считаешь меня сумасшедшим, но я думаю, что мы уже потратили слишком много лет порознь. Я хочу вернуть тебя, хочу тебя навсегда. Выйдешь за меня снова?

Он открыл коробочку с кольцом, и мое сердце остановилось. Внутри был роскошный бриллиант в платиновом кольце в стиле арт-деко, огромный изумруд был вырезан в середине, окруженный тонкой филигранной работой.

— О боже мой, — выдохнула я, все мое тело дрожало.

— Это точная копия кольца, которое папа Джо подарил Крошке, — глаза Ника тоже блестели. — Я бы хотел настоящее, но тетя Винни не отдаст его.

— Ох, Ник. — Я хотела дюжину разных вещей одновременно. Сказать «да». Поцеловать его. Ударить. Растечься лужицей на полу. Подпрыгивать. Визжать. Сказать ему, что люблю копии винтажных предметов. Услышать, как он снова просит меня выйти за него. Но я не могла делать ничего, я едва могла дышать.

— Что думаешь? — прошептал он.

Я улыбнулась.

— Я хочу, по крайней мере, шестьдесят семь лет.

— Ты получишь их. Ты получишь все.

— Она сказала «да»? — раздался голос из толпы?

— Да, — прошептала я Нику. Затем я запрокинула голову и прокричала: — Да!

Толпа взорвалась аплодисментами, а Ник надел мне кольцо на палец. Я смаргивала слезы, прежде чем он потянул меня вниз к себе и обнял. Когда мы долго и страстно целовались, вокруг нас раздавались возгласы и свист, и Ник поднял меня прямо с пола.

Когда наконец он отпустил меня, Эрин схватила меня, чередуя объятия с разглядыванием кольца на моей руке. Ник принимал рукопожатия людей из толпы, прежде чем поцеловал Эрин в щеку.

— Спасибо тебе. Я бы не справился без тебя.

Она обмахивала свое лицо, по которому, как и у меня, текли слезы.

— Меня?! Что я сделала?

— Дала мне информацию о полете. Как бы еще я смог забронировать билет?

Я схватила его руку.

— Ты забронировал билет?

— Да. Они не пропускают людей через службу безопасности без билета. Даже привлекательных дьяволов с кольцом в кармане.

Я шлепнула его по плечу.

— Но ты правда собираешься? Во Францию, я имею в виду?

— Конечно. Я не могу пропустить свадьбу. — На мое недоумение на лице он улыбнулся. — Я созвонился с Миа и Лукасом вчера, чтобы спросить, не возражают ли они против дополнительного гостя на свадьбе, на случай, если ты скажешь да. После того как я объяснил, что планирую, они заставили меня поклясться, что мы оба будем на самолете.

— Миа узнала раньше меня? — я уперла руки в бедра. Я шлепнула его по руке, прежде чем снова обняла его. — О боже мой, не могу поверить. — Уткнувшись лицом в его шею, я вдохнула его запах и так и стояла.

Все правильно. Я чувствовала.

26 глава

Мы прибыли в Париж ранним воскресным утром. Мы с Эрин планировали провести один день в городе и решили потратиться на номер в «Ритц», так как это было всего на один день, и мы платили поровну. Остаток недели мы проведем на вилле родственников Лукаса. Так как Эрин была в сговоре с Ником, он забронировал второй номер в «Ритц», и Эрин достался наш с ней первоначальный номер. Она радостно исчезла в лифте, когда мы прибыли в отель, с сонными глазами из-за смены часовых поясов. Она сказала, что была так истощена, что, вероятно, не покинет свой номер.

Мы тоже не покидали наш.

Возможно, мы должны были. Возможно, было кощунством заставлять красоты Парижа ждать за окном, к тому же моя специальность — история, но самый романтичный город прекрасно разлил свои чары в наших четырех стенах.

Ну, стен было даже больше, если считать ванную. Там мы тоже сделали это.

Но в кровати... ох, эта кровать. Огромная, заправленная белоснежным бельем и с огромным количеством подушек — просто манила нас. Как только дверь за нами закрылась, Ник поднял меня на руки и понес к ней, а наши рты влекло друг к другу как будто невидимой силой. Я обняла его руками за шею и сбросила свои балетки; истощенная, но не в силах остановить себя и перестать желать его, когда мы наконец остались одни.

Он с нежностью положил меня на кровать и смотрел на меня сверху вниз, сбрасывая свою обувь.

— Миссис Лупо.

Мои брови взметнулись вверх.

— Еще нет.

Он ухмыльнулся.

— Знаю. Просто пробую.

— Мне нравится.

Он растянулся на кровати, накрывая мое тело своим.

— Мне тоже.

Ощущать его вес на себе было одновременно и чрезмерно, и недостаточно. Я вытянула руку и снова притянула его для поцелуя, дразня его губы, проводя языком по ним и потянув своими зубами.

— Я скучала по твоему рту, — прошептала я, забрасывая на него одну ногу. — Я так сильно его люблю

— Он весь в твоём распоряжении.

Мое сердце забилось быстрее от этой мысли.

— Знаешь, о чем я только что подумала? — спросила я его, позволяя ему приподнять меня, чтобы он смог стянуть мой сарафан через голову.

— О чем? — Он бросил его на пол, расстегнул мой бюстгальтер и спустил лямки по моим рукам. — Надеюсь, это включает мой рот на твоей груди, потому что я думаю именно об этом.

Я захихикала и легла на спину, когда он опустил свои губы на одну мою грудь, затем на другую и обратно, как ребенок, который только что развернул две изумительные игрушки, подаренные на Рождество, и не мог решить, с какой поиграть первой.

— Нет, но не останавливайся. Я подумала, — сказала я, изогнув спину и запустив руку в его волосы, — что я даже не успела изменить свою фамилию в первый раз. И возможно, это хорошо, потому что Коко Лупо звучит как название коктейля, а не имя человека.

Ник поднял голову и посмотрел мне в глаза.

— Я буду пить этот коктейль утром, днем и вечером. Буду упиваться им.

— Уверена, так и будет, — простонала я громко, когда его рот опустился с моей груди на живот. — Хотя, можно взять двойную фамилию.

— Любимая, — Ник выпрямился, чтобы расстегнуть свою рубашку и избавиться от нее, и затем стянул свою белую майку над головой. — Ты можешь делать, что угодно. Ты даже можешь оставить свою фамилию, если хочешь, хотя я буду по-настоящему горд, если ты возьмешь мою.

В мягком утреннем свете, проникающем через окно, Ник не мог выглядеть еще красивее. Я любила все в нем, от седины на его висках до татуировок на его коже, и особенно его сердце, что билось под моим именем. Я вытянула руку и коснулась букв.

— Боже, я люблю тебя. И да, я возьму твою фамилию: я люблю твою семью и ее историю — не могу дождаться назвать ее своей.

Ник улыбнулся.

— Мне нравится это кольцо на тебе. Весь полет сюда я продолжал смотреть на твою руку.

— Я тоже! — я вытянула руку между нами. — Оно прекрасно, Ник. Не могу поверить, что ты сделал его на этой неделе. — По дороге в Париж Ник объяснил, что после того как прилетел из ЛА поздно вечером в среду, он ехал всю ночь до Буффало, где жила кузина его дедушки, Винни, внучка Крошки, которой досталось кольцо. Он сделал миллион фотографий, не доверяя никому другому это сделать. Он хотел, чтобы все было в точности до мельчайших деталей. Затем он вернулся в Детройт и сразу направился в ювелирную мастерскую, умоляя как можно быстрее сделать копию. Услышав его просьбу, ювелир согласилась, и также попросила разрешение использовать его имя, фото и историю для

рекламы.

— Подожди минутку, я только поняла кое-что. Ты поехал за кольцом на прошлой неделе? Ты даже не знал, приму ли я тебе обратно.

— Я очень оптимистичен, знаю. — Он снова опустил свой рот на мой живот, пробираясь ниже. — Но я не был уверен, какой будет результат теста, и в какой-то степени надеялся, что кольцо поможет мне при любом раскладе. Кроме того, Нони сказала мне больше не ждать, особенно если я знаю, что хочу именно этого.

— Я рада, что ты не ждал, рада, что ты сделал мне такой сюрприз. Думаю, это значит, что ты слишком хорошо меня знаешь. — Я провела пальцами по его волосам. — Теперь у нас есть хорошая история, чтобы ее рассказывать.

Он спустил мои трусики по ногам.

— Да, так и есть.

— Ник, — сказала я мечтательно, когда он расположился между моими бедрами, его губы оставляли нежные поцелуи от моего пупка и дальше на юг. Я приподнялась на локтях.

— Мне нравится имя Винни для девочки.

Ник поднял голову и посмотрел на меня.

— Мне тоже.

Затем он ублажал меня своим ртом, и я забыла все, даже свое собственное имя.

#

Наконец мы делали это восхитительно и великолепно медленно.

Этим утром он облизал меня до забвения и затем грубо трахнул сзади, когда мы оба стояли на коленях возле спинки кровати. Позже я сосала его член, пока он стоял на коленях надо мной. После того как нам принесли завтрак, мы сделали это в душе, когда моя спина была прижата к плитке. Затем мы на самом деле решили прогуляться, вполне гордясь собой. Но мы уснули, прежде чем даже успели высохнуть, и сейчас он снова скользил в меня, его лицо нависало над моим. Меня поразило, что с того времени, когда мы снова сошлись, каждый наш раз был такой торопливый.

В этот раз было по-другому. Когда первые неистовые оргазмы утихли, мы просто наслаждались временем друг с другом.

Я думала о времени, когда он двигался во мне, а его губы едва касались моих. У нас было время. Мы были друг у друга. У нас было прошлое, но также было и будущее.

Я шире расставила ноги, немного приподняла бедра, чтобы он мог войти в меня глубже, пока я проводила ногтями по его спине. Я снова оказалась там, в той ночи, когда он сказал, что мы будем длиться вечно, как небо и звезды, и вот я была под ним, наши тела соединены и страстно желают друг друга.

— Ты был прав, — сказала я, упираясь пятками в его бедра.

— Насчет чего? — Его член толкнулся глубже, и Ник замер, его член дергался внутри меня небольшими ритмичными импульсами.

— О нашем прошлом. О вечности. О нас. О боже. — Я схватила его, прижимая крепче к своему телу, когда все вокруг меня раскололось, и мир сократился до моего тела, моего сердца и моей души, которые слились воедино с Ником.

Я никогда не отпущу его.

— Ну... что вы думаете? — Миа повернулась к нам от зеркала в полный рост, которое находилось в комнате невесты.

— О боже, — Эрин накрыла рот руками. — Я сейчас расплачусь и испорчу макияж. Ты такая красивая.

Милые розовые губки Миа изогнулись в улыбку.

— Спасибо.

Я открыла рот, чтобы сказать то же самое, но в моем горле образовался комок, и я не смогла ничего сказать. Она была такой красивой, но еще больше она была счастливой. А если учесть характер Миа, она была на удивление спокойна. Улыбка была безмятежной, руки не дрожали, а плечи были расслаблены. Комната с большими окнами, из которых открывался вид на оливковые рощи, где все было готово к церемонии, была хорошо проветрена и залита солнечным светом, отчего ее бледная кожа светилась розовым и золотым. Она выглядела такой умиротворенной, более умиротворенной, чем я видела ее на чьей-нибудь свадьбе, не говоря о ее собственной. Вот что счастье делает с человеком.

— Ох, Миа. Я так счастлива за тебя.

— Спасибо. Я тоже счастлива за тебя. — Она улыбнулась еще шире. — Не могу поверить, но я почти полюбила Ника Лупо.

Я рассмеялась.

— Сейчас ты на седьмом небе, поэтому любишь всех.

— Правда.

— И это твоей день... мы можем порадоваться за меня, когда ты вернешься.

Миа подняла свой подбородок.

— Если это мой день, значит, я могу чувствовать то, что хочу — и когда я смотрю на тебя и вижу, какой счастливой делает тебя Ник, и как он хорош для тебя, я чувствую тепло и уют от этого. И ты не можешь остановить меня.

— Ладно, хорошо. Ты победила. Будь счастлива за меня. — Я еще немного повозилась с ее волосами, убирая некоторые свободные пряди с лица. Миа хотела, чтобы они спадали вниз, были немного связаны в узел и перекинуты на одно плечо, повторяя линии ее элегантного шифонового платья цвета слоновой кости. Платье было без рукавов с возмутительно низким V-образным вырезом спереди (я бы не смогла надеть ничего подобного, но маленькая грудь Миа подходила идеально), а также вырезом на спине до талии. На каждом плече была отделка из бисера, а также вокруг ее тонкой талии, а подол в стиле русалки. Миа не хотела надевать фату, поэтому в ее волнистые каштановые волосы было воткнуто несколько цветов каштана, которые были сорваны в садах виллы во второй половине дня. Отступив, чтобы посмотреть на нее в полный рост, я улыбнулась, когда увидела, как ее маленькие пальцы в босоножках выглядывали из-под подола. — Ты идеальна. Абсолютно идеальна.

— Хорошо, потому что думаю, время пришло. — Миа снова посмотрела в окно и сделала глубокий вдох. — Похоже все стулья заполнены, и я слышу музыку.

— Ты готова? — спросила Эрин, потянувшись к ее руке.

— Больше чем готова. — Миа потянулась к моей руке и сжала ее. — Спасибо, что вы здесь. Я так сильно люблю вас обоих.

Мы с Эрин соединили руки, чтобы завершить наш небольшой круг.

— Мы тоже любим тебя, — сказала я. — Лукас самый счастливый мужчина в мире. Не могу дождаться, чтобы увидеть его лицо, когда он увидит тебя.

#

Передний двор виллы был обустроен для приема, и Миа выбрала декор, который вторил провансальскому ландшафту за пределами двора. Каждый стол на восемь человек был накрыт узорчатой тканью цвета слоновой кости, веточки тимьяна или розмарина украшали лавандовые букеты в центре стола, а свечи различной длины светились в сумерках. Даже в воздухе витал запах романтики — наполненный травами и цветочными нотками, он опьянял. День был жарким, но температура была комфортной, а легкий ветерок обвеивал скатерти.

За виллой, за садами полевых цветов и ряда лимонных деревьев, было установлено двенадцать рядов стульев, по разным сторонам гравийной дорожки. В конце дорожки, которая была уставлена свечами, стоял священник, а за ним простиралась оливковая роща.

Мы с Эрин стояли возле лимонных деревьев и с нами находились малышки — сводные сестры Миа, которые были выбраны, чтобы нести цветы. На заднем фоне тихо наигрывали три гитариста, пока семья Лукаса рассаживалась: его мама бывшая кинозвезда, поразительно красивая женщина, которая сидела рядом со своим молодым красивым мужем; и его отец, который напоминал старшую версию Лукаса с разлохмаченными волосами в стиле рок-звезды. Далее сидели отчим и мама Миа, и наконец жених и два брата появились перед гостями.

Я улыбнулась, когда увидела, какой красивый и счастливый Лукас; его обычная щетина была едва заметна, а непослушные кудри приручили каким-то средством, которое возможно одолжил ему Ник (честно говоря, парень путешествовал с большим количеством средств для волос, чем я). Мы с Эрин обменялись быстрыми улыбками и сжали руки друг друга, прежде чем она начала идти по пыльной дорожке; и я боролась со слезами, наблюдая, как лавандовое платье плыло позади нее. Когда она была на полпути, я начала идти по проходу, молясь, чтобы мои каблукы не утонули в гравии.

Мгновенно я нашла Ника в толпе, и мое сердце забилося быстрее, когда я увидела его улыбку. На нем был легкий бежевый костюм, белая рубашка и клетчатый галстук, а его темные глаза светились любовью и гордостью, когда он смотрел на меня. Боже, он был таким красивым — на секунду я развлеклась фантазией о том, чтобы пробраться в его ряд и оседлать его на стуле.

Мама Миа вытирала глаза, когда я прошла мимо, и затем я встретила взглядом с Лукасом, чье выражение лица было очаровательно нервным и в то же время радостным. Я подмигнула ему и заняла свое место рядом с Эрин. Музыка сменилась на что-то более драматичное и все встали в ожидании невесты.

Когда она появилась в начале прохода, шепот и бормотание прошли через толпу. *Она была такой красивой, и вся светила, я никогда не видела ее такой счастливой...* хотя видела ее пару минут назад, но когда она шла по проходу со своим отцом, то выглядела еще более красивой и в состоянии эйфории. Мы с Эрин одновременно схватились за руки и держались крепко, когда Миа шла к Лукасу; ее шаги были уверенными и решительными даже по гравии.

Я оглянулась на Лукаса, и в моем горле сформировался комок, когда я заметила, что он

прикасается большими пальцами к глазам, борясь со слезами, а затем все же сдался и позволил им скатиться. В противоположность этому Миа ярко улыбалась, и ее глаза сияли, когда она достигла Лукаса, и я снова поразилась ее изяществом и хладнокровием. *Я тоже хотела быть такой же расслабленной и уверенной на своей свадьбе, как и она.*

Церемония, проведенная на английском и французском, заняла около двадцати минут и была простой, но красивой, даже те части, которые я не понимала, звучали как стихи. Слишком скоро все было закончено, и Миа с Лукасом были провозглашены мужем и женой. Они поцеловались, и когда Лукас поднял Миа с земли, толпа разразилась аплодисментами и криками.

Гитаристы заиграли несколько оживленных аккордов, а жениху с невестой понадобилось некоторое время, чтобы обняться и поцеловаться с гостями, прежде чем отправиться по пыльному проходу рука в руке, танцуя и смеясь, как будто так было всегда.

#

Позже, после того как ужин был сервирован, торт нарезан, а тосты провозглашены, начались танцы. Ник взял меня за левую руку и сжал ее. Мы сидели за столиком возле танцпола, наблюдая, как Миа с Лукасом медленно покачивались в объятиях друг друга, и я произнесла сердечную молитву благодарности, что сегодня осуществилось все, что она запланировала. Каждая деталь была воплощена идеально. Даже погода была на руку: стало прохладнее, поскольку небо потемнело и поднялся ветер, разнося запах подсолнечников и лаванды по всему двору.

— Какой идеальный день, — пробормотала я. — Я так счастлива за нее. За них обоих.

— Я тоже. — Ник поднес мою руку к своим губам и поцеловал тыльную сторону ладони. — Ты этого хочешь для нашей свадьбы?

Я улыбнулась ему.

— Может быть. Что насчет тебя?

— Мне нравится идея пожениться на улице, но не знаю, насчет места проведения свадьбы. Для этого придется много планировать, да?

— Да, — я поднесла бокал шампанского к губам. Оно зашипело у меня во рту и потекло по горлу. — Поэтому, может, что-то ближе к дому. На ферме? — Я поставила бокал и посмотрела на него.

Он наклонил голову из стороны в сторону.

— Возможно. Но вдруг появится другое место, которое понравится нам больше. Давай подождем и увидим. — Он играл с моей рукой на столе, любясь кольцом на моем пальце. — Так что скажут твои родители?

— Лучше бы им сказать, что они счастливы за меня. Иначе они не будут приглашены. — Он рассмеялся и дернул меня за локоть, притягивая себе на колени. Я охотно переместилась, обнимая его рукой за плечи.

— Ну, мы знаем, что твоя бабушка точно будет счастлива.

— Определенно. Она скажет, что все ее мантры сработали.

— Она поставит это себе в заслугу? — Он прижался в поцелуе к моему обнаженному плечу.

Я закатила глаза.

— Вероятно. Так или иначе.

— Ммм. Ты так хорошо пахнешь. — Он глубоко вдохнул, потирая губами мою кожу.

Я ощутила, как член оживился подо мной, отправив импульс возбуждения прямо к моему лону.

— Думаешь, мы можем сбежать?

— Думаю, можем.

Соскользнув с его коленей, я встала, и он повел меня через двор подальше от вечеринки, в оливковую рощу, где проходила церемония. Мы начали идти медленно, но как только пропали из поля зрения, Ник ускорился. Вскоре мы уже бежали в темноте, скользя между рядами толстых оливковых деревьев с пышными ветками. Когда мы оказались глубоко в роще, спрятанные от всего в отблесках луны, Ник развернулся и прижал мою спину к широкому стволу дерева.

— Приподними свое платье.

Задышавшись, я подняла юбку, под которой у меня были маленькие кружевные трусики. Даже не утруждаясь снять их, Ник облизал свои пальцы и вытянул руку между моих ног, скользя между ними

— Черт, — выдохнула я, объезжая его руку, когда его большой палец надавил на мой клитор через кружево. Расстегнув его ремень, а затем ширинку, я освободила его член и обернула руку вокруг его толстого, твердого ствола, дразня большим пальцем головку. Он застонал, когда шелковистая капля предэякульта просочилась на кончик, и я закружила ее по чувствительной коже.

Наши рты были открыты, находились близко друг к другу, но мы не целовались. Дыхание было горячим и затрудненным.

— Ник, — я задышавшись. — Я хочу. Сейчас.

— Да? — он сильнее вошел в меня пальцами, прежде чем его пальцы выскользнули, и он жестко и быстро потер мой клитор.

— О боже, пожалуйста. — Мои ноги дрожали.

— Приподними свое платье.

Он отодвинул мои трусики в сторону и толкнулся в меня, прижимая меня крепко к дереву. На втором толчке мои ноги поднялись от земли, и я обернула их вокруг его талии. Его руки скользнули под мои бедра, жестко меня хватая и раздвигая еще шире. Моя поясница вжималась в твердую кору с каждым мощным толчком его члена во мне.

— Я люблю это, — выдохнула я, сжимая его шею. — Я люблю то, как ты трахаешь меня. Я так сильно кончаю.

— Черт, да, — он прорывал, толкаясь глубже. — Я весь день хотел забраться под это красивенькое платьице.

Я прикусила губу, еще сильнее возбуждаясь от его яростного желания. Я заглушила свои крики уткнувшись в его шею, когда он поднимал меня все выше к удовольствию, и мои внутренние мышцы все сильнее и сильнее сокращались вокруг него. Вся нижняя часть моего тела онемела на мгновение, отчего я оказалась в подвешенном состоянии между болью и наслаждением, между напряжением и облегчением, между вдохом и криком. Наконец взрыв его оргазма накрыл меня, и я ахнула от толчка его члена в мое истекающее и пульсирующее лоно.

— Иисус, — сказала я позже. — Я не знаю, как буду ходить.

— Хорошо.

Я уткнулась затылком в дерево и посмотрела на лицо Ника в отблеске луны.

— Возможно, тебе придется нести меня.

Он поцеловал меня в губы.

— Когда угодно и где угодно. Так долго, как ты позволишь мне.

— Хммм. Как насчет вечности.

Он прижал свой лоб к моему.

— Вечность.

Эпилог

— Закрой глаза. — Голос Ника был тихим и щекотал мое ухо.

— Зачем?

— Я завяжу тебе глаза.

— На подъездной дорожке моих родителей? В кабриолете?

— Начнем с этого. Может, позже я сделаю это где-нибудь еще... если ты будешь хорошо себя вести.

Я рассмеялась.

— Я думала, ты везешь меня поесть мороженого.

— Я куплю тебе мороженое, если ты захочешь. Но сначала я должен вручить тебе твой подарок на день рождения.

— Сейчас? — мы вернулись из Франции десять дней назад, а до моего дня рождения еще месяц.

— Знаю, еще рано, но ты должна это получить, а я уже не могу дождаться, когда подарю это тебе.

— Никаких жалоб. Я люблю сюрпризы. — Я захлопала в ладоши. — Что это?

Он потянулся на заднее сиденье и протянул мне небольшой пакет, на котором было написано Shinola.

— Загляни внутрь, — сказа Ник.

Я заглянула внутрь и вытащила фотографию двух велосипедов Shinola и маленькую коробочку.

— Что это?

— Ключ от замка твоего нового велосипеда.

— Правда? — я ухмыльнулась, прежде чем снова посмотрела на фото. — Как здорово! А это твой велосипед рядом с моим?

— Да. Хочешь поехать забрать их?

— Да! — Я посмотрела на заднее сиденье. — Но как мы повезем их домой?

— Оставь это мне. — Он обвязал мягкий шарф вокруг моих глаз и завязал его на затылке. — Что-нибудь видишь?

— Нет.

— Хорошо.

Он завел машину и выехал с подъездной дорожки, и я представила те взгляды, которые он бросал на меня, когда вез женщину с завязанными глазами на переднем сиденье своего «Меркури 54». И куда, черт побери, он меня вез? Наши велосипеды были в магазине Shinola? Разве это не где-то в центре города? Тогда зачем он завязал мне глаза?

Я пыталась разобраться, куда мы направлялись по количеству и направлению поворотов, но довольно скоро поняла, что он поворачивал машину так много раз, нарочно,

пытаясь запутать меня.

— Какого черта? — сказала я, хватаясь за приборную панель. — Меня сейчас укачает.

Он рассмеялся.

— Извини, но ты слишком умная, кексик. А это должен быть сюрприз. Мы почти на месте.

Через пять минут он замедлился и выключил двигатель.

— Ты спросила, как мы отвезем наши велосипеды домой, — сказал он, — но они уже дома. — Он развязал шарф, и я убрала его, взволнованная тем, что сейчас увижу.

Моя челюсть отвисла, и я втянула воздух, прежде чем накрыла рот рукой.

Мы были на подъездной дорожке дома в районе Ирокезы. Каждый волосок на моем теле встал дыбом.

— Ник, что это? — Мои глаза блуждали по всем деталям дома, которые я так любила, и наконец, остановились на табличке «ПРОДАНО» на передней лужайке. — Дом продан.

— Знаю. Я купил его.

— Что? — закричала я, не в состоянии осмыслить это. — Ты купил его? Но Линда сказала, что его купила семья, которая переезжает из другого штата.

— Знаю. Это я попросил ее сказать.

Я ахнула и ударила его по ноге.

— Ты не сделал этого!

— Сделал. Ты злишься?

Я снова посмотрела на дом.

— Я должна, не так ли? Я хотела купить этот дом сама!

— Но в тот момент ты собиралась жить в нем одна. — Он обнял меня и притянул ближе. — Теперь мы будем жить в нем вместе.

— О боже мой, Ник, не могу поверить, — мое сердце бешено колотилось. — Ты сказал, что мы должны пожить в твоей квартире некоторое время, ты большой лжец. — На самом деле я уже начала паковать вещи. Чем быстрее я съеду из дома родителей, тем лучше. Как и следовало ожидать, они были ошеломлены моей помолвкой, но мы с Ником встретились с ними и поговорили. Вместе мы рассказали им, что после того, как снова встретились, осознали, что все еще любим друг друга и хотим пожениться, так как уже провели слишком много времени порознь. Я уверена, что они сочли нас сумасшедшими и глупыми, но мне все равно. Я никогда не была так взбудоражена своим будущим.

— Пришлось держать тебя в неведении. — Он поцеловал меня в голову. — Но с этим покончено. И не переживай — я все еще позволю тебе делать столько работы, сколько ты хотела. Я даже покажу тебе, как орудовать молотком.

— Ха-ха. — Я положила голову ему на плечо. — Боже, ты такой придурок. Но я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя. И, Коко, мы поместим твое имя в документы так быстро, как это возможно. Это наш дом. Мне плевать, кто платил за него.

— Правда? Ты действительно имеешь это в виду? — я посмотрела на него.

— Конечно. Ты и я, кексик.

Счастье бурлило во мне.

— Эй, если мы приведем задний двор в порядок к следующему лету, мы можем здесь пожениться!

Ник быстро чмокнул меня в губы.

— Хорошая идея.

Я обернула руки вокруг его талии

Я прижалась ближе к нему, и мы смотрели на дом, в котором будем строить наше будущее. Здесь я буду каждую ночь до конца наших жизней.

Понадобится много работы — и над домом, и над нашими отношениями, — но я знала, это того стоит. Прямо передо мной было все, что нужно для счастья.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

КОНЕЦ

Заметки

[

←1

]

Марка часов и косметики

[

←2

]

Понятие, введенное в психоанализ Зигмундом Фрейдом, обозначающее бессознательное или сознательное сексуальное влечение к родителю противоположного пола и амбивалентные (двойственные) чувства к родителю того же пола.

[

←3

]

американская актриса, признанная Американским институтом кино одной из величайших кинозвезд в истории Голливуда.

[

←4

]

Мировой экономический кризис, начавшийся в 1929 году и продолжавшийся до 1933 года.